

**Как люди разных поколений празднуют?
Исследование на основании нарративного интервью
русско-финских респондентов**

Арина Мюллюоя
Университет Тампере
Факультет информационных технологий и коммуникационных наук
Русский язык, культура и перевод
Дипломная работа
Май 2019

Tampereen yliopisto
Informaatioteknologian ja viestinnän tiedekunta
Venäjän kielen ja kulttuurin maisteriopinnot

MYLLYOJA, ARINA: Kak ljudi raznyh pokolenij prazdujut? Issledovanije na osnovanii narrativnogo intervju russko-finskih respondentov. / Kuinka kaksi eri sukupolvea juhlivat? Venäläis-suomalaisten vastaajien narratiivisiin haastatteluihin perustuva tutkimus.

Pro gradu -tutkielma, 101 sivua + liite 5 sivua

toukokuu 2019

Tutkimuksen tavoitteena on selvittää haastateltavista koostuvan ryhmän kollektiivisen muistin luonne tiettyjen juhlien kontekstissa. Halutaan myös saada vastaus siihen, kuinka adaptoituneita haastateltavat ovat suomalaisiin kulttuuriin juhlintatraditioihin. Toisaalta kiinnostavaa on havaita myös venäläisten ja muiden rituaalien ilmeneminen Suomessa vietetyissä juhlissa. Lisäksi juhlia organisoivien agenttien rooli halutaan tuoda ilmi. Työn aiheen ajankohtaisuutta tukee se tosiasia, että globaalissa maailmassa kulttuurit sekoittuvat jatkuvasti, ja tätä ilmiötä ymmärtääksemme tarvitsemme siitä lisää tietoa. Tutkimusaiheena kollektiivinen muisti juhlinnan kontekstissa on tällä hetkellä melko harvinainen.

Tarkemmin ottaen tutkielman avulla halutaan selvittää, kuinka Suomessa asuvat venäläis-suomalaiset kaksikieliset informantit viettävät joulua ja joulunaikaa sekä halloweenia ja pyhäinpäivää. Merkittävää on saada tietoa siitä, mitkä näistä juhlista ovat tärkeitä, miten ja kenen kanssa niitä vietetään ja mikä kaikki ritualisoituu juhlittaessa. Tämän ohella on mielekästä saada tietoa siitä, eroavatko traditiot eri sukupolvien edustajien narratiiveissa vai voidaanko niissä nähdä yhtäläisyyksiä. Lisäksi on kiinnostavaa nähdä, missä määrin tavat voivat periytyä sukupolvien välisessä kanssakäymisessä. Kaksikulttuurisuus voi näkyä juhlittaessa traditioiden monimuotoisuutena sekä niiden räikeytinä. Tutkimushypoteesina voidaan pitää sitä, että monikulttuurisessa ympäristössä juhlintarituaalit muovautuvat uudellaisiksi – niissä näkyvät paitsi kahden kulttuurin kasvot, myös muiden mahdollisten kulttuurien heijasteet. Näin ollen niitä voidaan pitää kaksikulttuuristen sijaan transkulttuurisina.

Ensin työssä käsitellään Mircea Eliaden teorian pohjalta juhlien sekä niissä näyttäytyvien rituaalien pyhää olemusta ihmisten elämässä. Tämän jälkeen Victor Turnerin teoriaan nojaten juhla nähdään liminaalitulana, jossa ilmenee rutiininomainen, ruumiillinen communitas sekä ihmisten samanarvoisuus ja tasavertaisuus. Eri teoreetikkojen tutkimusten perusteella voidaan puhua rituaalisesta kollektiivisesta muistista, jonka avulla viestitään sosiaalisesti merkittävistä tekijöistä. Juhlimisen ja juhlintatraditioiden sekä niistä kertovien narratiivien kautta ihmiset yrittävät säilyttää, muuttaa ja välittää oman yhteisönsä kollektiivista muistia sekä mytologiaa. Työn teoriaosiossa näytetään myös, miten metanarratiivi on kytköksissä kollektiiviseen muistiin. Tärkeässä osassa teoriaviitekehystä on lisäksi kulttuuri-identiteetin ja transkulttuurisuuden määrittely ja Suomen ymmärtäminen monikulttuurisena maana.

Aineostonkeruumenetelmänä toimii puolistrukturoitu narratiivinen haastattelu. Litteroitua aineistoa työstetään käyttäen sisällönanalyttistä lähestymistapaa. Narratiivien osia teemoitellaan ja tyypitellään. Tutkimusaineisto kattaa 18 haastattelua joulunajan vietosta sekä halloweenin ja pyhäinpäivän traditioista. Narratiiveista puolet on ensimmäisen ja puolet toisen sukupolven edustajien antamia. Ensimmäisen ja toisen sukupolven edustajien haastatteluja käsitellään aineistossa erikseen. Lisäksi analyysi kattaa ylisukupolvisen tarkastelukatsannon niin, että on mahdollista tehdä tulkintoja saman perheen sisäisestä traditioiden periytyvyydestä.

Analyysissa käy ilmi, että kyseisen yhteisön kollektiivinen muisti ja metanarratiivi(t) ovat erittäin transkulttuurisia. Näin ollen pystytään päättämään, että myös informanttien rituaalit ja kulttuuri-identiteetti ovat transkulttuurisia. Tutkimuksessa käy ilmi myös, että usein on oikeastaan mahdotonta nimetä traditioita, jotka ovat vain jollekin tietylle kulttuurille ominaisia. Tutkielmasta

selviää lisäksi, kuinka räikeästi eri sukupolvien juhlintatraditiot voivat erottua toisistaan. Toisaalta niistä voi löytää myös yllättävän paljon yhtäläisyyksiä, joista pääosa on joko venäläisiä tai transkulttuurisia rituaaleja. Useimmiten toisen sukupolven edustajat ovat ottaneet omikseen suomalaisia tapoja, kun taas heidän vanhempansa pitäytyvät venäläisissä sekä transkulttuurisissa traditioissa. Erityisen mielenkiintoisena näyttäytyy joulunjälkeinen aika, jota voidaan pitää hyvin transkulttuurisena. Kyseisen kollektiivin metanarratiivi sisältää myös amerikkalaisia traditioita liittyen halloweeniin ja transkulttuurisia tapoja liittyen pyhäinpäivään. Kertomusten perusteella saatiin evidenssiä siitä, että metanarratiivit liittyvät laajempiin metanarratiiveihin.

Kaiken kaikkiaan tutkielman perusteella voi sanoa, että tässä tapauksessa on parasta puhua venäläis-suomalaisen yhteisön sijaan transkulttuurisesta kollektiivista, joka elää Suomessa ja joka harjoittaa juuri tällä hetkellä tietynlaisia, tutkielmassa ilmeneviä tapoja. Yhteisö juhlan luojana ja ylläpitäjänä on tärkein kertomuksissa ilmenevä elementti, ja se määrittääkin esimerkiksi juhlien olemassaolon ja niiden puuttumisen. Jos kertomuksissa ei puhuta yleisesti yhteisöstä, niissä korostuu nainen sosiaalisesti merkittävänä agenttina.

Avainsanat: juhla, traditio, rituaali, kollektiivinen muisti, transkulttuurisuus

Оглавление	
Введение.....	1
1. Понятие праздника.....	3
1.1. Праздник через сопоставление священного и мирского	3
1.2. Коммунитас и понятие праздника в лиминальном пространстве	5
1.3. Ритуальное празднование – укрепление общества и передача коллективной памяти	8
2. Культура и идентичность.....	12
2.1. Культурная идентичность.....	12
2.2. Иммиграция и мультикультурность в Финляндии.....	17
2.3. Предыдущие исследования	21
3. Нарративное интервью как метод исследования	24
4. Ход сбора исследовательского материала и методы анализа.....	28
4.1. Интервью и роль интервьюера	28
4.2. Описание информантов и исследовательского материала	29
4.3. Методы анализа.....	31
5. Ход и содержание аналитической части	32
6. Рождественское время	36
6.1. Метанарратив и ритуалы рождественского времени.....	36
6.1.1. Подготовка к Рождеству	37
6.1.1.1. Предрождественская уборка, декорации, символ ёлки и время, отведенное на них	37
6.1.1.2. Другие рождественские атрибуты	44
6.1.1.3. Тема, поднятая вторым поколением	47
6.1.1.4. Краткие результаты данной части работы	47
6.1.2. Основной праздник – Рождество	48
6.1.2.1. Праздничное застолье.....	50
6.1.2.2. Десерты и напиток глинтвейн.....	56
6.1.2.3. Рисовая каша и другие элементы застолья	58
6.1.2.4. Одежда	60
6.1.2.5. Joulupukki и подарки на Рождество	62

6.1.2.6. Sauna.....	68
6.1.2.7. Другие виды времяпрепровождения на Рождество	69
6.1.2.8. Особенности рассказов первого поколения.....	73
6.1.2.9. Краткие результаты данной части работы	73
6.1.3. Время после Рождества	76
6.1.3.1. Joulunpyhäät	77
6.1.3.2. Русское Рождество и Старый Новый год	79
6.1.3.3. Окончание Рождества	81
6.1.3.4. Краткие результаты данной части работы	84
7. Метанарратив и ритуалы Хэллоуина и Дня всех святых	86
7.1. Краткие результаты данной части работы	91
8. Выводы.....	93
9. Заключение	99
Список источников.....	102
Источники	102
Энциклопедии	106
Материалы, опубликованные в Интернете	106
Неопубликованные материалы	108
Приложение 1	109

Введение

В современном мире изучение языковых и культурных особенностей является актуальной темой потому, что люди часто мигрируют из одного места в другое. В результате миграции языки и культуры смешиваются и влияют на индивидуальность людей: как мигрантов, так и коренного населения. Мы рассмотрим эту тему с точки зрения русско-финских индивидов в Финляндии, так как в данной стране самую большую группу мигрантов составляют выходцы из России и стран бывшего СССР, считающие себя носителями двух культур. Несмотря на то, что билингвизм и бикультурность являются широко изученными темами, праздники и ритуалы празднования еще не были исследованы достаточно широко, особенно в контексте исследования бикультурных финско-русских семей, проживающих в Финляндии. Конкретнее говоря, такая социокультурная точка зрения, исследующая коллективную память подобных сообществ, не является хорошо изученной в современной науке. Поэтому мы ставим перед собой цель восполнить эту лакуну своим исследованием.

Мы сосредоточимся на том, как выглядят и каким образом передаются русские и финские традиции в виде обрядов и ритуалов в рассказах двуязычных людей, проживающих в Финляндии. В нашей работе мы углубимся в рассмотрение проблемы ритуалов и обычаев в контексте праздников, то есть их проявления, обновления, соединения и реорганизации.

Конкретной целью данной работы является выяснить, как русско-финские билингвы в Финляндии отмечают Рождество и рождественское время в целом, а также Хэллоуин и День всех святых *ruhäinpäivä*: какие из этих праздников являются важными, как их проводят и какие обычаи в них соблюдаются? Нас также интересует следующий вопрос: различаются ли обычаи у разных членов семьи, относящихся к разным поколениям, и каким образом? Также нам любопытно узнать, с кем проводятся самые весёлые дни года, и кто во время праздников является активным агентом общества. Мы предполагаем, что бикультурность проявляется в том, как люди отмечают праздники. Возможно, что в результате смешения культур торжества оказываются более яркими и многообразными. При этом, гипотезой нашего исследования является предположение, что, в мультикультурной среде праздничные обряды формируются заново – они являются результатом смешения двух культур, а также они могут одновременно находиться под влиянием многих других культур, то есть, быть транскультурными.

Нашим основным способом сбора информации является полуструктурированное нарративное интервью, с помощью которого мы будем искать нарративы о праздниках. Наряду с этим, нами будет использован контент-анализ для того, чтобы через рассказы проникнуть в опыт людей. Таким образом, объектом нашего исследования является коллективная память о

разных календарных датах. Для получения релевантной базы исследования мы проинтервьюировали девять билингвальных и в то же время бикультурных семей.

В данной работе, исследующей тему праздничных традиций бикультурных семей, важное место будут занимать такие теоретические категории, как «культурная», «этническая» и «языковая идентичность», «транскультурность», а также «социализация» людей и факторы, влияющие на нее. Мы не исследуем языковую идентичность наших информантов, но культурная идентичность и вообще культурные качества, могут быть обнаружены через рассказы и память человека. Таким образом, языковая и культурная идентичности находятся во взаимосвязи, и поэтому, в нашей теоретической части, мы углубимся в обе сферы. Помимо этого, особое значение имеют также понятия «ритуала», «коллективной памяти», «метанарратива» и праздника как «лиминального пространства».

1. Понятие праздника

Обычно «праздник» понимается, как понятие противоположное бытовой рутине. «Праздник» можно также определить, как день торжества, установленный в честь какого-нибудь выдающегося события (Валуева s.v. праздник). По праздникам люди собираются вместе и отмечают важные для них даты. Существуют и другие, более научные определения этого явления. О них более подробно будет рассказано в этой главе и ее разделах. Мы рассмотрим, например, как праздник связан с обрядами, обычаями, ритуалами и мифом, а также, как можно воспринимать праздники в качестве святого явления в нашей жизни. Более того, мы выясним, по каким причинам праздник можно воспринять «лиминальным пространством», и что является характерным для него в подобном случае. Кроме этого, мы покажем, как празднование связано с коллективной памятью и что именно эта память включает в себя. Сначала мы представим некоторые части теорий Мирчи Элиаде и Виктора Тэрнера. Входящие в них пункты мы будем использовать исходными идеями и предположениями данной работы. Затем мы сосредоточимся на понятии «коллективной памяти».

1.1. Праздник через сопоставление священного и мирского

Праздники и обряды, связанные с ними, можно рассматривать, разделив окружающий мир на понятия «святого» и «мирского». Исходя из данной идеи, праздник можно считать священным явлением в жизни каждого из нас. Более того, в праздничных церемониях воплощающиеся ритуалы имеют свое святое значение. Конкретнее, сакральность праздничных ритуалов заключается, как в том, что они являются знакомыми и своими для их носителей, так и в том, что они вызывают сильные эмоции в людях. Несмотря на то, что священность является сложной для пересказа другим, отпечатки ее можно найти, опираясь на рассказы людей. В данном разделе будет рассказано более подробно об этом. В настоящей работе такие слова, как «святое», «священное» и «сакральное» будут использоваться синонимами несмотря на то, что теоретически данные понятия могут отличаться друг от друга в зависимости от контекста.

По мнению всемирно известного исследователя оккультизма и ритуалов Мирча Элиаде, значимость сакрального невозможно понять без сопоставления его с мирским. Элиаде описывает это понятие в своём произведении «Священное и мирское». (Eliade 2003: 10.) Согласно мнению автора, понятно, что христианство, в том числе и православие, является религиозным мировоззрением (там же: 39). Воцерковлённым людям многое кажется святым и, поэтому сакральность является для них совершенным олицетворением существования (там же: 159). Однако, не нужно быть религиозным для того, чтобы участвовать в «святых»

праздниках. Согласно Элиаде, святой праздник для нерелигиозного человека является противоположностью ежедневной реальности. (Eliade 2003: 45-46.) Иными словами, для нерелигиозного человека мирским является ежедневная жизнь, а сакральным можно назвать все остальное, отличающееся от мирского, в том числе и праздники. Для нас важным является то, что праздники можно считать частью святого пространства в жизни каждого из нас. Далее нашей целью является узнать более подробно суть ритуалов, священности, а также то, как рассказы людей связаны с ритуалами, поскольку в данной работе речь идет именно о священных для людей ритуалах и их проявлении в рассказах наших информантов.

Человек изменяет чуждое ему окружение в более понятное себе с помощью ритуалов. При этом непонятное обретает структуру, форму и традиционные нормы. (Eliade 2003: 53.) Таким образом, чуждое перестаёт быть чужим и становится своим и понятным. Во время праздников, с помощью торжественных и символических ритуалов, которые обязательно символизируют что-либо, люди превращают святое для себя в видную и свою форму. (там же: 109.) Для нас это важно, потому что мы исследуем именно символические, традиционные ритуалы, в которых чужое присвоено, трансформировано в свое. Исходя из этого, можно понять, почему люди обычно держаться за свои традиции – они им знакомы и, поэтому, важны и святы. Однако, понятным является и то, что чужие традиции можно перенять в свои и при этом даже обновить/изменить ритуалы, входящие в какой-либо праздник. По такому же принципу можно предположить, что уже знакомая традиция может измениться во времени. Далее о том, как священное связано с ритуалами.

Исторически все в мире всегда имело религиозное и святое значение (Eliade 2003: 176). Однако, мы не можем полностью согласиться с этим утверждением. Если все имело бы изначально такое значение, где в те времена можно было найти мирское для сопоставления со священным? Тем не менее, важность сопоставления была подчеркнута самим автором в его же произведении. Однако, если все имело бы первоначально священное понятие, с чем его можно было бы сопоставить, если не с мирским? Всё же, мы согласны с автором книги «Священное и мирское» в том, что святость проявляется на праздниках в виде ритуалов и символики. Несмотря на то, что многое вокруг нас потеряло своё сакральное значение и стало мирским, мы можем найти отпечатки «святости» с помощью символов и ритуалов (там же: 109-159). Далее последует более подробная информация о том, как нужно воспринять в данной работе священность, но и о том, как святые ритуалы связаны с нарративами людей.

«Священность» может определить только тот, кто уже испытывал что-либо кажущееся ему таким. Святое – это субъективное явление, событие, которое невозможно даже полностью описать другим. Таким образом его можно назвать «нереальным». Кроме того, в святости есть присутствие особой силы. (Eliade 2003: 35.) Несмотря на это, святое можно сделать видимым

и понятным, опираясь на рассказы людей. Рассказ – это способ, с помощью которого святое словно общается с нами. Более конкретно, святое проявляется в ритуальных действиях, о которых идет речь при разговорах о праздниках. (Eliade 2003: 110.) Поэтому, при сборе исследовательского материала мы используем именно интервьюирование, а вернее нарративы людей, для того, чтобы объяснить сакральные понятия и сделать сакральное видным для всех. Однако, в отличии от мнения Элиаде, мы считаем, что сакральным является вообще всё то, что входит в рассказы людей о празднике и что при этом вызывает у них сильные чувства, поскольку само значение этих событий является настолько важным, что его пытаются передать из поколения в поколение, как словесно так и ритуально.

В конечном счёте, в данной работе понятия «священное» и «мирское» являются необходимыми для понимания событий и ритуалов в качестве святых, то есть стоящих воспоминания и передачи из поколения в поколение. Одновременно, со священностью связаны как сильные эмоции, так и чувство знакомых и особо важных себе и своему обществу элементов. Соответственно «мирским» можно считать забывание вещей, потому, что значение определяется человеческой деятельностью, дающей различным вещам и событиям название и смысл. Значения не существуют отдельно от таких актов – особенно рассказов об их содержаниях (Eliade 2003: 20). В итоге, в нашей работе мы исследуем важные для людей рассказы о праздниках, а именно входящие в них ритуалы, святость значения которых рассказчики создают сами. Если мы не нашли бы людей, заинтересованных в рассказах о традициях своего сообщества, это был бы знак о том, что эти вещи больше не оцениваются и поэтому они постепенно выпадали бы и исчезали бы из памяти людей и их коллективов и стали бы таким образом мирскими. Сакральная и ритуальная сущность праздников является в данной работе исходной идеей и предположением.

1.2. Коммунитас и понятие праздника в лиминальном пространстве

Для нашей работы мы исследовали жизнь людей в лиминальном, то есть переходном пространстве, в котором управляет «коммунитас», то есть открытое общество. Коммунитас – сложное понятие, но необходимое в нашем обществе. Несмотря на то, что праздники и их атмосферу сложно передать другим, в правилах любого торжества присутствуют специфические элементы. В данной работе предполагается, что праздники связаны с сакральными и ритуальными явлениями, и люди, находящиеся на них, участвуют и действуют в зависимости от конкретных требований таких лиминальных пространств. Далее мы рассмотрим подробно, как все это взаимосвязано и каким образом все происходит.

Антрополог Виктор Тэрнер исследовал символические ритуалы в лиминальном пространстве и также ознакомил своих читателей с понятием «коммунитас». Первая его книга на эту тему: «Ритуальный процесс: Структура и антиструктура» была опубликована в 1969 году и является известным во всем мире произведением. По словам Тэрнера, в обществе существуют переходные ритуалы, проявляющиеся в виде: 1) отделения члена от общества, 2) нахождения в промежуточном (лиминальном) пространстве и 3) возвращения члена обратно в структурную жизнь. (Turner 2007: 106-108.) Более того, ритуалы, существующие в лиминальном пространстве, являются телесными и разрушают гордость, а также чувство личного превосходства человека. Кроме этого, они образуют между людьми отношения, не основывающиеся на разных точках зрения личностей, а являющиеся однотипными, прямыми, конкретными и непосредственными. Иными словами, люди могут быть только людьми без всяких личных качеств. (там же: 126.) Своеобразными чертами такого человека являются многозначность, бесстатусность, анонимность и равноправность с другими людьми, входящими в эту группу. Следовательно, находящиеся в лиминальном пространстве личности теряют свои социальные качества, определяющие их обычное место в обществе, и оказываются в самой глубине коммунитаса. (там же: 106-120.)

Тэрнер отмечает в своей книге, что инициальный ритуал в замбийской культуре способствует сначала вовлечению человека в новые правила, после чего возникают духовность и развитие чувства расширения человеческих возможностей. Такие изменения невозможно понять интеллектом. В такой ситуации человек находится в самой глубине духовности, в «коммунитасе». (Turner 2007: 126.) Иными словами, «на пороге», так как *limen* по-латински обозначает 'порог' или 'вход', люди чувствуют некое загадочное, сложно выразимое, или даже невыразимое, чувство святости (там же: 147). Несмотря на это, можно определить условия, в которых возрождается коммунитас – это самые экстремальные моменты в жизни человека (Turner 2007: 9-10). Такой взгляд напоминает точку зрения Элиаде, если представить коммунитас сакральным явлением. Таким образом, духовность, входящая в понятие коммунитаса, напоминает «элиадское» понятие о священном. Тэрнер добавляет, что, испытывая удовольствие от сакральности, люди находятся в своеобразном лиминальном пространстве, и в нем они являются равноправными, анонимными и неразличимыми, в чем заключается и суть коммунитаса. По нашему мнению, информанты данного исследования описывают именно такие события и связанные с ними чувства.

Люди живут в мире структур, а при коммунитасе все структурные, социальные статусы исчезают (Turner 2007: 147). Несмотря на это, внутри самого коммунитаса постепенно развивается структура, в которой свободные отношения между личностями изменяются в отношения, регулируемые нормами между социальными лицами. Таким образом, участием

всякого спонтанного коммунитаса является разрушение, а затем и присоединение к структуре и закону, и становление рутиной. (Turner 2007: 152-153.) Таким рутинным коммунитасом можно назвать, на наш взгляд, праздник, так как во время празднования происходит именно всё то, что было описано выше о характеристике лиминального пространства и коммунитаса, а также и ритуальности, связанной с этими явлениями.

Тэрнер углубляется в понятие «лиминальности» и различает два главных типа этого явления: 1) лиминальность, при которой субъекты повышают свой статус и 2) лиминальность, при которой статусы субъектов меняются местами. Чтобы значимость какого-либо человека или его общества не осталась непонятной другим членам той или иной группы, различные важнейшие переходные времена жизненного пути систематически повторяются и, в последствии, сохраняются во всех обществах. Такими переходными (лиминальными) моментами можно назвать, к примеру, день рождения и свадьбу. Ритуальным субъектом тогда, как правило, является индивид. В свою очередь, ежегодные ритуалы почти всегда касаются большой группы людей, довольно часто даже целого общества. Они организуются часто в одно и то же время и являются в тесной связи с циклом ежегодного производства. Именно такие ритуалы и обычаи, связанные с кризисами группы, используются при обстоятельствах, в которых меняются статусы субъектов. (Turner 2007: 192-195.) В нашей работе речь идет не о ритуалах статусного повышения, а в противоположность этому, о годовых ритуалах, касающихся целого общества. При таких обычаях субъекты лиминальности меняются своим положением. Примером такого обмена можно назвать праздник Хэллоуин, поскольку дети в нем символично и на короткое время становятся властными, а их родители снижаются по статусу. Тема лиминальности проявляется, например, в том, что дети являются анонимными, они переодеты в костюмы и обезличены, образуя своего рода массу личностей. (там же: 196-199.) Здесь также видна символичность, являющаяся важнейшим элементом лиминального пространства. К примеру, символом анонимности является одинаковая одежда всех членов лиминальной группы. (Turner 2007: 116-120.)

Изменение статуса укрепляет иерархичные принципы общественной структуры, так как оно превращает низкое в высокое, и наоборот. Такие ритуалы могут также исправить связь между коммунитасом, то есть антиструктурой, и общественной структурой в то время, как ритуалы повышения статуса могут вернуть слишком отдалённую структуру в правильную позицию по сравнению с коммунитасом. (Turner 2007: 204-206.) Сущность лиминальности состоит в том, что без положения низших позиций не было бы более высоких, и без коммунитаса не было бы общества. Таким образом, можно сказать, что социальная жизнь людей и групп в обществе – это постоянно развивающийся процесс, в котором чередуются опыт низшего и высшего человека, сопоставления коммунитаса (антиструктуры) и структуры,

единообразии и различии, равноправии и неравноправии и так далее. Функция лиминальности и коммунитаса заключается в том, что подобные пространство и состояние упорядочивают наше нормативное общество и поддерживают в нем баланс. (Turner 2007: 108-110.)

В итоге, мы согласны с Тэрнером в некоторых из его аргументов, и, поэтому, используем в своей работе, как исходные идею и предположение, части его теории, например, о лиминальном пространстве и связанными с ними пунктами, такими как коммунитас и телесные ритуалы. Это основывается на том, что в рассказах наших информантов были обнаружены постоянные попытки описания рутинного коммунитаса и себя как равноправного с другими членами сообщества человека. Более того, мы видим праздники, анализируемые нами, лиминальными именно в том смысле, что в них субъекты лиминальности меняются своими положениями.

1.3. Ритуальное празднование – укрепление общества и передача коллективной памяти

В данном разделе мы рассмотрим исследования, проведенные разными авторами, о ритуалах и коллективной памяти, являющимися значимыми для всех людей в обществе. Для нас важен тот факт, что во время проведения праздника люди собираются в группы и, соблюдая конкретные традиции, проводят это торжество. Таким образом, они закрепляют традиции или обновляют их. Через такой процесс коллективная память обществ передается ритуально. Параллельно передаются так и мифологические качества сообществ. Весомым считается также тот факт, что наши информанты проявляют желание делиться воспоминаниями и рассказывать о праздниках с целью передать свой опыт будущим поколениям. Таким образом нам интересно увидеть в нашей аналитической части данного доклада, какие именно вещи нам хотят передать как культурозначимые.

В социальной жизни мы используем различные символы в поведении по отношению к другим людям (Rothenbuhler 1998: 5). Можно сказать, что мы находимся в постоянном взаимодействии с другими, и своим поведением мы произвольно сигнализируем о себе, о том, к какой социальной группе относимся. Таким образом, с помощью традиций, которые у нас имеются, мы выражаем важные для нас общественные качества и своё отношение к другим людям или группам. К тому же, традиции проявляются в различных ситуациях, как и моральные правила социальной жизни, так как они обязывают членов общества соблюдать их. (там же: 3-5.) Мы считаем, что своими обрядами наши информанты сигнализируют о том, в какую группу они входят и что является для них важным, а также показывают обязательные правила и ритуалы, входящие в какой-либо социальный круг. Далее еще более подробно о сущности ритуалов.

Сила ритуалов проявляется в эмоциональных действиях социальной интеракции, когда люди используют символы своей группы. Таким образом, можно увидеть, как общество оценивает себя. (Connerton 1989: 103.) В праздниках важность ритуальности ясно видна, поскольку люди собираются своим сообществом, и это общество проявляет себя в мифологических символах и ритуалах. Иначе говоря, празднуя, мы на самом деле празднуем наше существование, так как тогда мы празднуем нашу мифологию, изображая символы и обычаи вместе с людьми, делящими их с нами. Следовательно, ритуалы оберегают и соединяют членов общества (Korpiola 2014: 228-230). К примеру, обычаи, связанные с русской едой, имеют важное значение в русских праздниках, поскольку они проявляют русскую культуру. Исходя из этого, можно сказать, что культурные качества выражаются ритуально, например, в праздниках. (там же: 226.) Однако, в разных культурах похожие традиции могут также иметь различные значения. Тогда тот, кто входит в одну группу и понимает ритуалы по-своему, отличается от членов других групп. Следовательно, *свои* обычаи соединяют членов *своей* группы. (там же: 226-257.) Соответственно те, кто не входят в эту группу, являются *не нашими, чужими*. Несмотря на это – если всё же в праздничных обрядах соединяются элементы из многих культур – рождаются «объединённые культуры» (Korpiola 2014: 235). В этом случае в *нашу* группу входят все, кто согласны представлять все те или иные символы и ритуалы так называемой общей среды. Мы надеемся на то, что в рассказах наших информантов можно будет обнаружить такие объединённые культуры, в которых заметны также ритуалы, оберегающие и соединяющие членов данной группы. Далее мы перейдем к ознакомлению читателя с коллективной памятью и ее связью с праздничными ритуалами.

Люди часто считают, что память является индивидуальным качеством. Тем не менее, существуют понятия «коллективной» и «социальной памяти», о которых было написано, например, в книге Пола Коннертона «Как общества помнят» (перевод наш – А.М.) В данном произведении выясняется, что в то время, как «социальная память» содержит все аспекты памяти, связанные с социальной жизнью людей, «коллективная память» включает в себя память отдельных обществ и членов, входящих в них. Таким образом коллективная память является частью социальной памяти. Вообще, память и знание о прошлом оказывают значительное влияние на восприятие и понимание данного момента, и социальная память часто служит основанием для социального порядка настоящего времени. Также существует имплицитное правило о том, что участвующие в любой общественной деятельности люди должны предполагать существование общей памяти. Однако, для передачи и сохранения представлений о прошлом и дополнительно собранных данных о нем нужны ритуальные воплощения. (Connerton 1989: 1-5.) В нашей работе речь идет именно о такой ритуальной, коллективной памяти и ее передаче или изменении в отношениях между личностями разных

поколений, а также и, в общем, о коллективной памяти данных поколений совместно и отдельно. Далее более подробно о коллективной памяти и связанной с нею метанарративом.

Во время праздничных церемоний подчеркивается идентичность общества, что проявляется в рассказах и выступлениях, посвященных «метанарративу». «Метанарратив» можно понимать, как коллективную память вместе с автобиографией и в них видимыми когнитивными компонентами. Эти нарративы сохраняются и передаются ритуальными обрядами, словно обожествляя прошлое. Вообще, чтобы церемонии для членов общества были более убедительными, они должны быть не только когнитивными, но и, помимо этого, участвующим людям надо привыкнуть к церемониям, что происходит благодаря воспоминаниям. (Connerton 1989: 70-72.) Исходя из этого, если мы предполагаем существование коллективной памяти, то ее можно найти в праздничных и памятных перформативных церемониях.

Перформативные высказывания, в свою очередь, не существуют без обычаев, то есть автоматических или даже подсознательных действий. Таким образом, презентации прошлого могут воплощаться чисто телесно, и мы можем носить их в себе в виде обычаев, несмотря на то, что сами не помним их начала и не можем представить их другим вербально или визуально. Иными словами, например, мы умеем плавать, не помня, когда и как этому научились, но, несомненно, при плавании мы воплощаем прошлое все снова и снова. (там же.) Такого взгляда на социальную память до Коннертона ещё никто не объяснял и не выдвигал. Мы используем идеи Коннертона для того, чтобы исследовать такие телесные и ритуальные автоматизмы, которые есть в рассказах наших информантов. Это поможет нам узнать, какой является их коллективная память, а также метанарратив.

Более того, социальная деятельность, в которую входит телесная память, разделяется на объединяющую и маркированную. Объединяющая память проявляется в любое время и связана непосредственно с телесным контактом. Маркированная память, в свою очередь, записывается и сохраняется в современных аппаратах. (Connerton 1989: 72-73.) Исходя из этого, объединяющей памятью можно назвать действие, когда родственники приветствуют друг друга, обнимаясь и целуясь, а маркированная, телесная память видна, к примеру, в фотографиях или видеозаписях – то есть картинно (там же). В данной работе мы будем анализировать записанные рассказы о праздниках, то есть маркированную телесную память.

Мы сохраняем версии о прошлом кроме телесной формы также в своих репрезентациях, например, словами и картинками (там же). Праздничные обряды могут служить замечательным примером этого, так как они содержат воспоминания прошлого через их репрезентации. К тому же, ритуалы можно создавать не только чисто телесно, но представление можно составить и частично с помощью различных высказываний или написанного текста.

Например, разные обряды содержат часто проклятия, клятвы и напутствия. У них свой специфический язык, в котором используются только какие-либо определённые глаголы. (Connerton 1989: 58-60.) Иными словами, перформативность видна на праздниках не только в телесных действиях – презентации могут быть также словесными. В рассказах наших респондентов могут тоже возникнуть подобные презентации. Следовательно, для нас самым важным фактом сейчас является то, что коллективная память может содержать в себе обычаи или воспоминания, закодированные в какую-либо форму.

Когда нарративы рассказывают об исторических событиях, они могут стать мифологией. В свою очередь эти мифы перевоплощаются в ритуалы. (Connerton 1989: 41-71.) Иначе говоря, несмотря на то, что мифы и ритуалы связаны друг с другом, они также отличаются друг от друга – можно сказать, что миф копируется и обновляется обычаями. К тому же, ритуалы обычно более стабильны, и они рассказывают об отношениях между участниками ритуала и о том, что они демонстрируют. (там же.) Иными словами, люди могут воссоздавать мифы истории своего общества, и в каждой такой попытке будут использованы обычаи, которые придают значение какому-либо важному культурному качеству. Также, рассказывая о праздниках, мы передаём историческую память и мифологию, и сам праздник можно воспринять как пространство, способствующее передаче коллективной памяти и мифологии обществ.

Исходя из всего этого, во-первых, новым аспектом, по сравнению с предыдущими, является то, что через празднование, ритуалы и рассказы о них, люди пытаются сохранить, изменить и передать коллективную память, а также мифологию своего общества. Все это является для них святым по значению. Во-вторых, нам важно то, что рассказ о жизни одного человека – это лишь часть нарративов, объединённых с другими историями жизни. Он может присутствовать в общем рассказе всех тех групп, в которых этот индивид находится. (Connerton 1989: 21-23.) Поэтому, невозможно отделить члена общества от его группы. Исходя из этого, нам интересно увидеть, какой вклад каждый из наших информантов хочет внести в метанарратив и в коллективную память именно в этом сообществе, одновременно соединяя характеристику из других, различных социальных групп.

В итоге, подсознательные и осознанные обычаи передаются, сохраняются и меняются в социальной жизни людей. В праздничных обрядах и обычаях можно также заметить присутствие прошлого, переданного и передаваемого телесно каждый раз, как только происходят перформации. Также мифологическую историю общества можно передавать через речь и маркированную телесную память (например, через запись диктофона). В данной работе мы обсудим именно такие культурные качества, являющиеся основной частью социальной, коллективной памяти и метанарратива. Более того, нам интересно будет узнать, кто именно

(женщины или мужчины) является более активными агентами в передаче своих коллективной памяти и метанарратива. Так как мы исследуем эти вещи в двукультурной или даже в поликультурной среде наших респондентов, нам необходимо ознакомиться далее с теоретическими понятиями «культуры», «мультикультуры» а также «культурной идентичности».

2. Культура и идентичность

В этой главе мы определим термины «культура» и «мультикультура», а также проанализируем ситуацию, связанную с этими явлениями в Финляндии, потому что мы исследуем русско-финских людей, проживающих именно в этой стране. Точнее, мы углубимся в культурное положение и ситуацию русско-финских индивидов в Финляндии. Нам важны понятия «культуры» и «мультикультуры» именно с точки зрения личностей, и поэтому нам нужно выяснить, как связаны культура, мультикультура и разные стороны идентичности. Нам также интересно узнать, существуют ли «чисто» русские или финские культурные традиции, и какова ситуация с их комбинациями? Подробно о данных темах мы напишем в этой главе, используя теоретические источники различных авторов.

2.1. Культурная идентичность

«Культуру» можно понять по-разному, и, говоря о культуре, необходимо понимать особенности, связанные с этим явлением, например, этничность. «Культура», с точки зрения этничности, тесно связана с каким-либо определённым пространством и жизнью в нём по определённым культурным правилам. При обсуждении этничности, культура выражена особенно чётко, так как этничность считается категорией, подчёркивающей культурные различия. (Huttunen & al. 2005: 26.) При этом «культура» может быть принята как образ жизни человека. Этой антропологической версией можно объяснить все действия, которые мы совершаем ежедневно в своей жизни. «Культура» – это всё, что помогает нам разобраться как в жизни, так и в нашем мировоззрении, и, помимо этого, определить эти два понятия. Очевидно, что выразить такое явление, как культура одним понятием, является нелёгкой задачей. Поэтому антропологи уже более 20 лет спорят о том, как правильно понять и определить культуру. Однако, до сих пор никакого однозначного определения не существует. (там же: 26-27.)

Постепенно возникло множество других различных способов объяснения сущности культуры. Причина этому заключается в том, что культура, даже с точки зрения этничности, не настолько ограничена, как предполагает фундаментальный взгляд, поскольку, существуют люди, которые не считают себя представителями лишь одной культуры (Huttunen & al. 2005: 29). Поэтому по взглядам других исследователей, подчеркивается, например, процессуальность культуры, а также деятельность и активность ее представителей (Ortner 1994). Исходя из этого, культура является непрерывно изменяющейся и к ней присоединяются постоянно новые качества. Так разные культуры можно скорее увидеть пластичными репертуарами, а не готовыми транскриптами (Rosaldo 1989, Abu-Lughod 1991, Huttunen & al. 2005: 29). Согласно такому взгляду, каждой культуре свойственно совмещать различные элементы, входящие в разные культуры (Huttunen & al. 2005: 29). Это происходит, например, когда люди часто переезжают с одного места на другое и их культурные качества смешиваются, какова оказалась ситуация и наших респондентов.

Из этого следует, что культуру можно понять фундаментально – то есть считать, что у каждой культуры есть свои границы и нормы, и что она стабильна и цела, как предмет. В противоположность этому существует процессуальный взгляд на культуру. Мы считаем, что культура является процессуальной по характеру, и, поэтому, в общественной жизни людей, и конкретно – в праздничных ритуалах и обрядах, можно увидеть смешение культур. К тому же, мы считаем культуру образом жизни человека. Далее мы хотим показать более подробно, каким образом понимается личность человека в современном мире и каким образом такое понятие личности сформировалось. Это нам надо узнать для того, чтобы позже понять взаимосвязь идентичности и культуры.

Стюарт Холл, обдумавший понятия идентичности многосторонне и тщательно, говорит об образованном, социологическом и постмодернистском субъектах (Hall 1999: 21). Если в XVIII-их и XIX-их веках в литературе термин «идентичность» оставался в рамках линейной, нарративной логики, то в XX веке литературные тексты выражают постоянное сомнение относительно занимаемого места в обществе и нарушения нарратива и истории (Tarnas 1993: 393-394, Talib 2008: 53). Подобным образом постмодернизм проявляет свой интерес к переоцениванию прошлых интерпретаций и мировоззрений. Таким образом можно сказать, что постмодернистское время началось с реконструкции модерного сознания. (Talib 2008: 54.) Более того, так как постмодерный мир включает в себя неуверенность и сомнительность, идентичность тоже не может иметь стабильной, неизменной основы. Более подробно, глобализация, сетевое общество, постмодернистский образ жизни и СМИ предлагают множество возможностей и выборов для переработки своего собственного воображаемого образа идентичности. (Hall 1999: 55-56.) Субъект этого времени свидетельствует о том, что нет

никакой неподвижной идентичности, так как в изменяющемся мире человеку постоянно приходится переопределять свою личность. Таким образом, совершенно неизменная и стабильная идентичность существует только в фантазиях. (Hall 1999.) Подобным образом, Холл (1999) и Бауман (1997) подчеркивают, что невозможно говорить об унаследованных, освоенных идентичностях, а, наоборот, необходимо говорить об идентификации, являющейся открытым, непрерывным и бесконечным процессом, в котором мы все участвуем (Talib 2008: 53-56). В свою очередь, по словам Мирья-Тютти Талиб, идентификация эластична и может приспособляться к различным ситуациям. У каждого из нас существуют многие возможные идентичности, и некоторые из них становятся социально значимыми. В том смысле даже этничность – не вечное свойство, а феномен, опирающийся на социальные связи и проявляющийся вместе с другими идентификациями. (Talib 2008: 56.) Помимо этого, Энтони Гидденс говорит о рефлексивном проекте субъекта. Современность ломает рамки, охраняющие идентичность маленьких обществ, и заменяет их более обширными и анонимными. (Giddens 1991: 5-34.) На наш взгляд, Стюарт Холл (1999) продолжает мысль: наше время приносит чувство растерянности, а также совершенно новые возможности нахождения самого себя. Таким образом, люди, проживающие в многокультурной среде, могут не только чувствовать потерянность, но и находить себя и свою идентичность снова и снова. Мы согласны с предыдущими авторами в их понимании идентичности, как постоянно формирующегося качества. Кроме того, мы хотим своей работой подтвердить подобные результаты. Ниже мы покажем, каким образом идентичность связана с общественной жизнью, особенно в среде иммигрантов, о которых пойдет речь в нашей работе.

На личность человека влияет естественным образом общество, в котором человек живет или проводит время. Поэтому личность человека меняется постоянно в зависимости от окружающей его среды. Однако, каждый из нас тоже имеет влияние на свою окружающую культуру. Таким образом, наша личность развивается в диалоге с другими. (Taylor 1995: 59-73.) В данной работе мы исследуем иммигрантов и их детей. Иммигранты обладают идентичностью в своей этнической группе, а также вступают в тесный контакт с людьми, представляющими коренную культуру новой страны (Talib 2008: 77). Исходя из этого, семья передает свои традиции, ценности и образ жизни через воспитание, давая молодым шанс усвоить свою этническую культуру. Местная культура определяет, в свою очередь, например, модель и цели воспитания (там же: 78). Исходя из этого, процессы развития культуры и идентичности находятся в постоянном диалоге друг с другом. По этой причине нам необходимы определения не только культуры, но и разных сторон идентичности. Кроме того, для более глубокого понятия развития идентичности иммигрантов, нам необходимо рассмотреть глубже связь между идентичностью и окружающей средой личностей.

Идентичность человека можно разделить, например, на «социальную», «культурную», «этническую» и «национальную» идентичности. «Социальная идентичность» иммигранта может состоять из идентификации в своей этнической группе или исходной культуре (= «этническая идентичность») и одновременно в более широком сообществе новой страны (= «национальная идентичность»). (Phinney 1990.) «Этническая идентичность» соединяет людей в одну группу естественными, уже при рождении полученными связями. К таким связям часто относится более сильный эмоциональный заряд, чем к другим, завязывающимся позже в жизни на более или менее добровольных основах. (Talib 2008: 37.) Развитие такой идентичности иммигрантов требует рассмотрения дома выученных этнических ценностей, позиций и обычаев, и их критичного сравнения с ценностями и практикой коренной культуры. (Phinney 1989.) Такой процесс может укрепить чувство принадлежности к своей группе или, наоборот, создать неуверенность, и даже сопротивление или отступление от своей группы. Исходя из этого, во многих случаях, к примеру, в исследовании Талиб, чем дольше люди (молодые) жили в новой стране, тем больше они чувствовали себя членом национального общества вместо этнического. Поэтому можно ожидать, что, люди, живущие долгое время в Финляндии, чувствовали себя финнами в большей степени, чем недавно переехавшие сюда. (Talib 2008: 80.)

Вхождение в какую-либо культурную группу – это ещё одна часть социальной идентичности человека. «Культурная идентичность» состоит из культурных качеств, например, этнической и национальной среды. Более того, «этническую» и «национальную идентичность» можно понять также, как различные зоны «групповой идентичности», меняющиеся отдельно. Каждая зона идентичности может быть крепкой и развитой или слабой и малоразвитой. Кроме того, зоны могут влиять друг на друга. (Bourhis & al.: 1997.) Понятия «культурная», «этническая» и «национальная идентичность» используются часто как синонимы, но, тем не менее, как нам уже понятно, их невозможно понять абсолютно одинаково. Для данной работы самыми важными являются понятия «культурной идентичности» и «этнической», а также «национальной» идентичностей для того, чтобы выяснить, какой является культурная практика наших респондентов. Далее мы еще более подробно расскажем об одной исследовательской классификации «культурных идентичностей».

В классификации «культурных идентичностей» Финнея и других (2006) можно найти «интеграционный», «этнический», «национальный» и «неясный» профили. В первый из них входят иммигранты, сохраняющие крепкую этническую идентичность, но национальная идентичность здесь выражена намного слабее. Такие иммигранты говорят чаще на национальном языке, владеют им свободно и хорошо знают свой этнический язык. По

сравнению с этим, люди, входящие в национальный профиль, хотят ассимилироваться в общество, используя знания национального языка. У них мало контактов с членами своей этнической группы. В свою очередь, к этническому профилю относятся те, кто сохраняют свою этничность и говорят чаще всего на своем этническом языке. Подобным образом, социальные контакты происходят в среде своей этнической группы. Обычно между этническими меньшинствами сохраняются тесные дружеские отношения и такие люди изолируются, в какой-то степени, от основной национальной культуры. В то же время, иммигранты, проявляющие неясный профиль, не относятся ни к одной из этих (национальной или этнической) культур – они становятся изолированными от общества или находятся близко к такому состоянию. (Talib 2008: 80-81.) Несмотря на эту информацию, многие современные исследования показывают, что двойное идентифицирование тоже вполне возможно. Входя в обе группы, индивидуум усваивает бикультурную (или мультикультурную) идентичность. (Talib 2008: 82-83, Phinney 1989.) Нам интересно увидеть, насколько мультикультурными являются наши информанты.

Владеть родным языком – естественный способ выражения своих глубоких чувств и мыслей, то есть, индивидуальности. Родной язык также является значимым инструментом в сохранении своей культуры и изучении неродного языка. Более того, знание родного языка – это ключ в двуязычие, напротив, незнание языков усложняет, например, психологическое приспособление иммигранта к новой окружающей среде и ослабляет его самосознание. (Skutnabb-Kangas 1986.) Кроме того, существует крепкая связь между этнической идентичностью и владением этническим языком (Phinney & al. 2001, [www](#), Talib 2008: 107). Таким образом, можно предположить, что существует так и связь между языковой и культурной идентичностями. Рассказывая о классификации культурных идентичностей Финнея и других, мы уже коснулись темы, в которой язык определяется, как часть культурной идентичности. Таким образом, можно сказать, что существует также «языковая идентичность», являющаяся важной для нас, поскольку мы берём интервью, в основном, на русском языке. Объяснение нашему выбору использования русского языка, в ситуации интервьюирования, заключается в том, что нашей целью является, чтобы у наших информантов была бы, как можно более крепкая этническая идентичность и члены группы могли бы быть сопоставимы друг с другом. Несмотря на это, мы не можем предполагать, что из-за выбора языка этническая идентичность была бы крепче национальной идентичности. Поэтому нам интересно увидеть, насколько мультикультурными могут быть в пределах нашего исследования люди, дающие интервью на одном языке и проживающие в одной стране. Несмотря на это как языковая идентичность, так и (возможный) «билингвизм» являются для нас важными делами, связанными, например, с праздниками людей, и подтверждающими то,

что культура передаётся через язык и социализацию людей. Поэтому культурные явления невозможно исследовать вне лингвистической точки зрения.

В результате, вся наша работа исходит из позиции, в которой личность человека включает в себя различные, но связанные с друг другом, стороны идентичности, такие, как «личная», «культурная», «этническая», «национальная», «групповая», «социальная» и «языковая идентичности». Иными словами, существуют многие стороны личности: можно, например, найти как собственный, так и социальный идентичности. Несмотря на это, они пересекаются, и в большинстве случаев их невозможно чётко отличить друг от друга. Таким образом оформляется многообразная культурная идентичность человека. В этой главе мы объяснили связи культуры и идентичности. Поскольку мы исследуем культуру праздников русско-финских людей, нам нужно определить также понятие «мультикультурность» и то, как она зарождается. Для этого нам надо коснуться также такого теоретического понятия как «иммиграция».

2.2. Иммиграция и мультикультурность в Финляндии

«Иммиграцию» можно определить, как «въезд в какую-либо страну на временное или постоянное жительство граждан других государств» (Толковой словарь Ожегова, www). Существует много причин, по которым люди переезжают из одного места в другое. Причинами добровольного переезда могут быть как семейные обстоятельства, так и поиски лучшей жизни. Кроме этого, существуют причины необходимого переезда, например, когда человек находится под политической угрозой в своей стране. (Talib 2008: 65.) Дети, переезжающие со своими родителями из одной страны в другую, могут быть иммигрантами, либо первого, либо второго поколения. По словам Кармелы Лиебкинд (1994), иммиграция второго поколения определяется по месту рождения. При рождении в «новой» стране ребенок считается иммигрантом второго поколения (кавычки наши – А.М.). Другие считают, что таким может считаться ребенок, который прибыл в новую страну в раннем детстве. Более подробно, если ребенок прибыл в новую страну с родителями, он иммигрант второго поколения, если он еще не перешел в школьный возраст. В противоположность этому, ребенок считается иммигрантом первого поколения, если он при таком приезде уже перешел в школьный возраст. (Liebkind 1994: 20-32.) В нашей работе родители-информанты являются людьми первого поколения, а их дети как первого, так и второго поколения (в основном второго). Так как нашей задачей является сравнивать (в аналитической части) опыт людей разных поколений, нам необходимо было выяснить определения «первого» и «второго» поколений.

Ассимиляционная, интеграционная и мультикультурная модели – это самые распространенные модели мультикультурной политики. В первой из них люди, приезжающие в новую страну, пытаются забыть свою культуру для того, чтобы как можно быстрее приспособиться к новым порядкам и новой культуре. В остальных моделях, называемых также аккультурационными моделями, иммигранты могут сохранять и выражать обе культуры. В Финляндии функционирует модель интеграции. (Talib 2008: 12.) По словам Оути Леполы, равноправие одобряет современную мультикультурность, являющейся существенной частью нынешнего общества. Исходя из этого, право на свободный выбор культуры признается всеми членами общества – как коренным населением, так и иммигрантами. Мультикультурная позиция имеет влияние на законодательство, которое, в свою очередь, обязывает государство гарантировать равноправие. (Lepola 2000: 202.) Более того, Лепола ссылается на Аксела Схулте (1993) в том, что плюрализация культуры означает не только для коренных, но, и, мигрирующих граждан, вопрос о сущности своей идентичности и необходимости развития новых идентичностей (Lepola 2000: 199-266). В случае иммигрантов адаптация к новой культуре – длинный процесс, продолжающийся, в среднем, три года. Несмотря на это, совершенная адаптация может занять время даже трёх поколений. (Puusaari 1997, 24-25.) В результате, мы предполагаем, что наши информанты делали попытки приспособиться к новой культуре, не забывая своих корней. Поскольку мы уже также понимаем взаимосвязь идентичности и общества благодаря предыдущим абзацам, далее мы перейдем к подробному описанию мультикультурности.

В международных обсуждениях «мультикультурность» пытались неоднократно заменить другими понятиями. В итоге термин остался очень многозначным. Такой же является ситуация и в Финляндии и, поэтому можно сказать, что термин ещё не получил устоявшегося значения. При этом, замена данного слова каким-либо другим не поможет понять явления, если значения этих или иных слов не имеют однозначного понимания или, если о содержании различных терминов сначала не проводилось дискуссии. Поэтому, при использовании слова «мультикультурность» необходимо обсуждать те обстоятельства, в которых термин используется, и что именно им обозначается. (Huttunen & al. 2005: 21.)

«Мультикультурным» можно назвать общество, в которое входят многие культуры или культурно-различные группы (Talib 2008: 11; Huttunen & al. 2005: 20-21). Понятие о том, какими являются эти культуры, не входит в определение. По другому определению, это явление понимается, как пространство, наполненное мнимо единообразным населением, в которое прибывают разные люди. (Talib 2008: 11.) Эти взгляды определяют мультикультурность довольно абстрактно и лишь в общих чертах. Поэтому, далее нам нужно показать, как именно мы понимаем мультикультурность, каким образом данное явление

создалось и каким образом она показывается как на уровне индивида, так и в обществе. Кроме этого, мы определим ситуацию мультикультурности в рамках страны Финляндия.

Раньше в европейских мультикультурных обществах считали, что люди могут жить рядом друг с другом, сохраняя свои этнические, культурные и религиозные образы жизни. Такой взгляд был изменен из-за того, что аккультурация не произошла так, как было предположено – в процессе произошло множество смешений. В итоге возникли новые «транскультурные», смешанные и даже «гибридные» качества в индивидах. Согласно новому взгляду, молодые люди определяют себя не только по этническим категориям или культурам. Принимая участие в общественной жизни, они являются свободными людьми и вправе выбирать себе подходящий образ жизни. (Talib 2008: 11.) Таким образом многие молодые моделируют свою идентичность, выбирая что-либо из различных культур (там же: 88). Следовательно, при оформлении новой, смешанной культуры, человек приобретает новые качества, отличающиеся от тех свойств, которые были соединены (Hall 1999: 223-243). Подобной является ситуация, в которой происходит смешение различных культурных качеств в обществах, из чего следует их транскультурация (Ortiz 1995, [www](#)). Иными словами, «гибридность» выражает новую идентичность, являющуюся более подходящей к нашему, постмодерному времени и образу жизни (Huttunen & al. 2005: 21). Исходя из этого примера, можно сказать, что мультикультурность видна также на индивидуальном уровне, о чём упоминается в использованных нами источниках, к примеру, статье Хуттунен и других (Huttunen & al. 2005).

Как было отмечено, на мультикультурность можно посмотреть со стороны индивида, например, при изменении его отношений, связанных с этим явлением (Jaakkola 1989, 1999) или психологическом приспособлении и изменении идентичности при изменённых обстоятельствах индивида (Liebkind 2000a). Мультикультурное общество затрагивает лично всех нас. В нашей работе мы понимаем мультикультурность и как индивидуальное качество, проявляющееся в речи и обычаях людей, но и как коллективное явление, которое присутствует в общественной жизни каждой личности и передается посредством воспитания, а также в результате социальных отношений между людьми. Люди могут переходить из своих групп в другие и принимать культуру какого-либо другого общества. Таким образом можно наблюдать смешивание культурных качеств не только в индивиде, но и в обществах, к которым он принадлежит. Несмотря на это, мультикультурность можно воспринимать также как региональное явление – её определяет не только история той или иной страны, которая связана с другим миром, но и деятели страны и культура, в которой мультикультурность рождается в какой-то определенный период времени. (Huttunen & al. 2005: 22.) Поэтому нам необходимо понять, какой является мультикультурность в Финляндии. Более того, нам важно узнать откуда

термин «мультикультурность» прибыл в финское общество, и, что им обозначается в данных условиях.

В финское общество, а именно в академическую сферу, понятие «мультикультурности» пришло в основном из англоязычных стран, и частично через обсуждение политических ситуаций скандинавских стран (Huttunen & al. 2005: 20). В Финляндии этот термин обозначает разные образы жизни индивидов и групп, живущих в одном и том же пространстве и времени, а также объясняет разные качества идеалистического общества и совместной жизни различных групп (Liebkind 2000a, Liebkind 2000b, Kupiainen 2003, Lepola 2000, Clarke 1999). При этом, Хуттунен и другие уточняют, что мультикультурность существует как в речи и языке людей, так и в их действиях будничной жизни (Huttunen & al. 2005: 19). Подобные определения нам уже знакомы, и, поэтому, понятным является, что мы согласны с этими фактами. Несмотря на это, важно иметь такую кумулятивную информацию для подтверждения тех или иных фактов, выдвинутых нами. Сейчас мы переходим к описанию мультикультурности в контексте Финляндии.

Несмотря на то, что многие страны Европы считают себя относительно самостоятельными национальными государствами, ставшими более многообразными в процессе миграции после мировых войн, в них всегда существовали национальные меньшинства. По этой причине европейские страны с самого начала не являлись монокультурными. (Tiittula 1997: 33.) Такова ситуация и в Финляндии, которую невозможно считать первоначально монокультурной страной, мультикультурность которой являлась бы следствием миграции, так как, кроме финнов, её уже давно населяли, например, саамы и финские шведы (Tiittula 1997: 33). При этом Ристо Алапууро отмечает, что многие свойства, считающиеся в Финляндии типично финскими, являются типичными также у многих других народов (Alarungo 1993: 6). Поэтому финскую культуру нужно воспринимать, как комбинацию многих различных культур, часто заимствованных из других, о чем было написано многими исследователями (Lehtonen & al. 2004: 146-147, Huttunen & al. 2005: 29). Иммиграция 1990-х годов повлияла лишь на то, что определение финской идентичности, и в том числе её мультикультурности, стало гораздо сложнее чем раньше, поскольку различных культурных влияний стало здесь намного больше (Tiittula 1997: 33).

О мультикультурной ситуации в Финляндии можно понять ещё больше, ознакомившись со статистикой, касающейся иностранцев, проживающих здесь. Согласно данной статистике, в Финляндии проживает много людей из бывших стран СССР, а также из многих других стран мира. Очевидно, что мультикультурность Финляндии заключается не только в образах жизни так называемых финнов и русских, но и иностранцев и иммигрантов из других стран. (Ulkomaalaistaustaiset, www.ulkomaalaistaustaiset.fi.)

В итоге, в наше время Финляндию можно признать мультикультурным пространством. Несмотря на то, что у людей есть своеобразная культурная практика, в то же время она сталкивается и с практикой других субъектов. Финская мультикультурность, как и любая другая, является безграничной во многих смыслах. Во-первых, границы между культурами являются размытыми и разрывными. В деталях, люди могут принадлежать к разным культурам одновременно и постоянно соблюдать подобную культурную практику. Во-вторых, у людей существуют разное отношение к местам, культурам и людям, проживающим за пределами границ государства Финляндии. (Huttunen & al. 2005: 32-34.) Следовательно, чисто финской культуры не существует, и поэтому *финскость* можно воспринять, как своего рода миф. Подобным образом, *русскость* и русскую культуру можно назвать тоже лишь мифами. Об этом необходимо помнить, потому что мы интересуемся русско-финскими, мультикультурными людьми Финляндии. Одинаковым образом, мы не можем сказать, что все наши информанты одинаковые несмотря на то, что все они переехали из бывших стран СССР и на протяжении многих лет проживают в Финляндии. Именно это является причиной, по которой мы интересуемся их различными традициями – нам интересно выяснить их многообразность. Несмотря на эти факты, в нашей аналитической части нам необходимо будет, каким-либо образом определить более *финские*¹ и *русские* традиции (и культурную практику) для сопоставления различных ритуалов. В следующем разделе мы ознакомим читателя с некоторыми предыдущими исследованиями.

2.3. Предыдущие исследования

Несмотря на то, что праздники – это один из важнейших элементов жизни человека, о них, и также об их различных традициях, написано достаточно мало. О празднике с точки зрения традиций и их обновления было написано, например, Элиной Сеий в её этнографическом исследовании (докторской диссертации) о традиционном танцевальном спектакле на празднике нации волов в Сенегале. Важным итогом ее работы можно считать вывод о том, что во время торжества происходит обновление традиции сабар, являющейся важной частью воловской культуры, закрепляющей ее социальные нормы. В таких праздничных обрядах имеют место как старые, так и совсем новые элементы, что позволяет молодым членам общества обсуждать вопросы о своем социальном положении. (Seye 2014.) Ханне-Миия Олликаинен, в то же время, написала социоантропологическую работу на тему традиции, и полученные ею результаты показывают, что основные и совместно проведенные, религиозные

¹ Мы также используем курсив в таких словах, как финское, русское, американское и так далее для изображения их относительного, безусловного смысла.

обычай, а также значения, связанные с традициями, укрепляют чувство солидарности и создают ощущение единого, глобального общества (Ollikainen 2015, [www](#)). Мы предполагаем, что у наших информантов традиции и обряды, относящиеся к праздникам, образуют такое же звено, связующее общество. Подобные результаты нам интересны, поскольку мы будем исследовать праздничные традиции и обряды русско-финских семей и, в конце нашей работы, надеемся получить сопоставимые выводы. Точнее, мы считаем, что в рассказах наших информантов будут видны многие традиционные обряды, сохраняющиеся и обновляющиеся в жизни представителей разных поколений. Это не только позволяет людям чувствовать общность и, одновременно, вести дискуссию о социальных нормах и личном социальном положении в группе, но и влияет на будущее общей коллективной памяти. Об обрядах в обществах была написана также семинарская работа Анны Пекканен, но её работа затрагивает совсем иную, по сравнению с нашим аспектом, проблему, так как Пекканен исследовала тему ритуалов в потребительском обществе (с точки зрения социального аспекта) (Pekkanen 2014, [www](#)).

Для данной работы важны исследования не только на тему праздников и традиций, входящих в них, но и те, которые рассматривают различные стороны идентичности – особенно с точки зрения русско-финских личностей. К примеру, Хелена Врайт написала исследовательскую работу о русскоязычной молодёжи, проживающей на территории Финляндии, недалеко от восточной границы. Её исследование пересекается с нашей темой, так как мы тоже интересуемся русскоязычными людьми, проживающими в Финляндии и строящими свою идентичность в двукультурной среде. В работе Хелены Врайт рассматриваются такие темы, как социокультурная жизнь, а также процессы обучения и воспитания. Автор акцентирует внимание на особенностях развития индивидуальности у восьми исследуемых. На основании исследования можно сказать, что этническая идентичность этих молодых людей является результатом постоянного самоопределения. (Wright 2013, [www](#).) Лотта Хайккола, в свою очередь, изучила в диссертационной работе транснациональность и этническую идентичность иммигрантов второго поколения (Haikkola 2012, [www](#)). Главный вывод её работы состоит в том, что транснациональные отношения родителей не передаются детям, поскольку у детей отношения строятся соответственно совершенно новым условиям, в которых они проживают и воспитываются. Таким образом транснациональность сохраняется, но при этом постоянно меняет свою форму. Также транснациональность может привести к тому, что более значимым местом для детей станет не исходная страна, а та, где живут знакомые или родственники детей. (там же, [www](#).) В нашей работе мы не только предполагаем, что этническая (и нац.) идентичность наших информантов является результатом постоянного самоопределения, но и надеемся на обнаружение

присутствия других стран и их культур, кроме финского и русского, в рассказах наших информантов. Таким образом мы сможем найти основание поликультурности наших информантов.

Так как культура людей тесно связана с языком, на котором они говорят, то необходимо также отметить, что о русско-финском двуязычии написано много исследовательских работ. Например, работы Санны Исканиус сосредоточены именно на этой теме. В своей дипломной работе автор пыталась выяснить языковую идентичность русскоговорящих (русский, как родной язык) девятиклассников с помощью обширного опроса (Iskanius 1999). Далее Исканиус исследовала развитие языковой идентичности молодых людей, говорящих в основном на русском языке в Финляндии. Для нас очень важны результаты работы Исканиус об этнической идентичности русскоязычных участников, поскольку они считали себя русскими прежде всего на основании, к примеру, взаимопонимания. Наиболее важными моментами, объединяющими русских, считались обычаи и привычки, связанные именно с культурой и Родиной, а также русский язык. Одинаковым образом, важным, на наш взгляд, является утверждение, что никакая языковая или национальная группа не должна восприниматься как гомогенная. (Iskanius 2006.) Изучение этнической и языковой принадлежности показывает, что субъекты исследования очень гетерогенные, о чем было сказано во многих других работах до этого (Kurjainen 2003, Liebkind & al. 2004). Семьи многих информантов Исканиус являлись многоязычными и многонациональными несмотря на то, что в их среде доминировал русский язык (Iskanius 2006). Для нас это важно, потому что мы считаем, что наша группа информантов является также гетерогенной несмотря на то, что русский язык доминирует в их нарративах. Дома они, всё же, говорят на русском, финском или обоих языках. Также, мы считаем, что, являясь носителями каких-либо обычаев, привычек и традиций (то есть культуры), они относятся к одной и той же группе – к обществу русско-финских индивидов, проживающих в Финляндии несмотря на то, что культурные обряды варьируются в кругу одной группы.

В свою очередь ситуацию языковой идентичности взрослых русско-финских двуязычных индивидов изучала Элиса Кангасахо. В ее работе отмечено, что язык выбирается, чаще всего, в зависимости от ситуации, а не от национальной идентичности. (Kangasaho 2014, [www](#).) Интересный результат был получен и исследователем Рооса Пухаринен (Puharinen 2016, [www](#)) о том, что люди могут идентифицироваться с культурой супруга/супруги, не зная его языка. Также, интересным материалом для нас является статья «Финноязычные в Брюсселе – языковая идентичность молодого человека» Минны Аалто (2015) (перевод наш – А.М.). В этой работе речь идёт о том, что мультинациональность не всегда зависит от родины или этнической принадлежности – она может зависеть от ситуации или изменения образа жизни. (Aalto 2015, [www](#).) Исходя из всего этого, мы можем предполагать, что, несмотря на связь языка, родины и

общества, финноязычные люди русского происхождения, могут чувствовать себя русскими и соблюдать русские традиции. Также русскоязычные информанты могут поддерживать финские традиции, несмотря на свое русское прошлое. К тому же, вполне возможны всякие поликультурные и мультилингвальные комбинации в зависимости от жизненной ситуации и даже выбора человека.

Работы на темы двуязычия и двукультурности были написаны с использованием, в основном, количественного метода, но в них также присутствует, в некоторых случаях, качественный подход в виде интервьюирования исследуемых, примером чему являются работы Исканиус (2006) и Кангасахо (Kangasaho 2014, [www](#)). Поскольку исследовательский материал в данной сфере был основан на количественном методе, то в нашей работе мы выбрали качественный подход. Таким образом наша работа будет дополнять результаты количественных исследований. По этой причине, наш подход к теме является более индивидуальным и глубоким, ведь нас интересует опыт людей, а не только обобщенные цифры опросов массы людей. Также, наш подход будет более многообразным, поскольку мы будем сравнивать традиции празднования у двух поколений в одной семье – такой фокус еще не был применен в исследованиях до нас (в контексте праздничных обрядов и их передачи, а также обновления в коллективной памяти русско-финских семьях, проживающих в Финляндии).

Билингвизм и бикультурность являются широко изученными темами, как было показано в этой главе, но аспекты празднования, и особенно коллективной памяти, до сих пор остаются менее изученными. Те некоторые работы о, которых говорилось выше, касаются изучения празднования в разных контекстах. Тем не менее, исследований, непосредственно изучающих праздники на материале интервью проживающих в Финляндии русских мигрантов и их семей, нами обнаружено не было – поэтому нашей целью является дополнить эти данные своим исследованием. Это поможет, на наш взгляд, лучше понять различные варианты и качества бикультурности и мультикультурности.

3. Нарративное интервью как метод исследования

В этой главе мы раскроем понятия объекта и предмета, а также представим методы исследования. Объектом нашего интереса является коллективная память русско-финских респондентов данного исследования, что повлияло на наш выбор предмета исследования – нарративов. В данной работе слова «рассказ», «нарратив» и «повесть» используются синонимами несмотря на то, что в различных сферах исследований ими обозначаются разные

вещи. В данной главе мы покажем сначала, почему рассказы являются существенной частью данной работы. Затем мы перейдем к ознакомлению читателя с ключевыми элементами нарративного интервью и нашего подхода к делу.

Через рассказы можно понять и проконтролировать прошлое, но рассказы также направляют говорящих в будущее. Нарративы являются формой самосознания и важнейшим инструментом для понимания времени. Более того, рассказами поддерживаются социальные группы, и они делают разделенным и понятным наш опыт. Рассказ всегда передаёт опыт человека, и этим обосновывает свою важность. (Hyvärinen & Löyttyniemi 2005: 189-199.) В интерпретациях, предлагаемых в настоящий момент, мы обнаруживает себя через переживание прошлых событий, что открывает наш опыт развития и объясняет психологически и социологически, каким образом наша личность сформировалась в нынешнюю форму. Исходя из всего этого, в рассказах видны идентичность и опыт человека, а также их изменения во времени. (там же: 195-196.) Также нашей целью является обнаружить развитие и изменения ритуалов празднования через нарративы. Мы обозначаем как «нарратив» речь, содержащую следующие элементы: 1) время, пространство и персонажи, 2) свой опыт о событиях (и праздничных ритуалов). По нашему мнению, термин «рассказ» соединяет все части нашей работы, поскольку в нем видны идентичность человека, коллективная культура и память обществ, ритуалы и обряды, а также и изменения всех этих категорий во времени. Чудь позже в этой главе будет рассказано о нарративах еще более подробно, но сначала немного о интервьюировании.

Для сбора материала (=нарративов) мы решили использовать интервьюирование. Таким образом, основным пунктом является взаимодействие членов в процессе интервьюирования как существенная часть сбора исследовательской информации (Ruusuvuori & Tiittula 2005a: 7). Более подробно, согласно социальному конструктивизму (Gergen 1994, Shotter & Gergen 1989) и этнометодологическому (Garfinkel 1984, Sacks 1992) взгляду, реальность создаётся и обновляется во взаимосвязи людей, через язык в текстах и дискурсах (Ruusuvuori & Tiittula 2005b: 11). Таким образом, на образование информации влияет не только тот, кто даёт интервью, но и тот, кто находится с ним в контакте. В таком случае интервьюирующий участник оказывает своё влияние, например, при использовании определённых категоричных понятий в своей речи.

Михаил Бахтин сравнивает каждого из нас с писателем романа. Каждый человек, владеющий тем или иным языком, создаёт из голосов социального мира многообразный рассказ о собственном «я». Источник творчества не существует изначально внутри человека, поскольку человек формулирует себя, благодаря другим людям, их словам и рассказам. (Bakhtin 1984: 270-272.) Если идею о творческом рассказывании перенести в нарративное

интервью, то нарратив не исчерпается получением аутентичного материала. Наоборот, участвующий слушатель, имея собственное мнение, делает возможным продолжение рассказа. Задачей информанта является создание повести, поскольку таким образом он может быть «писателем своей жизни» и представителем всего этого творчества. В этом случае информант может сам выбрать, насколько активным будет и он, и исследующий его слушатель. (Huväriinen & Löyttyniemi 2005: 221-222.) Помимо этого, Михаил Бахтин (1987, 1988) интересуется, каким образом опыт человека непрерывно открывается посредством речи и рассказов. Повесть сохраняется живой именно по той причине, что она принимает постоянно новые значения, различные взгляды других людей. Минувшие события можно, таким образом, назвать частью постоянного диалога, который не прерывается даже после остановки записи магнитофона, а продолжается в интерпретациях исследователя и позже в читателе и его будущих диалогах. (Bakhtin 1987, Bakhtin 1988.) Мы согласны с данными взглядами Михаила Бахтина.

Таким образом, в данном исследовании личные и социальные идентичности строятся во взаимодействии – строение идентичности исследуемых нами лиц состоит из произошедших с ними событий и является частью отношений с нами на протяжении интервьюирования (Tienari & al. 2005: 107). Исходя из этого, интервью создаёт всегда что-либо новое, изменяющее человека и его опыт. К тому же, во время интервью люди рассказывают именно о важных для них вещах, о том, что они считают значимым упомянуть. Поэтому, мы понимаем, что в интервью мы услышим лишь версии информантов о себе и о минувших событиях в их жизни. Несмотря на это, совместно конструированное не является лишь созданием ситуации, ведь рассказы о жизни имеют всегда корни также и в истории – в памяти человека. (Huväriinen & Löyttyniemi 2005: 204.) Наши интервьюируемые не являются субъектами, сформировавшимися полностью в процессе социального конструктивизма, но не являются и ячейками, сохраняющими первоначальную информацию в себе. В процессе интервьюирования память играет важную роль. С данной темой связана также коллективная память (о которой было рассказано выше), поскольку, наши респонденты рассказывают свои версии о значимых для них вещах, связанных с их коллективной памятью. Тем не менее, мы вместе создаем ситуацию интервьюирования и информацию формирующуюся в ней.

Способом сбора информации мы выбрали полуструктурированное, нарративное интервью. Для такого способа характерно, что некоторые (не все) точки зрения выбраны интервьюирующим исследователем (Hirsijärvi & Hurme 2008: 47). Из полуструктурированных интервью мы используем в своем исследовании тематическое интервью, в котором одни и те же темы и тематика повторяются, но порядок заданных вопросов варьируется в зависимости от ситуации (Hirsijärvi & Hurme 1982: 35-36, Ruusuvuori & Tiittula 2005b: 11). Таким образом, мы предоставляем нашим информантам больше свободы в их ответах. Существуют много

разных видов нарративного интервью, но в нашей работе нарративное интервью является ситуацией, в которой исследователь хочет услышать рассказы, определяет им место и формирует вопросы, на которые ожидает получить ответ в виде нарративов. Далее более подробно о нарративах, в получении которых заключается идея нарративного интервью.

Нарративы можно разделить на разные типы в зависимости от того, какие рассказы мы предполагаем получить, и насколько активными мы являемся в создании их. У нас соединяются элементы из многих таких типов, так как 1) сначала мы получаем от информанта более обширный нарратив и определяем место его создания. Одновременно с этим присутствуют возможные краткие нарративы, так называемые мини-рассказы (которые сформируют в конце один целый рассказ). 2) На следующем этапе мы задаём вопросы, развивающие рассказы информантов, и таким образом, сами становимся более активными в создании самого нарратива и 3) в конце интервью мы переходим к основному тематическому интервью, поскольку спрашиваем прямо обо всех нам знакомых праздниках и способах их проведения в жизни информантов. (Huvärinen ja Löyttyniemi 2005.) Иными словами, мы можем сразу получить обширные целостные рассказы, или наш информант может дать нам более активную роль в формировании своей повести, или интервью может состоять из любой комбинации этих вариантов. Самым главным является то, что мы даём именно информанту право на создание своего рассказа по его собственному желанию. Всё же, мы предполагаем, что большинство из полученных нами нарративов будут краткими, соблюдающими структуру устного рассказа повестями, описывающими специфическое событие, опыт и воспоминание о нём.

Как было отмечено выше, нарративы могут быть короткими или пространными – то есть они могут в большей или меньшей степени свидетельствовать об опыте человека. Именно поэтому, легче всего представлять нарративное интервью общим стремлением к собранию рассказов (Huvärinen ja Löyttyniemi 2005: 203). Таким образом, несмотря на то, какими рассказы являются, мы соберем из них единое целое, попытаюсь создать метанарратив всех исследуемых, сравнивая их опыт празднования. Кроме этого, с нашей точки зрения, сам процесс интервьюирования формирует речь информантов в рассказы, которые можно в анализе разделить на более мелкие части. Более того, здесь интервьюирующий субъект (=мы) хочет услышать описания индивидуальных и коллективных изменений, не сосредотачиваясь на структуре нарративов или сюжетов.

4. Ход сбора исследовательского материала и методы анализа

Кроме нарративного интервью в нашей работе будут использованы также другие методы исследования. Их мы представим позже в данной главе. Прежде нам необходимо ознакомить читателя с нашим материалом, с его сбором и с нашими информантами.

4.1. Интервью и роль интервьюера

В процессе сбора и анализа информации соблюдались этические принципы в отношении к информантам (Ruusuvuori & Tiittula 2005b: 17-18). Одним из принципов было открыто сообщить участникам интервью о наших целях. Также мы оповестили наших исследуемых об анонимности всех интервьюированных нами людей. Во всём процессе, от начала интервьюирования до конца анализа и объявления результатов, мы конфиденциально обрабатывали, использовали и сохраняли собранную нами информацию. Помимо этого, мы осведомили всех участников, что при любых обстоятельствах наши исследуемые могут обратиться к исследователю и попросить удалить или изменить свою часть рассказа или весь рассказ полностью. У них есть право и отменить полностью своё участие, если они передумают. Мы собрали согласие на интервьюирование у всех наших информантов, а также дали им наши контактные данные.

Интервью проходили, либо дома у исследователя, либо у информанта, либо в специальном, забронированном кабинете в помещениях университета Тампере. Также, в качестве средства связи, была использована компьютерная программа Скайп. Атмосфера во время интервью была, в большинстве случаев, уютная и непосредственная – людям было комфортно рассказывать о своих традициях исследователю. Подтверждением этому служит тот факт, что люди очень открыто рассказывали о своем опыте и в конце интервью оставили положительные отзывы. Интервьюер способствовал созданию приятной атмосферы разными способами. К примеру, учитывая небольшие детали: если интервью было проведено в гостях у кого-либо, были принесены гостинцы, согласно русской культуре. Также, начало ситуации интервью было запланировано таким образом, чтобы через него было удобно перейти в основную часть интервью, даже с незнакомыми людьми.

Информанты были в курсе бикультурности исследователя, что облегчило процесс интервьюирования и зародило между нами чувство общности. Осознавая тот факт, что культура является постоянно изменяющимся и варьирующимся явлением, и понимая, что невозможно создать полное совпадение между интервьюером и информантом, мы должны были, в такой ситуации, обсудить своё значение в конструировании чувства общности. Это

необходимо было для того, чтобы дать шанс появиться открытому пространству, в котором можно ощутить себя одной группой *мы*, а не разделяться на *нас* (информант) и *других* (например, исследователь). (Tienari & al. 2005: 103-123.) Важность принадлежности к одной группе является частью утверждения, согласно которому, например, национальная культура существует только в ситуациях, в которых ее возможно осуществить во взаимодействии. К примеру, это может произойти в процессе интервьюирования. (там же: 103.) Перечисленные нами элементы являются важными при работе в сфере мультикультурности для создания взаимопонимания и, таким образом, улучшения результатов сотрудничества (Rastas 2005: 79-102).

Роль интервьюера заключалась в том, что мы пытались как можно меньше оказать влияние на рассказы информантов. Несмотря на это, если информант казался более пассивным или он, каким-либо образом, нуждался в более активном роле исследователя, мы проявляли нужную активность, для того, чтобы он стал также активнее. В итоге, получилось так, что мы ждали самостоятельных «ответов», но могли оказаться и довольно активными в создании исследовательских рассказов. Какой бы ситуация ни была, мы пытались остаться максимально нейтральными и дать место для рассказов респондентов.

В интервью входили вопросы такого типа: «Расскажите, какими являются праздники в вашей жизни; какую позицию они занимают; каким образом они проводятся; с кем они проводятся?» и «Представьте, что просыпаетесь в утро выбранного вами праздника. Каким является это утро и этот день? Как всё происходит? Как, когда и чем все кончается?». После вопросов о праздниках, следовали более простые вопросы, с помощью которых мы лишь уточняли информацию о некоторых фактах праздничных обрядов. В этом этапе мы стали более активными в роле исследователя. На заключительной стадии интервью мы возвращались к теме праздников, поскольку хотели услышать также нарративы и о всех остальных нам знакомых русских, финских или международных праздниках (см. приложение 1 – то есть, список праздников, которые были предметом обсуждения в проведенных автором диплома интервью). Таким образом, если какой-либо праздник забывался нашим информантом, у нас была возможность помочь ему вспомнить о нем – но это касается лишь праздников, знакомых нам.

4.2. Описание информантов и исследовательского материала

Мы исследовали как нам уже знакомых людей, так и абсолютно незнакомых. Прежде чем начать интервью, нам было важно узнать, на каком языке человек общается с родителями/детьми. Таким образом нам стало яснее, насколько намеренно люди хотели

сохранить русский язык в своей семье. Несмотря на это, интервью должно было проходить только на русском языке без исключения, поскольку мы предполагали, что в семьях используют именно этот язык для общения. По этой причине тему о праздниках можно легко обсудить на этом языке. При этом, говорящие на русском языке люди могут передать более аутентичный опыт о праздновании в русских традициях. Также, если люди говорят на финском, то вероятно они являются настолько адаптированными, что и празднование больше проходит согласно финской культуре. Однако в итоге один из информантов рассказал о своём опыте не на русском языке, а на финском. Как уже выяснилось, мы осознаем, что между языком и этнической культурой возможно существует связь, несмотря на то что можно найти и другие возможные обстоятельства, не подтверждающие данную связь (ст. 16 и 23-24).

Для получения релевантной исследовательской базы мы интервьюировали девять билингвальных и, в тоже время, бикультурных семей. Первоначально мы предполагали, что поскольку бикультурное и билингвальное воспитание имеет особое влияние на детей, семьи будут выбраны следующим образом: один из родителей должен быть финном (проживавшим всю свою жизнь в Финляндии и соблюдающим финские традиции), а другой – русским. В процессе работы эта точка зрения изменилась, и мы решили отобрать для интервью также информантов из семей, в которых есть лишь один родитель, однако при этом родитель должен был являться русским. Основным условием было наличие хотя бы одного русского родителя в семье. Это обосновывается тем, что один родитель мог научить ребёнка русской культуре, в то время как с финской культурой ребёнок несомненно уже ознакомился в финском обществе. Помимо этого, в исследовании приняли участие также такие семьи, в которых оба родителя являются русскими. Исходя из этого, в качестве русского родителя будут считаться мать или отец, являющиеся русскими по каким-либо признакам, например, проведённому в русской или советской среде детству. В свою очередь бикультурным ребёнком будет считаться родившийся и выросший в такой семье ребёнок. Следовательно, в качестве информантов у нас получилось многообразная смесь. Тем не менее, соединяет людей то, что один из родителей этих семей является русским. Помимо этого, соединяющим семьи фактором является их время проживания в Финляндии – 13 лет.

Взрослые дети русского родителя являются тоже очень разнообразной группой. Разница в их возрасте может достигать более 10 лет. Возраст самого младшего информанта нашей работы составляет 19 лет, в то время как старшему уже более 30-ти лет. К тому же, только в двух из девяти семей мы брали интервью у людей мужского пола. Несмотря на это, мы считаем свой подход к делу возможным, поскольку мы не планируем делать всеобщих, универсальных выводов, и, поэтому, не так важно, являются ли все информанты максимально одинаковыми или нет. Более того, чем больше семьи отличаются друг от друга, тем интереснее информацию

можно получить. Исходя из того, что исследование является качественным, самое важное явить именно то, что люди хотят рассказать о праздничных обрядах и торжествах. Более того, поскольку в речи и категориях, использованных людьми, можно всегда найти что-либо общее, без чего сотрудничество было бы невозможным, найденные в качественном анализе категории всегда являются в какой-то степени общими (и таким образом обобщенными), а не чисто личными созданиями (Ruusuvuori & al. 2010: 28). Этим мы и обосновываем свой способ подбора информантов.

В качестве исследовательского материала было получено 18 рассказов. Одно интервью длилось, в среднем, от 4 до 5 часов. Самые короткие интервью длились около 2 часов, и их было два. Для записи информации мы использовали аудиозаписи, с помощью которых мы могли, в любое время, снова обратиться к нашему материалу, например, в процессе проверки позиции исследуемого в каком-либо деле. Также, прослушивание записей может привести исследователя к новым, раньше неосознанным выводам. (Ruusuvuori & Tiittula 2005b: 15) В процессе обработки материала нами была произведена расшифровка аудиозаписей. Это позволило нам получить исследуемый материал и в текстовой версии, что позволило нам заметить важные детали.

4.3. Методы анализа

Мы использовали различные методологические подходы в зависимости от аналитического этапа нашей работы. Первоначально мы кодировали наш материал разными цветами следующим образом: в рассказах каждого информанта мы разделили разными цветами детали, указывающие на специфический праздник. Кроме этого, мы выделили особенности каждой части своими цветами, меняющимися в зависимости от ситуации. Нашей кодировочной единицей являлись как отдельные слова, так и более длинные отрывки из текста. Позже наши единицы были сложены и внесены в таблицы (=квантификация) для лучшего сравнения их между собой. (Mason 2002: 147-172.) Благодаря этому мы могли убедиться в том, что наши единицы являются сравнимыми. Так мы смогли доказать правильность наших результатов и сложений. (там же.) Фактически, мы начали эту квантификационную работу, но поскольку объём материала был слишком большим, нами было принято решение сократить работу и внести данные пункты в таблицы, входящие лишь в ненапечатанную версию работы.

Поэтапно мы перешли к основному тематизированию (группированию) нашего исследовательского материала. Контент-анализ заключается в том, чтобы войти в мир рассказчика через рассказанное им же. Используя такой подход, наглядной единицей нашего исследования оказался нарратив – точнее опыт в нем. Другими словами, мы искали в

исследовательском материале рассказы о праздновании, и через них проникали в опыт людей. Точнее, мы использовали в нашей работе тематический контент-анализ. Тематическими единицами у нас являются рассказы о различных праздниках и входящих в них элементов. Эти нарративы мы сделали видимыми, собирая отдельные рассказы, и ища в них проявления личного опыта информанта. Процесс сбора нарративов мы упростили с помощью кодирования разными цветами, а также квантификации, о которых было рассказано выше. (Mason 2002: 147-172.) Таким образом, в конце нашего тематического этапа, нам стали уже ясными, кроме типичных элементов, также компоненты, не входящие в метанарратив(ы) наших информантов. К тому же, с помощью кодирования информации различными цветами, мы смогли выяснить, возникли ли в рассказах какие-либо личные темы, связанные с праздниками.

Через тематизирование нашего материала мы перешли к более нарративному подходу – к типизированию информации. Мы пытались сконструировать метанарратив, центральный рассказ, так называемый «базовый рассказ», включающий в себя главный сюжет мелких повестей и их общую детальную совокупность. Одновременно, мы планировали сформировать метанарратив тех и иных поколений отдельно, а также выяснить отклонения от тех или других нарративов. Такой нарративный подход напоминает, в какой-то степени, дискурс-анализ, и в нём существуют одинаковые элементы. Тем не менее, мы не сосредотачиваемся первоначально на дискурс-аналитическом взгляде.

Далее мы переходим к анализу нашего материала. Отправным пунктом и основной предпосылкой нашего анализа является систематическое, одинаковое, а также открытое просматривание нашего материала, благодаря чему можно гарантировать репрезентативность и валидность нашей работы и полученных нами результатов. Мы будем предельно четко излагать свои мысли, поскольку в качественном подходе постоянно необходимо анализировать информацию, чтобы понимать свою позицию и её естественное влияние на исследовательскую работу.

5. Ход и содержание аналитической части

В аналитической части нашей целью является узнать, какие именно праздники входят в коллективную память наших респондентов и почему. Более того, мы хотим увидеть, какие элементы взяты из разных культур и почему именно они были заимствованы в свою культуру празднования. Помимо этого, нам интересно, какие особенные элементы, к примеру, пища, напитки, гости и т. п. являются необходимыми частями праздника. Кого приглашают

праздновать, а кто остаётся вне группы? В дополнение, мы надеемся найти ответ на вопрос о том, кто является ответственным за организацию праздников и почему именно он был выбран для этой задачи. К тому же, нам будет интересно узнать, как хорошо сохранились традиции *русского* празднования в *финских* условиях, и наоборот. В том числе нам хочется выяснить и о том, как различаются обычаи празднования у детей и родителей – насколько одинаково члены одной семьи празднуют, и, насколько смогли родители передать своим потомкам свои этнокультурные обряды празднования. Мы предполагаем, что родитель-иммигрант оказал сильное влияние на своих детей в плане культурного опыта. Более того, нам надо найти изменения в обычаях празднования через нарративы информантов и создать, по возможности, всеобщий метанарратив о праздновании. Конечной целью данной работы можно назвать нахождение ответа на вопрос о сущности праздников в коллективной памяти данного сообщества – являются ли они смешением элементов из разных культур, и если да, то каким образом это можно доказать.

В качестве основного праздника в этой исследовательской работе было выбрано Рождество. Первоначально мы надеялись также на описание и анализ Нового года и дней рождений, так как о них было рассказано примерно также подробно и обширно, как и о Рождестве. Кроме этого, нам было бы интересно сравнить, например, рождественские и новогодние ритуалы и традиции, и, в итоге, узнать, какие из них доминируют, остаются без внимания, соединяются или смешиваются в нашем материале. Для нас важно узнать, какой является коллективная память об этих праздниках, потому что лишь таким образом можно лучше понять возможные взаимосвязи между различными традициями, а также их проявление в мультикультурной среде и мультикультурных личностях. Однако, осознав ограниченность времени и гигантский объём нашего материала, мы решили остановиться только на Рождестве. Выбор был обоснован на том, что об этом празднике были получены подробные и обширные рассказы. Кроме того, большинство рассказов наших респондентов начались с Рождества, а на втором месте был Новый год. К тому же, Рождество интересно нам, поскольку его празднование сигнализирует нам о существовании *финского* Рождества в кругу русско-финских семей. По этой причине мы проанализируем именно Рождественский праздник. Нам необходимо выяснить, насколько *финские* традиции влияют на празднование, а также на этот период времени в целом. Более того, своей задачей мы считаем узнать, как разные поколения усвоили традиции этого праздника – все ли празднуют его каким-либо определенным образом, существует ли альтернатива *финским* традициям, и каким образом вообще отмечают этот день и период времени. Вместе с этим, мы постараемся довольно часто сравнивать параллельно возможные и/или поднятые нашими респондентами новогодние темы и их элементы, потому что они имеют значение для наших рассказчиков, исходя из их прошлого.

Все элементы празднования, связанные с рождественским праздником являются, на наш взгляд, обычаями, ритуалами и символами Рождества, опираясь на выводы нашей теоретической части, в которой было рассказано также, что благодаря таким традициям люди делают праздники своими и святыми (см. разделы 1.1., 1.2., 1.3.). Таким же образом, все люди, находящиеся в пространстве празднования (в данном случае Рождества), одновременно защищают и укрепляют свое общество и его признаки – только *свои* люди могут присутствовать в этом пространстве и отмечать праздник *нашим* образом (см. раздел 1.3.). Нам нужно выяснить, каким является этот или эти образы *своего* празднования как среди респондентов первого, так и второго поколения настоящего доклада. Иными словами, нам надо выявить проявления святости в праздновании Рождества нашими респондентами (см. разделы 1.1., 1.2.). Следует отметить, что уже тот факт, что нам хотят рассказывать настолько много и подробно о каком-либо празднике, свидетельствует о том, что его считают особенно важным и его традициями хотят поделиться с нами в словесной форме (см. раздел 1.1.). Более того, нами предполагается, что лиминальность праздников будет тоже проявляться в связи с рассказами (см. раздел 1.2.). Вдобавок нам необходимо выяснить, кто является инициатором в создании, поддержании, но и переоценивании культурных обычаев в данном материале. Также, по этим рассказам будет ясно, насколько наши респонденты аккультурировались в *финском* обществе, и еще то, какой является их коллективная и культурная память, а также личная идентичность, и общий, а также отдельные метанарратив(ы) (см. разделы 1.3., 2.1., 2.2.,).

Праздник Рождества будет рассмотрен нами более подробно в следующей, шестой главе. В разделах этой главы будут проанализированы различные части рождественского времени. После *финского* Рождества, проходящего в Финляндии 24-ого декабря, будет рассказано и о *русском* Рождестве и старом Новом годе. Помимо этого, мы хотим принять во внимание празднование одного из важнейших, но не на столько больших и богатых деталями праздников: Хэллоуина, поскольку он свидетельствует о более глобальных традициях среди наших информантов. Вместе с ним мы выясним также ситуацию, связанную с *руhäinpäivä* (суббота после Хэллоуина), поскольку в Финляндии данные дни относятся друг к другу, и, на *руhäinpäivä* существуют более *финские* традиции по сравнению с Хэллоуином. Этим темам посвящена седьмая глава. В заключительном этапе, после двух, главных аналитических частей, мы перейдем к нашим конечным выводам и заключению работы.

Другими праздниками, входящими в одну категорию с Хэллоуином являются в настоящем исследовательском материале: день святого Валентина/день всех влюблённых, день защитника Отечества, международный женский день, Пасха, масленица, Троица, Первое мая, День Победы, день России, день матери, Иван Купала, День всех святых, день отца и день независимости Финляндии. Об этих праздниках здесь не будет идти речь, поскольку на это нам

не хватило ресурсов. Помимо этого, в данное исследование не включены такие праздники и ритуальные дни, как новоселье, проводы, обручение, свадьба, мальчишник, девичник, крестины, похороны, конфирмация, penkkarit и vanhojenpäivä, ylioppilasjuhlat, бейби шауэр, vaprajaiset или первый и последний звонок. Наше решение о том, что информация, полученная об этих праздниках, не будет проанализирована нами в данной работе, основывается на том, что большинство из этих праздников не являются ежегодными и, обычно, их справляют только несколько раз в жизни. Более того, не все из этих праздников можно назвать семейными – то есть праздниками, отмечающимися в семейном кругу. На самом деле, традиции этих торжеств можно крайне редко усвоить от семейного круга. К тому же, в перечисленных нами праздничных днях существуют торжества, форма празднования которых определена в большой степени церковью, а не свободным выбором людей. К сожалению, наши временные ресурсы ограничены и, поэтому, у нас нет возможности использовать весь полученный нами материал.

В отношении каждой темы, выдвинутой нашими респондентами, сначала строится, по возможности, общая картина той или иной части материала и/или объясняются способы выяснения *финскости* и *русскости* настоящих атрибутов. После просмотра общей картины тех и других ритуалов будет проанализирована ситуация коллективной памяти (и метанарратива) информантов второго поколения. Затем будет проведён анализ над рассказами их родителей. После этих этапов мы постараемся создать общий метанарратив о праздновании тех и других поколений. Более того, мы покажем связи между поколениями, свидетельствующие о возможном унаследовании тех или иных традиций от своих родителей, из окружающей среды, от этнической¹ культуры или и тех и других. Помимо этого, мы надеемся на заключительные выводы о том, переняли ли респонденты культурные качества *финского* общества, придерживаются ли они в большей степени *русских* традиций и найдутся ли еще какие-либо варианты. Также, мы не забудем выяснить, какие люди (кто именно) являются самыми активными деятелями в передаче телесной и словесной коллективной памяти. В конце каждой главной темы будут также представлены интересные аналитические узловые пункты, если их можно будет найти. Такими главными темами оказались: 1) предрождественское время, 2) праздник Рождества, 3) время после Рождества и, наконец, 4) Хэллоуин и День всех святых. Вдобавок, после каждой такой части анализа, будут показаны краткие результаты той или иной темы. В последнюю очередь, в главе «Выводы», будут конечно соединены, наша теория и результаты анализа.

¹ В нашей работе, для удобства, мы будем называть *русские* традиции этническими, а *финские* национальными.

6. Рождественское время

В данной части работы мы рассмотрим праздник Рождества, как один из самых популярных и многообразных праздников. Хотя необходимо сразу отметить, что во многих интервью было рассказано намного ярче о Новом годе с частым использованием таких слов, как *всегда*, *никогда* и так далее. К тому же, почти одинаковое количество респондентов начало свои нарративы именно с рассказа о Новом годе, а не о Рождестве, и в этих рассказах (и в их начале) подчеркивалась эмоциональность и даже любовь к этому празднику по сравнению с Рождеством, которое показалось более нейтральным для наших респондентов. В частности, такова была ситуация с информантами первого поколения. Тем не менее, многие из них рассказали нам довольно ярко, например, о елке и подарках. Однако, по причинам, о которых шла речь в предыдущей главе (см. *Ход и содержание аналитической части*), данный доклад сосредоточен на Рождестве, и, кроме него, также на времени до него (=адвент) и после него (=финские святки 'joulujuhät') – в общем, на рождественском времени. Мы не забудем про финский Степанов день 'tapaninpäivä', loppiainen, nuutinpäivä, а также русское Рождество и старый Новый год. К сожалению, нам не удалось проанализировать ситуацию, связанную с rikkujoulut ('корпоративные вечеринки'), несмотря на то, что они являются частью предрождественского времени. Причина нашего решения заключается в том, что данная работа стала бы слишком обширной и материал было бы гораздо сложнее проанализировать. Более того, на наш взгляд традиции, связанные с rikkujoulut являются изначально мультикультурными, а не финскими, и, в отличие от семейных обычаев, наиболее корпоративными и проводимыми в кругу друзей. Таким образом, мы не смогли бы выяснить, например, каким образом они передаются из поколения в поколение. Сейчас мы представим метанарратив рождественского времени респондентов нашего сообщества, а также их личные рассказы. (см. глава 5.).

6.1. Метанарратив и ритуалы рождественского времени

Суммируя наши наблюдения за рассказами, входящими в данную аналитическую часть о рождественском времени, можно было сформулировать следующие общие тенденции первого поколения: некоторые из данных информантов рассказывали об этом празднике сопоставляя два времени: 1) прошлое, когда они не жили в Финляндии и 2) время после переезда. В свою очередь, респонденты второго поколения рассказывали, либо только о настоящем времени, либо сопоставляя его со своим детством (разница в Деде Морозе), либо задумываясь над прошлым и сравнивая его с возможным будущим (в основном в случаях при своем переходе в

самостоятельную жизнь). Все же, чаще всего, речь идет у тех и других поколений о настоящем времени. Далее будут детально перечислены темы, поднятые рассказчиками в интервью относительно рождественского времени.

В метанарратив и коллективную память о Рождестве вошли три этапа этого праздника: 1) подготовка к Рождеству, 2) праздник Рождества и 3) время после торжества. Эти части состоят из различных ритуалов и традиций, являющихся, либо телесными, либо словесными, что было объяснено Тэрнером и Коннертоном в деталях в нашей теоретической части о ритуальном праздновании (см. разделы 1.2., 1.3.). Периоды, перечисленные нами, можно рассмотреть как этапы 1) отделения члена от его общества, 2) нахождение в лиминальном пространстве и 3) возвращения члена обратно в структурную жизнь. Более того, в лиминальном пространстве Рождества можно заметить также анонимность, равноправность и замену статусов членов сообщества. (см. раздел 1.2..) Все ритуалы, символы и традиции являются объединяющими членов, их практикующих – таким образом люди создают группу *мы* и защищают себя и свою коллективную культуру, но также и обновляют ее. Несмотря на это, один человек может сформировать свою личность входя во многие такие группы. (см. раздел 1.3..) Нам необходимо выяснить, какой является коллективная память наших респондентов об этом празднике и какая мифология в ней воплощается (см. разделы 1.3., 2.2.).

6.1.1. Подготовка к Рождеству

В метанарратив наших респондентов этой части Рождества входят такие ритуалы и символы, соединяющие членов русско-финского общества, празднующих Рождество в *финское* время, как уборка и украшение квартиры/дома, содержащие, например, украшение рождественской елки. Эти же традиции входят в коллективную память и личные нарративы наших респондентов. Кроме элементов, поднятых в следующем разделе, в отдельные рассказы различных поколений вошли и другие атрибуты, связанные с подготовкой к Рождеству, которые кратко описаны в разделе о других рождественских атрибутах. Ниже речь пойдет об уборке, украшении ёлки и о времени, отведенном для данных действий.

6.1.1.1. Предрождественская уборка, декорации, символ ёлки и время, отведенное на них

Обычно люди подготавливаются к Рождеству следующим образом: производят дома уборку, после чего наряжают и украшают квартиру, в том числе и ёлку. Нам необходимо узнать, когда начинается подготовка наших респондентов к Рождеству, так как «*финскость*» и «*русскость*» определяется этим временем. Дело в том, что уборка и украшение квартиры являются

универсальными традициями, наблюдаемыми перед любым большим праздником, но в этой работе мы будем считать их, либо *финскими*, если они осуществляются до и во время *финского* Рождества, либо *русскими*, если речь будет идти о времени после Рождества или ближе к Новому году. К тому же, мы хотим выяснить, какой является подготовка к празднику Рождества. К примеру, существует ли старая *финская* традиция рождественской уборки или она уже ушла в историю. Как нам кажется, *финская* традиционная рождественская уборка является более всеобъемлющей по сравнению с обыкновенной уборкой перед Рождеством. Между тем, нам представляется особенно важным то, *каким названием* пользуются респонденты в данном контексте. Если в своем рассказе они, говоря об уборке, употребляют выражение *рождественская уборка*, это свидетельствует, на наш взгляд, о существовании скорее *финского* обычая. Также нам следует узнать, какие этапы и украшения входят в этот период времени, так как данные вещи помогут нам определить *финскость* и *русскость* подготовки к празднику. Так станет ясно, являются ли наши респонденты, например, интегрированными в общество Финляндии (см. глава 2), а также то, какую мифологию они поддерживают (см. раздел 1.3.).

Об осуществлении уборки упомянули пятеро из наших информантов второго поколения (Мюллюоя 2015: P5, P7, P9, P13, P17) и четверо из первого поколения (там же: P2, P4, P12, P18). В свою очередь, четверо респондентов как второго, так и первого поколения рассказывали об украшении квартиры, забывая про уборку (там же: P1, P3, P11, P15; P6, P10, P14, P16). На основании данных примеров и некоторых других, в процессе анализа нами было установлено, что из этих двух традиций наиболее значимой является украшение квартиры и елки в рассказах обоих поколений в то время, как важность уборки видна только в рассказах второго поколения. К тому же, обычно рассказы второго поколения об уборке и украшениях являются наиболее длинными по сравнению с рассказами первого поколения. Исключением из этой тенденции можно считать некоторые подробные рассказы первого поколения о елке. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Рассматривая тему уборки с точки зрения отдельных поколений и их коллективной памяти, мы выяснили, что данная традиция является *своей*, принятой в репертуар подготовки к Рождеству только вторым поколением. Данные информанты вспоминают о ней чаще и рассказывают подробнее по сравнению со своими родителями, для которых уборка оказалась просто обычной уборкой. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Лишь в одном случае речь шла о более-менее *финской* традиции рождественской уборки (там же: P9). К тому же, к нашему удивлению нам было рассказано также о теме новогодней уборки (там же: P17). Таким образом, подготовительная уборка к Рождеству является смешанной, и, поэтому, транскультурной в коллективной памяти данного поколения. Также следует обратить особое внимание на то, что

традиционная *финская* уборка не является особенно значимым обрядом. Следовательно, она выпадает из данной коллективной памяти. Вероятно, что поскольку к *финскому* Рождеству принято убирать дома, наши информанты помнят и оценивают данную традицию в связи с предрождественским временем, но они усвоили ее своим образом как от своих русских родителей, так и от национальной культуры Финляндии. Наконец, уборка оказалась только в одном исключении более *финской* рождественской уборкой, а в остальных просто обычной. Заметно, что традиционная *финская* уборка не является в коллективной памяти данного поколения значимым обрядом. Несмотря на это, какая-либо уборка до Рождества, все же, оказалась важной. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

В свою очередь, в ключевом сюжете первого поколения данный ритуал не является *своим* и в нем отсутствует *финская* рождественская уборка (там же). Тем не менее, в нём тоже был найден обычай новогодней уборки (там же: P18), хотя доминирует обычная уборка. Как нам кажется, в данном случае можно сделать вывод о том, что в памяти первого поколения уборка, вероятно, связана больше с Новым годом, и поэтому о ней рассказано немного и редко в данном контексте. В любом случае, данное поколение тоже не усвоило традиции *финской* рождественской уборки.

Итак, в общей коллективной памяти наших респондентов существует традиция *финской* рождественской уборки, но она не является особенно популярной. Вероятно, что традиции уборки смешались и наиболее *финская* традиция рождественской уборки исчезает – она становится индивидуальной вместо общей традиции в данных, двукультурных семьях. Вместо нее семьи готовят к Рождеству, в основном, производя обычную уборку. Таким образом можно сказать, что содержание метанарратива данных поколений об уборке является смешанным, и, поэтому, транскультурным (см. глава 2).

Нами не было обнаружено никаких прямых свидетельств того, что традиция рождественской уборки была бы унаследована вторым поколением от своих родителей, что является естественным, поскольку данный праздник не включался в этнические традиции первого поколения, от которых он мог бы быть усвоенным детьми. В случае единственной такой уборки родитель данного респондента не рассказал о её проведении, и, поэтому, мы предполагаем, что он был передан не от родителей, а от национальной культуры. Это мы обосновываем тем, что, вероятно, родитель рассказал бы нам о *финской* рождественской уборке в данном контексте, если бы она существовала в его памяти. Тем не менее, во многих случаях обычаи, связанные с простой уборкой в памяти второго поколения могут быть переданными их же родителями или национальной культурой. С одной стороны, в основном родители этих же респондентов не рассказали об уборке ничего. В таком случае мы не можем знать об их традициях и о том, какой уборкой, возможно, они заняты. Но, с другой стороны,

обычная уборка может не ассоциироваться у них с Рождеством, а, напротив, к примеру, с Новым годом, и, возможно, по этой причине, нам не было рассказано о ней ничего. Все же, в отношении новогодней уборки нами было обнаружено одно сходство между рассказами первого и второго поколения. В свою очередь, первое поколение могло усвоить уборку тоже как от своих детей, так и от национальной культуры Финляндии. Важнейшим, однако, является сейчас тот факт, что мы получили от респондентов именно эти рассказы, и, присмотревшись к связям, возможно ими унаследованным, мы нашли сходство лишь при новогодней уборке. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Тем не менее, при возможности мы могли бы сравнить ситуацию с рассказами о возможной новогодней уборке, и нам возможно, стало бы ясно, какой миф ритуализируется и доминирует в данном случае – наиболее *русский*, связанный с Новым годом или смешанный и связанный как с *финским* Рождеством, так и с *русским* Новым годом.

Нами не было также обнаружено никакого однозначного сходства во времени декорирования квартиры (и ёлки) и предрождественской уборки, но мы считаем что всё, относящееся к *финскому* Рождеству, происходит до него или в канун праздника (24 декабря). О таком времени рассказывают, в основном, респонденты второго поколения, и тогда речь идет, чаще всего, о времени украшения квартиры, в частности, елки. Таким образом, можно сказать, что в памяти второго поколения как уборка, так и украшение связаны именно с Рождеством и, что данные личности приняли украшение в *свою* предрождественскую традицию. Более того, как было нами уже отмечено, более подробно о тех или иных ритуалах рассказали именно эти информанты. Несмотря на то, что далеко не все респонденты второго поколения рассказали нам о времени украшения и уборки, мы можем предполагать, что данные ритуалы связаны именно с *финским* Рождеством, так как о них рассказывают именно в связи с ним. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

В свою очередь, респонденты первого поколения обычно не выделяют конкретное время для декорирования квартиры, елки или для уборки. Также они рассказывают часто даже об украшении квартиры довольно коротко. Но, поскольку данные вещи были рассказаны в контексте Рождества, можно сказать, что, скорее всего, они связаны именно с данным праздником, несмотря на то, что речь идет не о дате. Поэтому, можно сделать осторожный вывод о том, что о рождественских традициях много не говорят, поскольку они не являются особенно важными для первого поколения. Возможно также, что о новогодних обычаях было бы рассказано больше и, при этом, можно было бы сказать, что доминируют *русские* традиции. Итак, подготовка к *финскому* Рождеству является довольно минимальной и не настолько важной в коллективной памяти первого поколения, но, тем не менее, ее приняли каким-то образом в *свои* традиции. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Общая коллективная память различных поколений заключается в том, что она является транскультурной, поскольку в ней смешались как время подготовки к Рождеству, проявляющееся, в основном, в рассказах второго поколения, так и возможные ассоциации с новогодним временем рассказчиков первого поколения. Как было заметно, довольно часто было сложно выяснить, является ли датировка связанной действительно с Рождеством. Таким образом, граница между подготовкой к Рождеству или Новому году оказалась смутной. Всё же, нам было рассказано именно об этой тематике в контексте *финского* Рождества, и, по этой причине, нам ясно, что данное финско-русское сообщество приняло рождественский праздник в репертуар *своих*, святых событий. Еще важно подчеркнуть, что многое связанное с уборкой и декорацией является зависимым от ситуации и собственного желания. Подобные результаты были получены в исследовании, например, Минны Аалто (см. раздел 2.3.) о мультинациональности, зависимой от ситуации. Более того, на основании нашей теоретической части о мультикультурности личностей можно было ожидать данных результатов (см. глава 2). Итак, традиции, связанные с уборкой и декорациями, объединяющими людей в данный коллектив, являются многообразными и транскультурными. Поэтому, было бы важно сравнить весомость (например, по детальности) украшений наших респондентов в Новый год, поскольку тогда мы могли бы решить нашу проблему: к какому именно празднику подготовка относится у обоих поколений – к Рождеству, Новому году или к обоим.

Возможных связей между поколениями не было обнаружено и в этой части работы. Мы пришли к выводу, что так как информанты второго поколения считают данные обряды обычно связанными с Рождеством, респонденты аккультурировались к условиям национальной культуры и приняли наиболее *финские* традиции в *свои*. Помимо этого, нами было выяснено, что у респондентов первого поколения данные вещи, возможно, до сих пор ассоциируются также с Новым годом. Это является понятным, поскольку во время подготовки к Новому году занимаются приблизительно одинаковыми обычаями и, первоначально, данные люди привыкли именно к ним, проживая в культуре своей этнической среды. Ниже, в части о елке, как важнейшим атрибутом Рождества (и Нового года), нам станет более понятно, с каким праздником данные обряды связаны в коллективной памяти членов отдельных поколений.

Время ёлки наступает обычно в последнюю очередь, то есть, в самом конце уборки и даже украшения квартиры. Традиция рождественского дерева, являющегося в Финляндии именно елью, имеет исторические корни в дальнем прошлом и связи с традициями других стран. По одной существующей теории, ёлка вошла в *финскую* традицию через Скандинавию, куда она была принята из Германии. Поэтому, уже даже из этого примера можно увидеть, насколько смешанной является история традиции рождественской ёлки. Несмотря на это, в

данном докладе елкой может оказаться, кроме рождественской, также новогодняя елка. Поэтому нам интересно узнать, например, как называют елку: если она «рождественская», то традиция *финская*, а если «новогодняя», то *русская*. В свою очередь, если названия используются, как синонимы, то традиции смешались. На *русскость* и *финскость* влияет также время украшения елки, так как украшение рождественской елки начинается до *финского* Рождества, а новогодней елки, возможно, после. К тому же, на сущность елки влияет значение ее украшений и то, что о них рассказывается в связи с *финскостью* и *русскостью*. В рассказах наших информантов были найдены многие украшения, кроме ёлки, но, мы начнем с данного, главного предмета и, позже, в следующем разделе, перейдем к другим атрибутам рождественского времени.

Для респондентов второго поколения ёлка является значимым символом Рождества, и, рождественского времени, потому что, по их словам, у всех из 9 семей она приносит радость, создавая атмосферу данного праздника. Между тем, лишь однажды было отмечено о памяти новогодней елки в рассказах о данном дереве. О важности ёлки свидетельствует то, что ее отмечают в каждом рассказе и при разговорах о ней использовалось также слово *всегда*, употребляемое крайне редко в сюжетах второго поколения данного исследования и сигнализирующее о важности ёлки. Иными словами, второе поколение воспринимает данный атрибут в качестве именно рождественской ёлки. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

В отличие от этой тенденции, в рассказах информантов первого поколения о ёлке речь идет, чаще всего в связи с Новым годом (там же: P4, P6, P14, P16, P18), но, всё же, в некоторых случаях, атрибут можно считать связанным с Рождеством (там же: P2, P10). Особенно много и подробно ее описывают пятеро – трое по поводу Нового года, а двое Рождества. Более того, обычно респонденты рассказывают минимально о рождественской елке. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Таким образом понятно, что в памяти первого поколения, чаще всего, фигурирует новогодняя елка, вместо рождественской. Поэтому можно сказать, что данное поколение, в основном, не изменило своего отношения к атрибуту во времени, и, из-за этого, он остался более *русским* в их рассказах, в то время, как рождественской елке не нашлось места.

В нашем материале обсуждается также тема натуральной и искусственной ёлки: в основном о важности натуральной елки рассказывают респонденты первого поколения (там же: Рождество). Кроме этого, об этой теме рассказывают и некоторые информанты второго поколения, один из которых связывает *русскость* с натуральностью ёлки следующим образом:

У мамы ёлка искусственная, чего я не одобряю. У бабушки ёлка всегда настоящая. Они покупают. Это традиция ещё с России. (Мюллюоя 2015: P7.)

В дополнение к этому, один респондент второго поколения рассказал нам также о том, что ёлка у них *всегда* была более *русской*. Данный информант считает, что количество и вид украшений может зависеть от *русскости*:

А ёлочка была больше русская. Финны не пользуют дождь, а русские всегда этим украшают. Ёлочка более раскрашенная была. (Мюллюоя 2015: P3.)

Интересным мы считаем и то, что мама одного более *финского*, по месту рождения, респондента привезла много ёлочных украшений из России. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что ёлка наряжена в *русском* стиле. Более того, этот же респондент прямо отмечает, что, кроме рождественских ёлочных игрушек, украшения можно назвать и новогодними. (там же: P9.) Данные примеры служат свидетельством того, что в памяти второго поколения существуют также элементы новогодней елки, несмотря на то, что в ней доминирует рождественская елка. Кроме того, в украшения елки входят также универсальные и более транскультурные украшения, такие, например, как шарики, о которых довольно часто упоминают в рассказах респонденты второго поколения (Мюллюоя 2015: Рождество).

Таким образом можно увидеть, что ёлка – это важный атрибут Рождества, хотя она называется также новогодней в рассказах как второго поколения, так и – особенно – первого. Ёлку наряжают к *финскому* Рождеству универсальными украшениями, к примеру, шариками, но она может быть наряженной и к Новому году, и, тогда, ее украшениями могут оказаться более *русские* символы, например, привезенные из России. В культурных ритуалах, связанных с ёлкой, возможны как общие, так и наиболее своеобразные традиции, через которые заметна транскультурность этого элемента праздника (см. раздел 2.2.).

Более того, время декорации ёлок варьируется: у кого-то оно в начале декабря или раньше (Мюллюоя 2015: P1, P11), за 1-2 недели (там же: P9; [P10]), или примерно 24 декабря (там же: P3, P5, P7; P2, [P10]), но, и здесь, заметно, что второе поколение приняло традицию рождественской елки, а первое нет. Тем не менее, по настоящим данным является уже понятным, что в общей коллективной памяти наших респондентов выражается соединённая, транскультурная сущность данного атрибута.

В случае елки, второе поколение приняло рождественскую елку в свою традицию из окружающей национальной культуры, в то время как первое поколение являлось больше носителем новогодних традиций, усвоенных от своей этнической культуры. Несмотря на это, трое из восьми информантов первого поколения приняли наиболее *финскую* елку в *свои* традиции от национальной культуры Финляндии и/или от своих же детей. В двух случаях нами были обнаружены также возможные связи между поколениями, касающиеся унаследования данной традиции от своих родителей, и, в данных случаях, речь шла о новогодней елке.

(Мюллюоя 2015: Рождество.) Отсюда вытекает, что в плане традиции елки трое из семей приняли более *финскую* елку в *свою* (=аккультурация), а двое придерживаются наиболее *русской* традиции елки.

При подготовке к Рождеству, более активным деятелем оказалась женщина – то есть, сама рассказчица или ее мать. Между тем, в некоторых рассказах отмечается роль мужчины при покупке ёлки. Несмотря на это, о подготовке говорится, в частности, в пассивной форме, и, поэтому, в большинстве из случаев речь идет об обществе, а не о женщинах или мужчинах как отдельных деятелях. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Однако, активность женщин в связи с проявлением обычаев в общественной жизни заключается в том, что именно женщины являются рассказчиками о них, и, уже таким образом, они распространяют традиции. Далее мы переходим к анализу других рождественских украшений и атрибутов.

6.1.1.2. Другие рождественские атрибуты

Во время адвента, после уборки и даже до неё, квартиру украшают также другими важными символами Рождества, как, например, свечами и цветами «joulutähti». К тому же, в предрождественское время в Финляндии принято покупать или получать разные адвент/рождественские календари, а также посылать открытки и сообщения. Помимо этого, существует традиция кормить птиц в этот период. Тем не менее, в рождественский период могут входить также более *русские* атрибуты. Нам необходимо было выяснить в настоящем анализе, о каких именно других рождественских атрибутах идет речь в метанарративе исследуемых нами респондентов.

Из украшений, кроме елки, в общий рассказ данных поколений входят, например, следующие, универсальные атрибуты, находящиеся почти во всех рассказах наших информантов: свечи и гирлянды. В памяти второго поколения о свечах речь идет, в основном, только при упоминании Рождества, и, поэтому, они являются более *финскими*. В свою очередь, в памяти первого поколения свечи связаны как с Рождеством, так и с Новым годом, и, поэтому, данный атрибут показывается транскультурным в их личных рассказах. Итак, в общем ключевом рассказе респондентов обоих поколений, традиция зажигать свечи оказалась смешанной, а значит и транскультурной. Очевидно, что при соблюдении данной традиции и при ассоциации ее с Рождеством, она является усвоенной от национальной культуры окружающей среды, и такой ситуация показалась, в основном, в рассказах второго поколения. Помимо этого, при обсуждении возможного наследования данного элемента от своих родителей, было найдено четыре связи, одна из которых является наиболее *финской*, вторая смешанной и еще две *русскими*. Еще в одном случае можно сделать заключение в том, что

информант второго поколения усвоил *финскую* традицию, а первого *русскую*. В свою очередь, так как, в основном, рассказчики первого поколения имеют наиболее смешанные традиции, можно сказать, что они были соединены с этнической культурой, связывающей свечи с Новым годом, и национальной культурой, определяющей их наиболее рождественскими украшениями. При упоминании о гирляндах ситуация заключается в том, что они являются еще более транскультурными в базовых рассказах обоих поколений. Более того, нам не удалось проанализировать возможные пути усвоения данного атрибута. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Кроме свечей и гирлянд, согласно нашему материалу, в общей коллективной памяти наших информантов традиции, связанные с открытками и сообщениями, смешались. Одинаковой оказалась ситуация в рассказах отдельных поколений. Всё же, данные вещи упоминались чаще в рассказах первого поколения. В одном случае традиция, возможно, перешла от первого поколения во второе. В этом случае привычки посылать открытки и сообщения оказались наиболее индивидуальными. Во втором случае, несмотря на то, что подобные обычаи существуют в обоих поколениях, респондентом второго поколения была принята наиболее *финская* традиция, а первого смешанная. Исходя из этого, информант второго поколения усвоил обычаи от *финской* культуры, а родитель, помимо этого, и от этнической *русской* культуры. В третьем случае семья вообще не практикует использование данного элемента праздника. В остальных рассказах в трёх случаях было видно то, как респонденты второго поколения посылают открытки или сообщения, но они соединили как *финские* (от нац. культуры), так и *русские* (от этн. культуры) традиции. Почти также получилось и в ситуации первого поколения, где, в двух случаях, традиции смешались, и, в одном случае, были усвоены наиболее *русские* традиции, вероятно от этнической культуры. В связи с этой темой можно было сделать вывод о том, что именно женщины пытаются как сохранить, так и обновить различные традиции, к примеру, отправку открыток и сообщений. Соответственно, таких женщин можно считать лицами, поддерживающими социальные контакты в обществах. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

В случае второго поколения более универсальным и особо важным элементом является *финский* атрибут, шоколадный календарь. В данном случае респонденты второго поколения переняли традицию от национальной культуры Финляндии. В противоположность этому, первое поколение, в основном, не усвоило данный элемент, и, поэтому, можно сказать, что их традиция приближена больше к *русской*, этнической – не покупать календарь. Таким образом, совместная коллективная память поколений оказывается смешанной. Всё же, в трех случаях мы нашли связь между рассказами различных поколений, и, в итоге, поняли, что данный элемент был принят от своих родителей после того, как они усвоили традицию от

национальной культуры. Но, возможна и версия, в которой сначала дети усвоили элемент и поделились ею со своими родителями. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

В свою очередь, в более индивидуальные ритуалы и традиции обоих поколений, являющиеся более *финскими*, входят свечи на адвент и цветок «joulutähti». В частности, в связи со свечами на адвент и цветком «joulutähti» была найдена связь между поколениями в том, что данные атрибуты не были приняты в *свои* традиции. Следовательно, данную ситуацию можно воспринять свидетельством о наиболее *русских* привычках в общей коллективной памяти. На наш взгляд можно сказать, что отсутствие этих символов было принято от этнической, наиболее *русской* среды наших респондентов. Одинаковым образом можно было проанализировать отсутствие *финского* обряда кормления птиц, так как в кормлении птиц во время зимы активность проявил только один из наших респондентов, и, поэтому, данный случай служит примером о *финском* исключении в традициях в нашем материале. Более того, в рассказах респондентов как одного, так и другого поколения фигурировали более уникальные украшения, например, соломенные или самодельные (P13, P18), сахарница в виде гномика (P7), медведи из лампочек (P1) и разные гномики (P4, P18). Помимо этого, в рассказах первого и второго поколения была обнаружена, в пяти случаях, тема рождественского интерьера, описанная, к примеру, следующим образом:

[---] и кроме этого конечно красные шторы, скатерть красная с золотом [---]
Ковры меняем, довольно теплые, красные чтобы были. (Мюллюоя 2015: P3)

В итоге, можно отметить, что перечисленные нами выше символы и ритуалы входят в метанарратив наших респондентов, а значит, и в их коллективную память. В свою очередь было замечено, что эти элементы проявляются разным образом – то есть, они являются продуктами смешения культур. Тем не менее, можно сказать, что некоторые ритуалы воплощаются больше в *финских* традициях, например, рождественский календарь в памяти второго поколения. В отличие от этого, в некоторых случаях было наиболее сложно сказать, каким именно является ритуал, к примеру, отправления сообщений. Всё же, некоторые, наиболее *финские* обычаи, как традиции кормления птиц и покупка цветка «joulutähti» остались более личными, и, можно сказать, что они не стали *своими* в семьях наших респондентов. Поэтому отсутствие данных традиций воспринимается в нашей работе, как наиболее *русский* стиль времяпрепровождения (касательно Рождества). Далее мы представим еще одну тему, поднятую, в основном, вторым поколением, и, свидетельствующую о важности рождественского праздника в их жизни.

6.1.1.3. Тема, поднятая вторым поколением

В рассказах о подготовке к празднику некоторые украшают дом больше, а некоторые меньше, и как было отмечено, респонденты второго поколения довольно подробно рассказывают о декорациях. При отсутствии украшений у себя, данные информанты рассказывают о декорациях, находящихся у своих родителей. Таким образом, украшение входит в общий рассказ о Рождестве также у не украшающих свою квартиру людей – значит, традиция декорирования существует в любом случае в ключевом нарративе второго поколения. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Данные наблюдения подчеркивают важность темы украшений при разговорах о Рождестве в случае второго поколения.

Следовательно, можно было увидеть, что самыми важными являются рождественская уборка и декорация того места, где проводится рождественский праздник. Особую важность эти обычаи приобретают дома, при наличии детей в семье. Исходя из этого, можно сделать вывод, что те места, о которых чаще и больше всего идет речь, являются особенно сакральными пространствами. В этих местах вся семья собирается встречать праздник. В данном случае этими местами являются 1) дом родителей, родственников и родных на Рождество у всех празднующих этот праздник и 2) свой дом до самого праздника в семьях с детьми. В данном случае, в группу *своих* входят члены как своей семьи, так и семьи супруга/супруги. Эта было тоже повторяющейся темой в рассказах наших информантов второго поколения. В результате, декорирование и уборка являются важнейшими элементами предрождественского времени в случае второго поколения, потому что, они определяют и защищают группу *своих* и их культурные традиции. Из этих двух традиций более популярной является, в памяти обоих поколений, тема украшений, в том числе и ёлки, являющейся самым важным украшением и у тех, и у других. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Далее мы перейдем к кратким результатам о предрождественском времени.

6.1.1.4. Краткие результаты данной части работы

Во время данного анализа нами было установлено, во-первых, что в метанарратив настоящих респондентов включаются различные обряды, связанные с уборкой и украшением квартиры и являющиеся, в общем, транскультурными. Более того, в настоящем материале доминирует тема украшений, и особенно такого атрибута, как рождественская ёлка. Лишь респонденты второго поколения приняли предрождественскую уборку как *свою* традицию, несмотря на то, что она оказалась у них транскультурной, а не *финской*.

Во-вторых, нами было выяснено, что объединяет рассказы респондентов обоих поколений: гирлянды, открытки и сообщения в виде транскulturности данных атрибутов. К тому же, как положено в *русской* культурной среде, респонденты обоих поколений не зажигают свечи на адвент и не украшают дом рождественским цветком.

В-третьих, в ключевом рассказе второго поколения елка оказалась наиболее *финской*, как и свечи и рождественский календарь, и, по этой причине, мы пришли к выводу о том, что, чаще всего, именно эти респонденты аккультурировались к *финским* привычкам. В свою очередь, в рассказах информантов первого поколения можно было, в частности, обнаружить транскulturность традиций зажигать свечи, а также *русскость* в том, что они не покупали рождественские календари. Более того, обычно именно респонденты первого поколения придерживаются наиболее *русских* традиций, например, относительно главного атрибута данной части работы – ёлки.

Из всего сказанного следует, что члены данного сообщества приняли более подходящие для себя ритуалы и, в таком процессе идентификации, усвоили более транскulturный образ проводить время до Рождества. Транскulturность данного периода заключается как в универсальных, так и более индивидуальных атрибутах, в которых можно заметить воплощение мифологии *финскости*, *русскости* и других культур. Так как процессы идентификации и развития коллективной культуры находятся в постоянном изменении, к ним непрерывно присоединяются новые качества.

Нами была найдена также тема, свидетельствующая об особой важности тех или иных событий для рассказчиков второго поколения. Стало быть, главным для них является украшение и уборка места торжества. При этом, особенно значимую роль играет *свое* общество празднования. Кроме этого, к примеру, касательно темы открыток, были получены свидетельства о том, что именно женщины являются активными деятелями при поддержании социальных контактов, а значит и, в поддержании и обновлении различных ритуалов.

6.1.2. Основной праздник – Рождество

Коммунитас и священность видны в сущности праздников – эти загадочные элементы можно обнаружить во время празднования через различные телесные ритуалы или словесно (см. раздел 1.3.). Также о них можно услышать в рассказах людей, проводящих ритуалы вместе (см. раздел 1.1.). Таким образом видно, как общество оценивает себя, так как празднуя, то есть осуществляя различные торжественные обряды, мы празднуем наше коллективное существование. Празднуя люди пытаются сохранить традиции своей группы, но они могут и обновить различные мифы и также свою коллективную память. (см. раздел 1.3..) Обычно при

модификации того или иного мифа, ритуалы и, в конечном счёте, праздники, становятся более смешанными, транскультурными. Следовательно, в рассказах о праздновании можно услышать, насколько мультикультурной является культурная идентичность людей. Иными словами, можно найти возможные гибридные культурные качества в личностях. (см. разделы 2.1., 2.2..)

Финское Рождество можно справлять не только одним определенным образом, и, поэтому, нам интересно будет увидеть, насколько сильно проявляются *финские* традиции в данном *финском* празднике. Далее мы перейдём к ознакомлению наших читателей с нашими результатами на основании полученного нами исследовательского материала, точнее с ритуалами и традициями, связанными с празднованием *финского* Рождества. К тому же, мы покажем коллективную память и метанарратив, а также их варианты (данного сообщества). Помимо этого, мы попытаемся узнать, каким путем были усвоены обычаи тем или иным поколением и его членами. Нам также интересно узнать, например, чей голос слышен в рассказах, и каким образом, а, чей голос исчезает. Так мы сможем сделать выводы о том, какие именно люди передают коллективную память своего сообщества от поколения к поколению как словесно, так и ритуально. Между тем, на основании нашей теоретической части, мы надеемся найти анонимные и равноправные качества наших респондентов в лиминальном пространстве Рождества в их же рассказах, по крайней мере, в связи с некоторыми темами, к примеру, одеждой (см. раздел 1.2.).

В общем рассказе и главном сюжете можно распределить порядок событий следующим образом: если Рождество празднуется дома, сначала заканчивается уборка квартиры и готовится еда. Затем, люди садятся за стол и, либо после обмена подарками, либо после прихода Деда Мороза открывают подарки. Время для сауны не определяется точно. От этой тенденции метанарратив первого поколения отличается в том, что отмечаемое *финское* Рождество сосредоточено на застолье, не принимая во внимание время раздачи подарков в этот день. О подарках говорят, но, тем не менее, точное время раздачи подарков не упоминается, хотя из дальнейшего рассказа становится ясно, что, в частности, подарки раздаются именно в этот день. Более того, эти же рассказчики отмечают *финское* Рождество одинаковым образом, несмотря на то, что их же взрослые дети уже не обязательно присоединяются к их компании именно 24 декабря. При этом, как уже стало очевидно из данных примеров, практически все респонденты хотят и пытаются отпраздновать этот праздник. Более того, данное событие отмечается в кругу собственной семьи и своих близких. Это свидетельствует о том, что *финское* Рождество было принято, как *свое* святое событие, которое проводится, в основном, в кругу семьи и близких. К тому же, данное явление можно принять, как свидетельство того,

что особо важными, во время праздника, являются именно его создатели и укрепители – то есть компания.

Уже по вышеперечисленным нами данным можно сделать вывод о том, что в рассказах наших респондентов есть множество различных вариантов для проведения этого праздника. Помимо этого, порядок событий может варьироваться. Иными словами, у разных семей существуют различные ритуалы и традиции, связанные с жизненной ситуацией (например, семейным и денежным положением), с настроением на этот день, а также с прошлыми событиями в жизни. Элементы также варьируются в зависимости от собственного желания (см. раздел 2.3.). Итак, в метанарративе наших респондентов смешались различные традиции, и несмотря на то, что можно увидеть сходства, также заметна своеобразность, к примеру, в порядке обычаев Рождества.

Далее мы перейдем к более подробному описанию традиций, входящих в данную коллективную память, и выясним насколько *финскими*, *русскими*, мультикультурными или транскультурными являются обычаи наших респондентов. Параллельно мы будем анализировать все выше выявленные моменты, в том числе, например, то, чьи голоса слышны при их осуществлении. Иначе говоря, будет проанализирована ситуация данного праздника, как святого пространства, а также входящих в него священного общества и ритуалов. В данную часть анализа были вовлечены такие темы, как 1) праздничное застолье, 2) десерты и напиток глинтвейн, 3) рисовая каша и другие элементы застолья, 4) одежда, 5) *joulurukki* и подарки, 6) *sauna* и 7) другие элементы Рождества. Анализ будет производиться в вышеупомянутом порядке.

6.1.2.1. Праздничное застолье

Такие атрибуты застолья, как окорок, запеканки, а также некоторые виды рыбы (*liperäkala*), можно воспринимать как наиболее *финские* традиции. В отличие от этого, более *русской* едой считаются салаты «оливье» и винегрет, а также закуска в виде рыбной икры. Более того, рождественское застолье может включать в себя также и транскультурные атрибуты. В настоящей части данного доклада нам необходимо выяснить, каким является праздничное застолье в памяти данного коллектива.

По нашим данным можно сказать, что в общем метанарративе наших респондентов на рождественском столе доминируют такие *финские* рождественские блюда, как окорок, различные запеканки и рыба в разном виде. Исключением из этой тенденции можно считать то, что в базовом рассказе первого поколения традиции, связанные с окороком, являются наиболее многообразными и, поэтому, более транскультурными. Кроме этого, некоторые

финские атрибуты (*lireäkala*) отсутствуют в общей коллективной памяти, вообще, и, таким образом, можно также заметить транскультурность рождественского застолья. К тому же, мультикультурность видна в следующем: несмотря на то, что рыба ассоциировалась у респондентов с *финским* Рождеством, нам сложно определить, какой именно традицией рыбное застолье является. Исходя из всего этого, очевидно, что на данный момент в общей коллективной памяти застольные элементы показываются довольно транскультурными. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Праздничная еда приготавливается обычно за день-два до *финского* Рождества и, при надобности, доделывается 24 декабря. Типичной *финской* (и европейской) рождественской едой считается окорок. В кругу наших респондентов второго поколения его готовят в семи из девяти случаев (Мюллюоя 2015: P1, P7, P9, P11, P13, P15, P17) и, поэтому, можно сказать, что данная традиция была принята, как *своя*. В противоположность этому, по рассказам первого поколения об окороке речь шла в настоящем времени в четырех из случаев (там же: P2, P8, P14, P18), а в прошедшем времени в одном (там же: P4). В рассказах этого же поколения традиция готовить какое-либо мясо проявилась в четырех рассказах (там же: P6, P8, P10, P12) – обычно, либо индюшатину, либо курицу, либо в некоторых случаях окорок. Таким образом понятно, что в базовом рассказе первого поколения мясные традиции смешались. Тем не менее, в общем метанарративе обоих поколений доминируют наиболее *финские* традиции в мясном застолье, хотя, в общем, традиции являются многообразными.

Типичной *финской* едой считаются и различные запеканки. Респонденты как первого, так и второго поколения покупают или готовят какую-либо запеканку в шести случаях (Мюллюоя 2015: P1, P9, P11, P13, P15, P17; P2, P4, P10, P12, P14, P18). Из этого следует, что для обоих поколений запеканки являются важными атрибутами Рождества. Более того, в общем метанарративе (и коллективной памяти) данный элемент показывается довольно *финским*. Однако, в общем, он является, в любом случае, транскультурным.

Во многих рассказах отмечаются еще рыбные блюда, к примеру, икра, лосось, селёдка и так далее. Таковой является ситуация в шести семьях (Мюллюоя 2015: P1, P3, P7, P11, P13, P17) по словам второго поколения, и в пяти семьях (там же: P4, P8, P10, P14, P18) по словам первого поколения. Однако, присутствие, возможно самого старого *финского* традиционного рыбного блюда *lireäkala* не было отмечено. Несмотря на то, что упоминания о данной рыбе отсутствуют в рассказах наших респондентов, оба поколения, всё же, готовят рыбные блюда на Рождество. Следовательно, можно сказать, что они приняли данные обычаи в *свои*, наиболее *финские* традиции. Единственным исключением является икра, которую можно воспринять, как наиболее *русское* блюдо. В заключение, нам сложно сказать, какой именно традицией рыбное застолье является, в общем.

Нами было установлено, что четверо семей приняли наиболее *финские* традиции, связанные с окороком (там же: пары 1, 4, 7, 9). Кроме этого, в одной семье не принято есть окорок, что можно считать приверженностью к этнической культуре первого поколения (Мюллюоя 2015: пара 2). В связи с запеканками, в свою очередь, пятеро семей переняли культурные традиции данного обычая (там же: пары 1, 5, 6, 7, 9). Более того, было найдено четыре сходства в соблюдении традиций, связанных с рыбными лакомствами, но, нам не известно к каким культурам данные случаи можно отнести (там же: пары 2, 4, 7, 9). Исходя из этого, довольно часто, какие-либо, наиболее *финские* атрибуты еды были приняты, как *свои*.

Обычно такие салаты, как «оливье» и винегрет присутствуют на традиционном *русском* столе. Поэтому можно сказать, что по рассказам наших респондентов, в независимости от поколения, в общий метанарратив входит, кроме *финской*, также наиболее *русская* еда – салаты, самым популярным и значимым из которых является салат «оливье». Нами было установлено, что «оливье» является даже более популярным салатом по сравнению с *финским* *rosolli*. Таким образом, нам стало ясно, что в общем рассказе выбор салатов является многообразным, а значит и традиции смешались, но, всё же, в речи людей доминируют *русские* элементы.

На рождественском столе наших респондентов фигурируют, помимо других блюд, такой *русский* салат, как «оливье». Четверо (Мюллюоя 2015: P3, P5, P7, P13) из наших респондентов второго поколения рассказывают, что «оливье» присутствует на столе *всегда*, а в семье еще одного информанта готовится, либо салат «оливье», либо салат «селедка под шубой» (Мюллюоя 2015: P11). В отличие от этого, в рассказах первого поколения упоминался салат «оливье» лишь два раза – вместо него можно также приготовить селёдку под шубой, салат из селетки или кукурузный салат (там же: P12, P18). В результате можно сказать, что в ключевой рассказ второго поколения входит *русская* традиция салата «оливье», но в первом поколении память об этом, в частности, отсутствует (в связи с рождественским столом). Кроме «оливье», *финский* винегрет *rosolli* упомянут тремя информантами второго поколения (Мюллюоя 2015: P1, P5, P17). Между тем, в общий рассказ первого поколения вошла, наоборот, традиция винегрета, вместо *rosolli*, в трех случаях (там же: P10, P14, P18), а еще в одном случае информант сказал, что обязательно на Рождество должен быть какой-либо *русский* салат, например, винегрет (там же: P4). В итоге, заметно, что, кроме салата «оливье», второе поколение приняло традицию салата *rosolli*, и, поэтому, в их памяти эти традиции являются транскультурными, а первое поколение усвоило лишь обычай наиболее *русского* винегрета. Более того, в парах номер два и шесть, нашлись свидетельства о наследовании традиции приверженности к *русским* салатам (там же: пары 2 и 6).

В данном случае интересным является то, что наиболее *русские* традиции были усвоены именно респондентами второго поколения. Возможно, что поскольку в Новый год многие из наших респондентов готовят «оливье», информанты второго поколения перепутали салаты праздничных столов и «оливье» ассоциировалось у них с Рождеством. С другой стороны, данные респонденты могут просто пытаться добавить в данный праздник наиболее *русские* традиции. Таким образом, в *финское* Рождество может войти традиция приготовления «оливье». Это основывается на разделе, рассматривающем предыдущие исследования, из которого мы можем видеть, что тот или иной элемент может быть принятым в категорию *своих* традиций по собственному желанию. Также, данный пример соответствует мнению Холла о том, что постмодернистский образ жизни предлагает множество возможностей и выбора для переработки своего собственного воображаемого образа идентичности. (см. разделы 2.1. и 2.3..) В свою очередь, тот факт, что первое поколение часто не вспоминает о приготовлении «оливье», в данном контексте может быть обоснован тем, что в их коллективной памяти данный салат ассоциируется, вероятно, с Новым годом. Однако, в данном случае можно сказать, что информанты второго поколения воссоздали традицию своих родителей, связанную с Новым годом, и стали использовать ее в новом контексте. К тому же они приняли традицию салата *rosolli* из национальной культуры Финляндии. В отличие от этого, *финский* салат не был принят первым поколением как *свой*, священный атрибут Рождества, а, вместо него, были усвоены *свои* традиции винегрета, переданные этнической культурой. Кроме этого, в двух случаях нами, всё же, было обнаружено, что традиции *русских* салатов перешли из первого поколения во второе; в одном случае речь шла о салате «оливье», в другом о винегрете.

Все это сводится к следующему: рождественский стол является смешением как *финских*, так и *русских* традиций. С одной стороны, по многим рассказам видно, что люди предпочитают, в основном, обычную *финскую* рождественскую еду – *финскую* *kinkku* и/или запеканки. С другой стороны, некоторые хотят подчеркнуть, что на их столах присутствуют в большом количестве также *русские* салаты, такие, как «оливье» и/или винегрет. Нашу задачу усложняют обнаруженные нами явления о более мультикультурных традиций в рассказах наших респондентов. Например, в одной семье, чаще всего, готовят еду, которая им нравится: блюда итальянской или греческой кухни (Мюллюоя 2015: P5). Между тем, в одной семье, кроме окорока подаются, возможно, пельмени или выпечка, а также мясо с овощами (там же: P15). Кроме этого, одна семья предпочитает просто обычную горячую еду: «on pääruoka esim. perunamuussi ja lihapullia [...] Ei mitään ihmeellistä ruokaa.» (там же: P9).

Помимо этих примеров, у семьи седьмого респондента очень разнообразный стол, на котором есть и *русская* и даже международная кухни (Мюллюоя 2015: P7). При этом, в семье одного из информантов еду не готовят, вообще, 24 декабря, но, у информанта есть традиция

отмечать повторно Рождество (во время *финского* Степанова дня) со своей семьей, согласно другим обычаям, отличающимся от каких-либо рождественских традиций семьи её молодого человека:

Что-то покупаем, получше, чем в обычные будние дни – допустим, разные сыры и такое. Немножко, конечно, *lanttulaatikko* [---] Еда в основном русская, не обязательно русская еда, но получше, чем в обычный день – винегрет. [---] У нас папа готовит, например, очень много азиатской кухни. У нас нет такого одного блюда. [---] Плов – традиционная на все праздники, можно сказать. [---] бабушкины пироги, соленья всякие – капуста, помидоры, огурцы. (Мюллюоя 2015: P17.)

Одновременно, большинство из этих же респондентов используют часто слова *никогда* или *не всегда* ссылаясь на отрицание *финских* традиций застолья и подчеркивая одновременно присутствие наиболее *русских* традиций. Между тем, кто-то может подчеркивать словом *всегда* как *русские*, так и *финские* традиции: «На Рождество на столе *всегда* (курсив наш – А.М.) стоят апельсины и яблоки [---] Конечно, конфеты *всегда* (курсив наш – А.М.) стоят на столе.» (Мюллюоя 2015: P3). Нашу задачу усложняет также информация, полученная от респондентов первого поколения. В их рассказах тоже можно было найти смешение различных стилей питания на Рождество (там же: P2, P4, P6, P8, P10, P12, P14, P18). В качестве примера: один респондент рассказал о многих *украинских* блюдах, а двое других о традиции сырных деликатесов (там же: P4, P14). К тому же, в двух случаях шла речь о традиционном приготовлении плова на праздничные дни (Мюллюоя 2015: P6, P18), а также мы нашли традиции приготовления таких блюд, как салата «Мимоза», картофеля *по-карельски*, и пиццы (там же: P12, P18).

Как видно из вышеперечисленных наблюдений, нельзя предположить, что Рождество празднуют, согласно какой-либо одной конкретной или даже нескольким конкретным традициям, являющимся наиболее *финскими* или *русскими*. Наоборот, мы считаем, что, по крайней мере, относительно еды в рассказах наших респондентов наблюдаются такие мультикультурные и транскультурные традиции, как предпочтение азиатской, итальянской или еще какой-либо кухни. К тому же, поскольку уже знаем из теоретической части нашей работы, невозможно сказать точно, является ли какой-либо ритуал, символ или вообще объект первоначально принадлежащим к той или иной специфической культуре, так как культурное смешение происходит уже на протяжении долгого времени (см. раздел 2.2.).

Те, кто организуют праздник у себя, несут большую ответственность, так как ими заранее делается уборка, приготавливается еда и так далее. Из наших респондентов эту важную ответственность поручили мамам и женщинам семьи в семи случаях. С другой стороны, большая часть из наших информантов рассказывала о том, что мужчины тоже активно

занимаются едой, и что у всех есть своя роль в семейном кругу (Мюллер 2015: P1, P3, P5, P7, P11, P13, P15, P17; P4, P6, P14, P18). Например, в семьях респондентов номер один, пять, семь и семнадцать отец/мужчина занимает главную или важную роль в приготовлении рождественской еды (там же: P1, P5, P7, P17). С другой стороны, в первом поколении голос мужчин слышен реже. Точнее, важнейшая роль предназначена лишь в двух случаях мужскому полу (там же: P6 и P18). Исходя из этого, в рассказах наших респондентов доминирует голос женщин, но мужчины являются сравнительно активными деятелями. Иными словами, и женщины, и мужчины, воспитывают и приучают (взрослых) детей, друг друга и, в целом, общество, к рождественским традициям, воплощая обряды во времени и в пространстве праздника. Но, как мы уже знаем, усвоение традиций происходит также через рассказы о них, после чего они остаются в коллективной памяти и в метанарративе сообщества. В силу этого, поскольку в нашем случае респонденты, в частности, женщины, они рассказывают о различных традициях более активно, по сравнению с мужчинами, соединяя таким образом элементы в общий рассказ, и обновляя коллективную память. Одновременно с этим, именно женщины имеют возможность, к примеру, распределять голоса различных полов в рассказах более свободно и субъективно, в противоположность мужчинам.

Далее изложим краткие результаты данной части анализа. Во-первых, мы выяснили, что чаще всего, те или иные застольные традиции, оказывались явственно транскультурными в общем метанарративе обоих поколений. Тем не менее, в традициях, связанных с окороком и запеканками, в общей памяти доминируют наиболее *финские* традиции, хотя исключением из этого правила можно считать некоторые примеры первого поколения особенно в связи с мясными блюдами. В отличие от этого, в разнообразии салатов доминируют наиболее *русские* варианты, а не, например, *финский* винегрет (*rosolli*). Всё же, в отношении разновидностей рыбных вариантов, мы затруднились сказать, насколько доминируют какие-либо традиции.

Во-вторых, обычно именно респонденты второго поколения усваивали *финские* варианты еды, в виде, например, окорока и запеканок. Кроме второго поколения, также информанты первого поколения предпочитают *финские* традиции готовить запеканки. Тем не менее, обычно в нарративах первого поколения фигурируют наиболее смешанные традиции, к примеру, касательно мясных и рыбных блюд. В свою очередь, в плане разновидностей салатов, чаще всего, именно *русские* салаты стали *своими* как для респондентов второго, так и первого поколения. Помимо этого, респонденты второго поколения усвоили кроме *русских* салатов, также *финский* *rosolli*. Следовательно, транскультурность видна в рассказах второго поколения в отношении выбора салатов. Тем не менее, ситуация оказалась иной в рассказах первого поколения.

6.1.2.2. Десерты и напиток глинтвейн

Темами данного параграфа являются традиции, связанные с пряными печеньями *pirarkakku*, пирожными *joulutorttu* и напитком глинтвейн *'glögi'*. В данной части анализа, особенно в рассказах второго поколения, *финские* рождественские печенье, пирожные-звёздочки и напиток *glögi* играют значимую роль. Тем не менее, первое поколение не усвоило этих традиций, и, присутствие данных атрибутов варьируется в значительной степени в зависимости от ситуации. В соответствие с этим, в общем рассказе представителей обоих поколений обычаи оказались транскультурными. Исходя из данной информации, рассказы представителей обоих поколений могут показаться разными – один базовый рассказ может оказаться наиболее *финским*, а другой смешанным. В итоге проявляется разнообразие способов празднования. Сначала будут проанализированы два из первых, перечисленных нами видов десерта, после чего мы перейдём к рассмотрению рождественского напитка.

В *финское* рождественское время существует традиция печь *pirarkakku* и пирожные-звёздочки *joulutorttu*. Данные атрибуты можно назвать святыми, обязательными и *своими* символами рождественского времени для наших русско-финских респондентов второго поколения, потому как *pirarkakku* присутствуют в большинстве из рассказов (Мюллюоя 2015: все кроме P1 и P5) (см. раздел 1.3.). Подобным образом, *joulutorttu* тоже присутствуют довольно часто (Мюллюоя 2015: P7, P9, P11, P13, P15, [P1, P17]). В свою очередь, в рассказах первого поколения доминирует присутствие пряных печений, но, общая картина является более смешанной, и, атрибуты менее значимыми, поскольку печенье присутствует на Рождество *всегда* в четырех из девяти семей, но *иногда* еще в трех (там же: P4, P12, P14, P18 [P2, P6, P10]), а *joulutorttu* присутствуют обязательно в трех рассказах, но еще в трех лишь *иногда* (там же: P12, P14, P16 [P2, P10, P18]). Поэтому, сравнивая ситуацию с рассказами второго поколения, можно заметить, что в ключевом нарративе первого поколения эти атрибуты варьируются в зависимости от ситуации и своего собственного желания, а также по важности. Отсюда вытекает, что данные традиции являются довольно смешанными в общем метанарративе обоих поколений. (Мюллюоя 2015: Рождество.) (см. разделы 1.3., 2.1., 2.2., 2.3.)

Относительно данной выпечки нами было установлено, что *финская* традиция печь *pirarkakku* была усвоена пятью семьями (Мюллюоя 2015: пары 2, 5, 6, 7, и 9). Более того, *joulutorttu* тоже входят в атрибуты семей, рассматриваемых в данной работе. В частности такова ситуация *обычно* в четырёх семьях, и *иногда* еще в двух (там же: пары 5, 6, 7 и 8 [1 и 9]). Поэтому можно сделать вывод о том, что, во многом, семьи приспособились к традициям национальной культуры, связанным с рождественской выпечкой. Еще необходимо отметить, что этими *финскими* десертами занимаются часто сами женщины-информанты со своими

детьми или родственниками, либо действующих лиц не отмечают вообще (Мюллюоя 2015: Рождество).

Глинтвейн также входит в атрибуты рождественского времени, и, о нем рассказали восемь из интервьюируемых нами респондентов второго поколения (Мюллюоя 2015: все кроме P3). Всё же, ситуация является более многообразной в рассказах первого поколения, так как в них лишь в четырех случаях (там же: P2, P10, P14, P18) этот напиток пьется в рождественское время *всегда*, но еще в одном случае напиток употребляется «обычно зимой» (там же: P16). Исходя из этой информации, данный напиток является святым и *своим* атрибутом для второго поколения, в то время как в памяти первого поколения данный элемент показывается наиболее смешанным. В итоге, в общей памяти данных поколений этот рождественский напиток показывается наиболее *финским*, но, в месте с этим, также довольно смешанным. (см. разделы 1.1., 1.3., 2.2.)

В некоторых из случаев традиция рождественского напитка была усвоена вторым поколением, вероятно, от своих родителей. Некоторые также, возможно, переняли ее прямо из окружающей среды, из мифов *финскости*. В свою очередь, первое поколение могло перенять данный элемент как от своих детей, так и из национальной культуры Финляндии и, в процессе, переделать его в более подходящую для себя, транскультурную форму. Нами было установлено, что в пяти семьях данный напиток присутствует, и его можно считать принятым из *финских* привычек в *свои* (Мюллюоя 2015: пары 1, 5, 7, 8 и 9). Более того, относительно нагревания напитка обоими поколениями было рассказано трижды, что этим занимаются женщины. Вдобавок, поскольку именно женщины рассказывают о данных традициях, они и являются лицами, передающими данный обычай через свою речь, например, нам. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Исходя из информации данного раздела, главными результатами можно считать, во-первых, что в общей памяти обоих поколений данные обычаи смешались. Во-вторых, чаще всего, в этих смешанных воспоминаниях доминируют наиболее *финские* привычки. В-третьих, вторым поколением были приняты все данные атрибуты, как *свои*, и, поэтому, можно сказать, что в их памяти доминируют *финские* традиции. Иными словами, респонденты второго поколения аккультурировались к *финским* условиям больше. В-четвёртых, в противоположность ритуалам второго поколения, соответствующие обычаи не стали настолько *своими* для первого поколения.

6.1.2.3. Рисовая каша и другие элементы застолья

Кроме главных блюд, традиций выпечки и напитка *glögi* в *финские* рождественские обычаи входит также рисовая каша. В данном разделе мы сначала представим атрибут рождественской каши, после чего речь будет идти о других традициях, потому что они, тоже, были затронуты нашими респондентами в своих нарративах, несмотря на то, что показались наиболее индивидуальными по сравнению с кашей.

В *финское* Рождество входит приготовление рисовой каши – обычно с киселем из слив и/или миндалем. В нашем материале о нем речь идет в четырех из девяти рассказов второго поколения, а еще двое рассказали, что данный атрибут присутствует у них *иногда*. Более подробно, двое из этих шести информантов отметили, что в их семье родители традиционно не делали кашу, но они сами хотят воплотить такую традицию, и один из респондентов уже так сделал. (Мюллюоя 2015: Рождество.) В то же время, респонденты первого поколения рассказывают о традиции, связанной с рисовой кашей в четырех случаях. Следует отметить, что поскольку примерно половина из наших респондентов готовит рисовую кашу на Рождество, она является транскультурным элементом Рождества как в памяти отдельных поколений, так и в их общей коллективной памяти (см. раздел 2.2.). В некоторых случаях время приготовления каши варьируется и этот факт тоже усложняет восприятие данного элемента праздника однозначно. Отсюда вытекает, что данный атрибут не стал *своим* и особо важным в коллективной памяти ни одного из рассматриваемых поколений, несмотря на то, что, прежде всего, его принимали именно информанты второго поколения. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Из нашего материала видно и то, что, вероятно, в двух случаях первого поколения данная традиция перешла через воспитание к их же детям, так как в рассказах обоих поколений обнаружены явные сходства. Всё же, традиция была усвоена сначала первым поколением из окружающего его, более *финского* общества. Несмотря на это, возможна также иная ситуация, в которой сначала традиции перешли из окружающей среды представителям второго поколения, после чего они были приняты их же родителями. Между тем, в трех случаях традиция, связанная с кашей, была принята вторым поколением из национальной культуры, в то время как родители не усвоили подобные обычаи. Помимо этого, один информант первого поколения усвоил данный элемент из окружающей среды, а его ребенок нет. Заметно и то, что в большинстве случаев (=в трех случаях) из поколения в поколение перешло восприятие данной традиции, как *чуждой*, и, поэтому, тоже можно понять, что атрибут не доминирует в кругу наших респондентов. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Впрочем, в общий метанарратив входит традиция рисовой каши на Рождество, но она является довольно минимальной и смешанной – вовсе не чисто *финской* и однообразной (см. разделы 1.3. и 2.2.). В заключение отметим, что

приготовлением каши занимаются как сами информанты, так и их близкие, в том числе и мужчины. Всё же, голос женщин сильнее. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

В свою очередь, также другие элементы рождественских десертов и напитков являются более смешанными, но, в противоположность традиции каши, наиболее индивидуальными по качеству. Такими элементами оказались торты (например, торт «Наполеон») употребление алкоголя и питьё чая. В одном случае традиция подавать торт к рождественскому столу перешла, возможно, от родителей детям и, такими же оказались обстоятельства в одном случае в наследовании привычек употребления алкогольных напитков. В данной части нами было замечено изменение статусов во время данного праздника: в других элементах застолья была найдена тема тортов, которая ассоциируется с детством. Она показывает, что поскольку дети хотят получить торт на данный праздник, и, их желание исполняют родители, то желания детей (и дети) оказываются наиболее важными и становятся выше по статусу, чем удовлетворяющие их нужды родители. К тому же, при употреблении алкоголя в данный день взрослые становятся менее ответственными, а также и менее зрелыми по сравнению с их повседневным статусом, и таким образом, они снижаются по статусу, а их дети становятся более ответственными. (см. раздел 1.2..) (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Таким образом, можно сделать вывод, что существует очень много разных способов отмечать и символизировать *финский* рождественский праздник и, связанные с ним традиции застолья, десертов и напитков. Такие атрибуты могут быть, кроме *финских* также и типичными для *русского* стиля празднования, примером чего служит торт «Наполеон» с чаем. Однако, согласно Тииттула и многим другим (см. раздел 2.2.), традиции не являются изначально монокультурными, в том числе вышеперечисленные нами атрибуты. Они не являются ни чисто *финскими*, ни чисто *русскими*. Следовательно, рождественские символы, связанные с застольем, десертами и напитками являются транскультурными в данном исследовании. Само собой, ситуация, связанная с отдельными поколениями, их членами, а также их коллективной памятью, варьируется в зависимости, например, от атрибута. (см. раздел 2.2..)

В данной части нами были установлены следующие результаты: 1) во-первых, общая коллективная память обоих поколений оказалась транскультурной, включая все привычки рассмотренные в данной части работы, 2) во-вторых, традицию, связанную с кашей, усваивали, прежде всего, респонденты второго поколения, 3) в-третьих, респонденты первого поколения не приняли кашу, как *свою* традицию и 4) в-четвёртых, в большинстве из случаев семьи не заимствовали обычай варить кашу на Рождество.

Следует отметить, что действующие лица и люди, которые присутствуют в воспоминаниях о еде, являются, в частности, женщинами. Таким образом видно, насколько элементы празднования ритуализируются и поддерживаются, но и трансформируются

женщинами в коллективной памяти. Более того, женщины делятся ритуалами и распространяют их, воплощая их же из мифов. Застолье и его действующие лица оказались главными, а значит и наиболее священными темами Рождества в нашем материале. Конечные выводы о них будут установлены ниже, в части о кратких результатах, связанных с Рождеством.

6.1.2.4. Одежда

Помимо еды в настоящем метанарративе фигурируют обычаи одеваться на этот праздник особым образом. Обычно люди не должны задумываться над одеждой в данный день, так как Рождество в Финляндии считается спокойным и домашним праздником. Отклонения от этой тенденции свидетельствует о *русской* или смешанной культуре одеваться. В данном метанарративе как второго, так и первого поколения стиль наряжаться является транскультурным. Поэтому, также их общая память заключается в транскультурности. В данной части работы мы также нашли характеристику, свойственную лиминальному пространству.

Приблизительно *финский* рождественский стиль одежды описывают четыре-пять из девяти наших респондентов второго поколения (Мюллюоя 2015: P5, P11, P13, P15, P17). Однако, некоторые из них говорят, что одеваются чуть лучше, чем обычно (Мюллюоя 2015: P5, P11). Сверх того, некоторые, если знают, что на Рождество будут фотографировать, то одеваются тоже приличнее, чем обычно (там же: P13). В свою очередь, некоторые одеваются специально каким-либо образом (например, праздничным) или просто получше для праздника (там же: P13, P9): «Дочка любит одеваться: платье всегда, бантики и может туфли, колготки.» (там же: P13). К нашему удивлению женщины одной семьи приводят себя специально в порядок и стараются выглядеть очень красиво в этот день (там же: P3). Исходя из этого, в большинстве из рассказов второго поколения доминирует менее домашний стиль одеваться, и коллективная память данных респондентов является смешанной.

В ситуации первого поколения, подробно и довольно много об одежде рассказывают в четырех из семи случаев. К тому же, в этих же описаниях идет речь о более нарядном стиле одеваться. Только двое из данных респондентов рассказывают о том, что одежда на этот день более-менее обычная, но в одном из этих же случаев надевают «что-то веселенькое, нарядненькое». (Мюллюоя 2015: P2, P4, P14, P18.) В дополнение к этому, в двух случаях речь идет о традиции надевать «шапочку гномика» – в одном *tonttulakit* надеваются всеми, а в другом, возможно, только детьми (там же: P14, P12). В результате, также в данной коллективной памяти был обнаружен смешанный стиль, склонённый в сторону наиболее

русских привычек, приводить себя в порядок в этот день. Нами также было установлено, что в случае первого поколения об одежде не было рассказано так много, как мы ожидали. Это свидетельствует, возможно, о том, что 1) одежда, относительно именно Рождества, не является значимым символом для респондентов или 2) одежда не является важной темой обычно в связи с *финскими* праздниками, и, в этих случаях, все-таки, в данных обстоятельствах, о нем было рассказано сравнительно много.

Возможную связь, предполагающую наследование данных вещей, между традициями одеваться в различных поколениях, можно было найти в двух случаях (Мюллюоя 2015: P4, P14). В них респондент второго поколения не одевается в обычную, домашнюю одежду, а, наоборот, следит больше за своей внешностью, где видно влияние этнической культуры родителей (=русской). В отличие от этого, в двух случаях получилось так, что дети усвоили наиболее национальный способ одеваться, а взрослые этнический (Мюллюоя 2015: Рождество). Кроме этого, в одном случае ребенок усвоил *финский* обычай одеваться, а родитель не рассказывает о данной теме. К тому же, в двух случаях на ребенка повлияли как национальная, так и, возможно, этническая (со стороны родителей) культуры, в результате чего, стиль стал наиболее смешанным. (там же.) Это свидетельствует о двойственной идентификации данных личностей (см. раздел 2.1.). В первом из этих случаев родитель усвоил наиболее *финскую* привычку, а во втором не рассказал о теме вообще. Нами была также обнаружена ситуация, в которой ребенок усвоил наиболее этнические, *русские* традиции. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Тем не менее, как национальная, так и этническая культура могут быть настолько смешанными, что невозможно сказать какими именно они являются и от какой из них тот или иной обычай мог быть усвоен (см. раздел 2.2.). В дополнении к этому, люди выбирают себе лишь более подходящие элементы празднования из той или иной, (смешанной) культуры, создавая гибридный культурный вариант, из чего следует, что и общая память коллектива становится наиболее транскультурной. (см. разделы 1.3. и 2.2..)

Таким образом можно сделать вывод, что нет только одного варианта приводить себя в порядок на Рождество. Многое зависит от ситуации – от собственного настроения, и, времени, и так далее. Несмотря на это, большинство из данных семей надевают в этот день одежду более нарядную. На наш взгляд это сигнализирует о том, что несмотря на то, что люди осознают, как принято одеваться на *финское* Рождество в Финляндии, у них есть и свой, более *русский* взгляд, которому они следуют, поскольку меньшинство из них садится за стол в простой, домашней одежде. Более того, мы услышали о более *русском* стиле наряжаться по-праздничному в этот день. Между тем, использование *финских* *tonttulakit* оказалось редкостью. Подводя итоги, можно сказать, что этот элемент Рождества включает в себя многообразные, священные традиции наряжаться, являющиеся транскультурными по качеству. Несмотря на это, большая

часть информантов придерживается *русских* традиций, включая в себя не только респондентов первого, но и второго поколений. Поэтому, как нам кажется, большая часть не аккультурировалась в общество Финляндии, а наоборот, придерживается наиболее этнических традиций одеваться в данный день.

Более того, относительно данной теме, было видно, как общество и его члены являются анонимными и однозначными (то есть именно обществом, а не отдельными людьми), одеваясь одинаковым образом по правилам лиминального пространства о ежегодных праздниках, о чем шла речь в теории Виктора Тэрнера (Мюллюоя 2015: Рождество) (см. раздел 1.2.). К примеру, как дети, так и взрослые могут надеть рождественские колпачки и оказаться однородной массой (Мюллюоя 2015: Рождество). Также дети могут одеться в более взрослую одежду, оказываясь со взрослыми «на одном уровне» и обезличенной массой. В данных условиях символом анонимности и однозначности является одинаковая одежда всех членов лиминальной группы (см. раздел 1.2.). Помимо этого, возможно обнаружить и обмен статусами в том случае, если дети одеваются наиболее взросло, а взрослые по-детски (Мюллюоя 2015: Рождество). Впрочем, таким образом видно, что общество действует по правилам лиминального пространства, согласно теории Виктора Тэрнера. (см. раздел 1.2..)

В свою очередь, нами не было определено какой пол был задействован в данной традиции, и, поэтому, с нашей точки зрения, им является 1) касательно *tonttulakki* как дети, так и взрослые, 2) в других случаях обычно просто безличное общество. Таким образом можно заметить, что в этой части праздника святым является кроме традиций одеваться, также равноправное общество, одевающееся по правилам лиминального пространства (см. раздел 1.2.).

6.1.2.5. Joulupukki и подарки на Рождество

В рассказ о празднике Рождества входит помимо рождественского стола и одежды *финский* Дед Мороз в том случае, 1) если в семье есть дети, 2) если респонденты из второго поколения рассказывают о своем детстве или 3) если рассказывается о детстве своих детей (в рассказах первого поколения). Здесь мы используем название «Дед Мороз» синонимом *финскому* слову *joulupukki*. К тому же, мы воспринимаем Рождество на основании теории Виктора Тэрнера, как лиминальное пространство, в котором проявляется замена статусов в виде превращения взрослого в сказочную фигуру Деда Мороза. Одновременно мы смотрим на взрослых, как на людей, находящихся под влиянием желаний своих детей, в связи с подарками и появлением Деда Мороза (см. раздел 1.2.).

В *финскую* традицию фигура *joulupukki* вошла разными путями. С одной стороны, традиция является более универсальной и происходит от существования святого Николая (около 270 года). С другой стороны, она происходит от более *финской* традиции *nuuttipukki*, который ходил по домам после рождественского времени и собирал остатки еды 13 января (до 1708-ого года 7 января). На внешность и цвет одежды *nuuttipukki* оказал постепенно влияние *американский* Санта-Клаус. В данном материале доминирует более *финский* *joulupukki* в рассказах респондентов второго поколения, и, более транскультурный, в памяти первого поколения. Общая картина заключается в транскультурности данного персонажа.

С одной стороны, в большинстве из случаев на Рождество к респондентам второго поколения приходил или приходит *joulupukki* (Мюллюоя 2015: P1, P3, P7, P9, P11, P13). С другой стороны, Дед Мороз никогда не приходил к одному из наших информантов. Более того, этот же информант считал раньше, что: «финский Санта Клаус и Дед Мороз – одно и то же». (Мюллюоя 2015: P5.) Как заметно, таким образом смешиваются даже названия, используемые в различных культурах при обозначении разных вариантов *joulupukki*.

Кроме этого, к одному из респондентов приходил, либо *финский*, либо *русский* Дед Мороз. Иными словами, вместо одного Деда Мороза их было двое, несмотря на то, что чаще Дед Мороз приходил на Новый год, а не на Рождество (там же: P17). К тому же, нам было рассказано, что при отдельных детских рождественско-новогодних праздниках, возможно было встретить и *русского* Деда Мороза – а иногда, кроме него и другого:

У дочери отдельные русские рождественские или новогодние праздники [...] и туда приходит обычно или Дед Мороз в синем со Снегурочкой, русский, или может даже, что там в одно и то же время и *joulupukki* был. Там и для финских и для русских детей – у каждого свой, кто подарки приносит. (Мюллюоя 2015: P13.)

Несмотря на эти более уникальные ситуации, например, с двумя Дедами Морозами, как было отмечено, в основном в рассказах наших респондентов фигурирует *финский* Дед Мороз, приходящий в гости именно 24 декабря. Таким образом можно сказать, что респонденты второго поколения приняли традицию *joulupukki* в *свою* и, поэтому, адаптировались к наиболее *финским* привычкам.

В отличие от этого, ситуация первого поколения является следующей: четверо из девяти вспоминает о *финском* *joulupukki* (Мюллюоя 2015: P10, P12, P14, P18), и двое из тех же отмечает присутствие или отсутствие новогоднего варианта этого персонажа. Кроме того, один респондент рассказал лишь о присутствии в прошлом Деда Мороза на Новый год, а еще один хотел подчеркнуть, что *joulupukki* никогда не приходил на Рождество (Мюллюоя 2015: P6, P16). Важность настоящего персонажа (его *финского* варианта) подчеркивается в виде многократных повторений и довольно подробных и длинных рассказах в двух из шести

случаев, представленных нами выше (Мюллюоя 2015: P10, P14). В результате, в коллективной памяти наших респондентов первого поколения как в прошлом, так и сейчас традиция *joulurukki* смешалась. Таким образом, можно увидеть транскультурность данного элемента (см. раздел 2.2.). Всё же, мы заметили и то, что в данном базовом рассказе речь о финском Деде Морозе идет редко, что можно воспринять, как сигнал 1) равнодушия к нему, 2) неактуальности данного элемента и/или 3) неусвоения его во времени. Возможно, что, поскольку чаще и дольше в жизни у них фигурировал *русский* Дед Мороз, на *финский* вариант было сложнее перейти. Исходя из этого, нам сложно сказать, какая именно традиция предпочитается первым поколением.

Нами было установлено, что в общем метанарративе данных двух поколений видно, что несмотря на то, что настоящий элемент является транскультурным, в речи, всё-таки, доминирует *финский* Дед Мороз. В большинстве из случаев (в четырех) нам показалось, что респонденты второго поколения переняли данный персонаж из привычек национальной культуры Финляндии (Мюллюоя 2015: Рождество). Всё же, в одном дополнительном случае, вероятно, ребенок принял традицию от своих родителей (и нац. культуры), а родители от национальной культуры (там же: пара 5). В отличие от этого, в двух случаях была заметна связь новогоднего Деда Мороза сначала с этнической культуры первого поколения, после чего элемент был передан второму поколению через воспитание (там же: пары 3 и 8). В дополнение к этому, в одном случае взрослый ребенок превратил данный элемент в своих традициях в наиболее смешанный, соединяя культуры национальной и этнической сред, в то время как его родитель воспринял *joulurukki* через национальную, *финскую* культуру. К тому же, в одном случае ситуация является противоположной. К нашему удивлению еще один респондент второго поколения рассказал только о наиболее *русском* Деде Морозе, свидетельствующим об усвоении данного персонажа от своего родителя и/или этнической культуры в то время, как его родитель смешал традиции этнической и национальной культур и имеет наиболее смешанный персонаж в своей памяти. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

На основе сказанного, в рассказах второго поколения во время *финского* Рождества доминирует *финский* *joulurukki* и, поэтому, можно сказать, что они аккультурировались к *финскому* варианту Деда Мороза. В свою очередь, в рассказах первого поколения память смешалась настолько, что является невозможной задачей определить точно усвоение традиций данных фигур. Помимо этого, в данной, общей коллективной памяти двух поколений доминирует наиболее *финский* Дед Мороз, хотя, в общем, традиции являются транскультурными. Из этого следует, что, чаще всего, люди данной группы аккультурировались именно к *финскому* *joulurukki*. К сожалению, мы не можем выяснить общую картину, связанную с обоими Дедами Морозами, и, по этой причине, сейчас

невозможно выявить все факты, связанные с данными персонажами в памяти данных поколений. Для этого было бы необходимо проанализировать также картину с новогодним Дедом Морозом. Тем не менее, бесспорно, этот рождественский элемент является в повестях наших респондентов маскулинным, поскольку Дедом Морозом представляется всегда мужчина.

В связи с Дедом Морозом нам необходимо проанализировать также ситуацию с подарками. Традиция дарить подарки своим родным и близким является универсальным явлением, как и радость от получения подарков, а также их раздачи. В Финляндию обычаи дарить подарки в Рождество пришли, вероятно, из Швеции в конце XVIII века. По *финской* традиции подарки делаются гномами в Корватунтури и раздаются Дедом Морозом при встрече с ним на Рождество, или кладутся под ёлку. *Финским* данный обычай можно считать, если он реализуется именно на *финское* Рождество. Более смешанной традицией мы считаем, к примеру, вспоминание о двух (или более) моментах раздачи подарков касательно воспоминаний о *финском* Рождестве. Подарки могут также раздаваться различным образом на *rikkijoulut*, что мы считаем более *финской* традицией, несмотря на то, что в России уже тоже существует традиция корпоративных вечеринок в новогодний период. *Финскость*, в данном случае, мы обосновываем тем, что если респонденты вспоминают о *rikkijoulut* и подарках в контексте *финского* Рождества, они ассоциируют их именно с *финским* рождественским временем и его обычаями. В данных коллективных сюжетах присутствуют различные традиции, связанные с подарками, и, поэтому, коллективная память является транскультурной во всех случаях, но, несмотря на это, в ней всегда доминируют наиболее *финские* традиции.

Все наши респонденты второго поколения рассказали нам о подарках, и, у большинства из них, была подчеркнута важность присутствия данного элемента словом *всегда* или даже описана прилагательным *святое* (Мюллюоя 2015: P1, P7, P11, P13, P17). В шести из рассказов наших респондентов второго поколения предпочитается более *финский* стиль дарить подарки (там же: P1, P3, P5, P9, P11, P13), а в трех заметны наиболее смешанные варианты (там же: P7, P15, P17). К примеру, один из наших респондентов рассказал о разных традициях обмениваться подарками в Рождество, свидетельствующих об особой важности этой традиции, а также о транскультурности и уникальности связанной с этим явлением:

Ой, у нас какие только не были стратегии дарить подарки. [...] Один раз делали так [---] там «Санта тайна» придумали – это когда пишешь на листочек имена всех, кладёшь это всё в вазочку и вытягиваешь, даришь только одному человеку, только тому, кого случайно вытянул. Это всё заранее. И ищешь подарок личный этому человеку. (там же: P7.)

В отличие от этого, в ситуации, когда Дед Мороз не приходил на Рождество, очевидно, что подарки не обязательно являются настолько важными, что описывается в следующей цитате:

Для меня он очень маленькую значимость имеет. Вообще, минимальную, можно сказать. Я не прошу никакие подарки. Ну мне конечно что-то дарят, но ничего такого особенного я не прошу. (Мюллюоя 2015: P5.)

При этом, можно заметить, что несмотря на то, что подарки для себя не являются значимыми, их можно всегда ожидать, поскольку этому же респонденту они «конечно» дарятся (там же). Таким образом, данную традицию можно считать в рассказе пятого информанта противоречивой, но, всё-таки, соблюдаемой его семьёй. Такое отношение к подаркам является более уникальным в нашем материале. Кроме этих примеров, тема подарков была поднята в связи с *rikkijoulut* тремя респондентами второго поколения (там же: P1, P11, P13). Резюмируя сказанное, в данной коллективной памяти доминирует *финский* стиль раздавать подарки.

Среди респондентов первого поколения, о подарках было рассказано в восьми случаях, в шести из которых идет речь о сегодняшней ситуации и касательно более *финского* стиля дарить подарки (Мюллюоя 2015: P2, P4, P6, P8, P10, P14). В четырех говорится также о прошлом и более-менее смешанным образом дарить подарки, например, на Рождество и на Новый год (там же: P6, P10, P12, P18). Очень много и подробно о подарках было отмечено в трех случаях (там же: P8, P10, P18), и в этих случаях акцентируется время *финского* Рождества, но, всё же, при этом, в некоторых случаях стиль дарить подарки является многообразным и меняющимся во времени. Кроме этих примеров, тема подарка была затронута в контексте *rikkijoulut* тремя респондентами первого поколения (там же: P12, P14, P18). Из этого следует, что в памяти данного поколения традиции дарить подарки являются довольно транскультурными, несмотря на то, что в них доминирует *финский* стиль. Следовательно, одинаковыми оказались обстоятельства при общей коллективной памяти настоящих двух поколений.

В данной части работы мы выяснили очень интересные результаты, так как нами была обнаружена связь между поколениями довольно часто: в большинстве из случаев (в пяти парах) традиции дарить подарки оказались одинаковыми, и, поэтому, можно сделать вывод о том, что первоначально они были приняты из национальной культуры окружения деятелями тех или иных поколений (Мюллюоя 2015: Рождество). В данных случаях, после адаптации данного обычая из окружающей среды, либо родители приняли традиции от своих детей, либо наоборот. Конечно, может быть, что традиции были переняты также одновременно от своих родителей или детей (в зависимости от ситуации) и из окружающей среды. В одной из пар традиции оказались в рассказах обоих респондентов смешанными. В данном случае влияния были приняты как от национальной, так и от этнической культуры. Кроме этого, в одной семье

родитель уже принял (от нац. культуры и/или своих детей) наиболее *финские* обычаи дарить подарки в то время, как ребенок смешал более уникально традиции, входящие не только в *русские* (этно.) или *финские* (нац.) обычаи. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Данные элементы были, вероятно, приняты через заграничные связи данного субъекта, и данная тема была затронута в нашей теории (см. раздел 2.2.). Более того, один респондент первого поколения смешал как национальные, так и этнические традиции, когда его ребенок уже интегрировал в более *финские* обычаи (Мюллюоя 2015: Рождество). Нам необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что были найдены возможные наиболее прямые связи передачи различных традиций, они могли оказаться косвенными в отношении любой из данных тем.

Действующим лицом этой части оказалось целое общество празднующих, вместо мужского или женского пола/полов. Кроме этого, снова заметно, насколько важным является детство и дети, потому что взрослые оказываются исполняющими желания детей, являясь таким образом под их влиянием. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Данная тема замены статусов была выдвинута в теории Виктора Тэрнера (см. раздел 1.2.).

В конце концов, более *финский* образ дарить подарки на Рождество был принят большинством из наших респондентов. Более того, удивительным для нас оказалось то, что в данный момент респонденты первого поколения уже переняли наиболее *финский* стиль передачи подарков. (Мюллюоя 2015: Рождество.) Излагая кратко, можно сделать вывод о том, что большинство из информантов того и иного поколения аккультурировались к *финским* обычаям относительно подарков. Точнее, как нами было установлено, целых пять семей заимствовали подобные обычаи. Но, согласно нашей теоретической части, даже *финские* традиции не являются изначально *финскими*, и, поэтому, можно сказать, что обычаи обоих поколений являются в любом случае транскультурными (см. раздел 2.2.). Поэтому возможно, наши наблюдения свидетельствуют также о том, что традиции являются живыми и меняющимися в зависимости от человека и его жизненной ситуации, времени и общества/обществ, о чем тоже шла речь в нашей теоретической части (см. раздел 2.2.).

В общем, традиции, связанные с фигурой *joulupukki* и подарками, оказались транскультурными. Однако, в них доминируют наиболее *финское* восприятие данных элементов. Более подробно, прежде всего, подарки раздавались соответственно *финским* привычкам как в рассказах респондентов второго, так и первого поколений. Поэтому, в этой части обоими поколениями были приняты наиболее *финские* привычки. В свою очередь, в связи с *joulupukki*, наиболее *финским* его воспринимают информанты второго поколения. В рассказах первого поколения, в свою очередь, было сложно определить, какому именно персонажу есть место в их памяти. Поэтому, необходимо было бы проанализировать также

ситуацию, связанную с *русским* Дедом Морозом, на что у нас не оказалось достаточно времени.

6.1.2.6. Sauna

В *финские* традиции входит рождественская sauna, и данная тема была отображена нашими респондентами обоих поколений. С одной стороны, в рассказах второго поколения время осуществления этой традиции варьируется. Тем не менее, обычно респонденты идут в сауну на Рождество. (Мюллюоя 2015: P3, P5, P9, P11, P13, P17.) Нами была обнаружена также своя традиция покупать веники и эфирные масла в рождественскую баню (там же: P9). С другой стороны, не все ходят в сауну, и ее нельзя считать особо важным ритуалом для всех (там же: P1, P7, P15). Из этих данных можно сделать вывод о том, что второе поколения приняло традицию *финской* сауны в круг *своих* традиций, объединяющих членов данного коллектива (см. раздел 1.3.). Следует отметить также, что в этой части Рождества, вновь, видна активность мужчин, поскольку о топении бани мужчинами рассказывают данные респонденты в половине из случаев (Мюллюоя 2015: P3, P5, P9).

О бане рассказывают пятеро информантов первого поколения, и вся информация о данном атрибуте является в их рассказах крайне минимальной (там же: P2, P4, P10, P14, P18). К тому же, в большинстве из случаев время когда имеет место данный элемент, варьируется, подобно ситуации информантов второго поколения (там же). В итоге, кроме второго также первое поколение приняло традицию рождественской сауны в репертуар *своих* обычаев (см. раздел 1.3.). Сверх того, обычай сауны показывается довольно транскультурным в общем метанарративе обоих поколений, так как помимо соблюдающих данную традицию, почти половина не практикует его в настоящем сообществе (см. разделы 1.3. и 2.2.).

Необходимо отметить, что в двух случаях в рассказах первого поколения баня топится самим информантом (женский пол), в одном случае рассказывается о том, что в баню идут в этот день, а в остальных двух случаях представитель мужского пола топит баню (Мюллюоя 2015: P2, P4, P10, P14, P18). Таким образом примерно в половине случаев активным полом является мужской, несмотря на то, что об активности женщин идет речь тоже довольно часто.

В большинстве из случаев можно было обнаружить связь в форме сходных рассказов обоих поколений, свидетельствующих о возможном усвоении традиции детьми, либо прямо от национальной культуры страны проживания, либо от своих родителей, которые, сначала, усвоили её от национальной культуры (там же: 4 пары). Очевидно, что родители усвоили традицию, либо от национальной культуры, либо от своих детей, перенявших ее сначала от окружающей среды. В отличие от этого, в двух парах было принято не соблюдать данный

обычай, и, поэтому, прямая связь в этом была тоже найдена. Более того, в двух случаях респонденты второго поколения приняли данный атрибут от национальной культуры, несмотря на то, что их родители не усвоили ее. Еще в одном случае ситуация оказалась противоположной. (Мюллюоя 2015: все информанты.) Исходя из этого, четыре семьи аккультурировались к традиции сауны, а две нет. Более того, в частности, именно респонденты второго поколения предпочитали идти в сауну. Другими словами, они приняли данный обычай в *свои* традиции. В противоположность этому, информанты первого поколения придерживаются довольно часто своей этнической традиции не идти в сауну.

В итоге, в обоих поколениях данный обычай является удивительно многообразной традицией, варьирующейся в какой-то степени как по значению, так и по времени занятия ею. К тому же, настоящий обычай был принят как в коллективную память поколений отдельности, так и в общую коллективную память обоих поколений. В отдельных метанарративах обоих поколений традиции смешались. Однако, в обоих доминируют *финские* воспоминания (см. разделы 1.3. и 2.2.). Всё же данная традиция не оказалась особо важной в коллективной памяти первого поколения, поскольку ее не подчеркивали и о ней не рассказывали особо подробно. Несмотря на это, в рассказах информантов второго поколения ситуация оказалась иной.

6.1.2.7. Другие виды времяпрепровождения на Рождество

Предположительно, что такие виды времяпрепровождения, как слушание и пение рождественских песен или игры и танцы, например, вокруг ёлки, входят в *финское* Рождество и рождественское время, особенно в семьях с детьми. Но в этих случаях возможно соблюдение и *русских* привычек. К тому же, данные виды времяпрепровождения могут присутствовать, к примеру, на *rikkujoulut*, хотя данная тема не будет проанализирована нами, по выше приведенным причинам. В настоящем разделе аналитической части мы сосредоточимся на других видах времяпрепровождения, связанных с Рождеством и, в целом, с рождественским временем. Тем самым нам станет ясно, насколько сильно проявляются *русские*, *финские* и/или транскультурные обычаи в памяти наших информантов. Кроме нами уже вышеперечисленных тем, далее будет идти речь также о традиции смотреть рождественские телепередачи и ходить на кладбище.

На наш взгляд, через воплощение различных обычаев, связанных с музыкой и другими способами рождественского времяпрепровождения, члены общества оказываются на одном уровне друг с другом, и, так они являются однозначными, анонимными и равноправными, о чем было рассказано в теории Виктора Тэрнера. Иначе говоря, люди, находящиеся в

лиминальном пространстве, теряют свои социальные качества, определяющие их место в обществе. (см. раздел 1.2..) В добавление к этому, занимаясь определенной ритуальной деятельностью, люди показывают, в какую группу они входят, а также что является для них важным. Одновременно в этих действиях выражается коллективная память данного сообщества. (см. раздел 1.3..)

Песни, и вообще музыка, являются довольно важными элементами в создании рождественского настроения (по крайней мере по сравнению с другими действиями, о которых идет речь в данном разделе), потому что о них идёт речь в шести из девяти случаев в рассказах обоих поколений (Мюллюоя 2015: P3, P5, P7, P9, P11, P13; P2, P4, P8, P10, P14, P18). Всё же на игры и танцы не остаётся слишком много времени, так как люди хотят больше общаться друг с другом, о чём рассказал, например, наш седьмой респондент (там же: P7). Мы предполагаем, что такова ситуация также у многих других нами исследуемых респондентов, поскольку о различных развлечениях идет речь редко и мало, а об общении с другими рассказывается довольно много и часто (там же: Рождество). Нами была обнаружена только одна (личная) традиция играть на Рождество в «Тривиал Персьют» респондентом второго поколения (там же: P17). Помимо этого, в одном из нарративов респондента первого поколения речь шла о том, что на Рождество дети играют своими новыми игрушками. По словам другого информанта, в этот день все идут кататься с детьми с горки. (Мюллюоя 2015: P8, P14.)

Соединив темы, упомянутые индивидами того или иного поколения и связанные с музыкой на каком-либо языке и в какой-либо форме, мы можем отметить, что, в частности, как в коллективной памяти отдельных поколений, так и в общей памяти обоих поколений, традиции смешались (см. раздел. 2.2.). В связи с музыкой в этот день были найдены отдельные темы 1) исполнять песни для персонажа *joulurukki* на каком-либо языке или 2) петь новогодние песни, но и 3) петь песни на других языках, кроме *финского* и/или *русского*. Данные обычаи показались менее *русскими* в памяти обоих поколений, поскольку в большинстве из случаев респонденты не соблюдали их. В отличие от этого, традиции петь на *финском* языке, слушать финноязычную, рождественскую музыку или идти в церковь заниматься пением *финских*, рождественских песен оказались менее значимыми (менее *финскими*) в памяти обоих поколений. Это очевидно из того, что обычно о них не было рассказано. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Однако, присмотревшись к данным темам с точки зрения отдельных респондентов и их традиций, можно увидеть, что в большинстве из случаев во втором поколении обычаи смешались (4/6), а в первом респонденты переняли наиболее *финские* традиции в круг *своих* привычек (4/6). Детальнее: в двух случаях как информантом первого, так и второго поколения от национальной финской культуры была принята какая-либо наиболее *финская* традиция,

связанная с музыкой (Мюллюоя 2015: P2, P18; P5, P11). Еще в двух случаях респонденты первого поколения приняли такие обычаи в *свои* в то время, как в памяти их детей элементы смешались (там же: пары 2 и 5). В одной семье ситуация оказалась такой, что родитель придерживается наиболее этнических традиций в то время, как его взрослый ребенок соединил элементы из различных культур (там же: пара 4). Сверх того, очень интересными оказались обстоятельства в одной семье, респонденты которой соблюдают многообразные традиции, некоторые из которых были усвоены от национальной культуры Финляндии обоими респондентами одинаково, а другие, к примеру, соблюдаются респондентом первого поколения наиболее *финским* образом, а его ребенком наиболее *русским* (там же: пара 7).

Итак, нами не были найдены сходства между музыкальными привычками респондентов различных поколений. В основном, нами было выяснено лишь то, что одна семья не приняла привычек, связанных с *финскими*, рождественскими песнями. В отличие от этого, двое респондентов второго, и четверо первого поколений усвоили такие традиции. Важно подчеркнуть, что в данной части работы агентом оказывалась, чаще всего, женщина (Мюллюоя 2015: Рождество).

Обычаи, связанные с телепередачами в данный день, и вообще, в рождественский период, оказались в памяти второго поколения наиболее *финскими*, а в первом поколении *русскими*. Снова традиции смешались как в их общей коллективной памяти, так и в общем рассказе, поскольку, кроме респондентов, рассказавших нам о данной традиции во многих случаях также речь не шла об этом вовсе. (Мюллюоя 2015: Рождество.) В итоге, в данной, совместной коллективной памяти обоих поколений доминирует манера не смотреть рождественские передачи, сигнализирующая о неусвоенности *финских* привычек (там же).

В двух случаях была обнаружена связь между рассказами различных поколений и в них респонденты рассказали о *финских* традициях смотреть передачи (там же: пары 6 и 7). Таким образом, данные респонденты приняли наиболее *финские* традиции от национальной культуры Финляндии, но мы не знаем точно, кто из них усвоил обычаи первым. Несмотря на это, вероятно, ими оказались респонденты второго поколения, потому что им наиболее легко принять новые ритуалы, так как старые элементы не стали еще устойчивой частью их жизненного опыта. Их родители могли перенять данные традиции от своих детей и/или национальной культуры Финляндии. Однако, очевидно, что, чаще всего, (3/9 случаях) в семье отсутствовал национальный, *финский* обычай смотреть рождественские передачи в данный период, а еще в некоторых случаях, респонденты второго поколения переняли ритуалы от национальной культуры, в то время как информанты первого поколения нет. В рассказах, связанных с данной темой, ничего специально не говорилось о действующих лицах, но, всё же

можно предполагать, что данными действиями занимаются как женщины, рассказывающие об этом, так и все остальное сообщество, в целом. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

Традиция идти на кладбище не представляется *финской* в коллективной памяти как обоих поколений вместе, так и по отдельности, поскольку ей не следуют в большинстве случаев. Одновременно, этнически знакомая нам ситуация не ходить на кладбище в период Рождества перешла из первого поколения во второе в большинстве случаев. (там же.) Однако, эти последние две традиции не акцентируются в рассказах и поэтому они не показались особо священными и важными, особенно для информантов первого поколения. Тем не менее, обычаи знакомы всем и, вероятно, они могут ореализоваться еще в будущем, хотя на данный момент они не являются святыми для всех. О такой идентификации себя с различными традициями, являющейся открытым, непрерывным и бесконечным процессом, в котором мы все участвуем, говорит также, к примеру, Холл в своей теории (см. раздел 2.1.).

Далее нам необходимо изложить кратко результаты данной части работы. Во-первых, другие виды времяпрепровождения на Рождество оказались как в общей коллективной памяти, так и в общем метанарративе обоих поколений чрезвычайно транскультурными. Помимо этого, в них не доминируют *финские* обычаи. Следовательно, мы приходим к выводу, что в данном случае обычно семьи не аккультурировались к *финским* обычаям.

Во-вторых, респонденты второго поколения предпочитают традиции, связанные с музыкой и рождественскими телепередачами. Занятия, связанные с музыкой, оказались у них смешением разных культурных качеств, в то время как просмотр передач являются, чаще всего, *финским*. Исходя из этого, в отличие от многих других тем Рождества, данные развлечения, в общем, оказались наиболее смешанными в культурной памяти второго поколения.

В-третьих, в отличие от музыкальных наклонностей в традициях второго поколения, информанты первого поколения предпочитают именно *финские* рождественские песни. Тем не менее, другие, наиболее *финские* виды времяпрепровождения не оказались значимыми для респондентов первого поколения. Резюмируя, можно сказать, что данные информанты придерживаются, чаще всего, *русских* традиций. Отсутствие привычки идти на кладбище свидетельствует тоже о склонности к более *русской* манере проводить время на Рождество. О ней нам часто рассказывали информанты обоих поколений.

В-четвёртых, по мнению респондентов того или иного поколения, помимо музыки, общение друг с другом является самым важным занятием в этот праздничный период. Об этом было рассказано в значительной степени рассказчиками первого поколения, о чем ниже. До этого следует отметить, что касательно темы музыки, важным агентом можно было считать женщину, а в других видах времяпрепровождения агентом можно считать в целом общество.

6.1.2.8. Особенности рассказов первого поколения

Коммунитас и священность проявляются особенно в загадочных, сложно поддающихся пересказу моментах жизни, то есть, и во время празднования, в более неординарных случаях по сравнению, например, с буднями. Об этом было рассказано в нашей теории (см. раздел 1.2.). Данная характеристика празднования видна особо четко в описаниях значимости общества и атмосферы во время *финского* Рождества, о чем нам очень подробно рассказали респонденты первого поколения (Мюллюоя 2015: P2, P4, P6, P8, P10, P12, P14, P16, P18). Эти данные подчеркивают, на наш взгляд, тот факт, что *финское* Рождество действительно приняли в репертуар *своих* святых праздников, несмотря на то, что, как уже было отмечено, традиции, и вообще весь праздник, являются безграничными и транскультурными. Об этом речь идет, к примеру, в исследованиях Растас и других, а также Фернандо Ортиса (см. раздел 2.2.). Данные наблюдения свидетельствуют о том, что именно общество и атмосфера, созданная им, являются ключевыми формирующими факторами праздника. Данные элементы видны ярче и, поэтому, как нам кажется, они являются более важными именно в старшем возрасте, в котором подчеркиваются как попытки передачи традиций, так и поддержание значимых для себя социальных связей.

6.1.2.9. Краткие результаты данной части работы

Мы подошли к концу нашей аналитической части, посвященной основному празднику Рождества. Значит, нам необходимо представить читателю выводы, сделанные нами относительно священного пространства праздника и входящих в него традиций, а также общества.

С точки зрения общей коллективной памяти и общего метанарратива обоих поколений, касающегося Рождества, картина оказывается чрезвычайно транскультурной и многообразной. Не представляется возможным выяснить, какие традиции доминируют в коллективной памяти. Тем не менее, кое-какие сходства и различия между традициями в рассказах о них обоих поколений можно было заметить.

Во-первых, прежде всего, именно респонденты второго поколения воспринимают наиболее *финские* обычаи, как *свои*. Такова ситуация относительно следующих тем: окорока, запеканок, *pirarkakku*, *joulutorttu*, глинтвейна, *joulupukki*, подарков, *sauna* и телепередач на Рождество. Кроме данных элементов, также *финская* традиция варить рисовую кашу оказалась часто наиболее *своей*. Между тем, респонденты первого поколения тоже соблюдают *финские* традиции в связи со следующими темами: запеканки, *glögi*, подарки и *sauna*. Сверх того,

обычай рисовой каши, *pirarkakku*, *joulutorttu* и рождественских песен оказались также довольно *своими*, *финскими* традициями для информантов первого поколения.

Во-вторых, в рассказах обоих поколений наиболее смешанными традициями можно было считать универсальные рыбные лакомства, и другие, наиболее индивидуальные элементы застолья. К тому же, в теме рождественского застолья были найдены традиции, свидетельствующие о транскультурной кухне, в виде, к примеру, азиатских вариантов. Подобным образом, транскультурными обычаями первого поколения оказались традиции запекать окорок и готовить другие мясные блюда. К сожалению, мы не смогли определить к какому варианту Деда Мороза относится память информантов первого поколения. В дополнение к этому, тема музыки является транскультурной в нарративах второго поколения.

В-третьих, в рассказах наших респондентов наблюдаются также более *русские* привычки. Такими оказались в памяти обоих поколений традиции, связанные с одеждой, хотя в нарративах первого поколения данная тема оказалась менее значимой, в противоположность нашим предположениям. К тому же, важнейшими, наиболее *русскими* элементами застолья оказались *русские* салаты в рассказах обоих поколений – винегрет в нарративах первого поколения, и «оливье» в памяти второго поколения. Нас удивило то, что больше о таких салатах рассказали именно респонденты второго поколения. Кроме этого, *русскими* можно было воспринять обстоятельства, при которых в рождественское время не идут на кладбище и не смотрят *финские*, рождественские передачи. Такова оказалась ситуация в обоих поколениях относительно посещения кладбища, и в первом поколении касательно рождественских телепередач.

В-четвертых, на уровне семей, чаще можно было наблюдать адаптацию к наиболее *финским* привычкам, связанным со следующими темами: 1) запеканки, *pirarkakku*, *glögi* и подарки были приняты пятью семьями, а 2) окорок, *joulutorttu* и *sauna* четырьмя из семей. В свою очередь, семьи придерживаются наиболее *русских* этнических традиций в том смысле, что они: 1) не ходят на кладбище (большинство из семей), 2) не едят рисовую кашу, не поют *финские* песни, и не смотрят рождественские телепередачи (три семьи), 3) готовят *русские* салаты и воспринимают персонажа Деда Мороза, как *русского* (две семьи).

Кроме данных результатов, по мнению представителей обоих рассмотренных поколений, общение друг с другом является самым важным занятием в этот праздничный период. При этом, первое поколение подчеркивало значение сообщества и атмосферы, создаваемой им, как ключевых элементов праздника.

Исходя из всего этого, чаще всего, те или иные, наиболее *финские* традиции были приняты респондентами второго поколения. Ситуация первого поколения, в свою очередь, заключается в том, что в зависимости от обстоятельств на данный период времени, они

соблюдают те или иные традиции, либо наиболее *финским*, либо наиболее *русским* образом. Следовательно, обычаи первого поколения можно считать наиболее смешанными по сравнению с привычками второго поколения. Кроме этого, самыми удивительными элементами в рассказах обоих поколений для нас оказались, что: 1) стиль одеваться является наиболее *русским* в Рождество 2) в данный период времени, в основном, не поются *финские* песни, не посещается кладбище и не смотрятся *финские*, рождественские телепередачи и 3) отсутствует традиция *lireäkala*.

Можно сделать вывод о том, что перечисленные нами обычаи свидетельствуют о культурном многообразии: нами были обнаружены как уникальные, так и более универсальные традиции, являющиеся как *финскими*, *русскими* так и транскультурными. Транскультурность данных элементов была видна в том, как в традициях были соединены не только *финские* и *русские*, но также элементы из других культур, и таким образом смешивающиеся элементы не становятся лишь суммой всех в ней соединенных частей. На все это можно посмотреть как со стороны личностей, так и со стороны общества (см. раздел 2.2.) Помимо этого, как было уже отмечено, многие кажущиеся первоначально *финскими* или *русскими* традиции, являются на самом деле комбинацией качеств, взятых из различных культур, и поэтому является невозможной задачей определить от какой или каких культур они происходят (см. раздел 2.2.). В конце концов, в пространство священного, лиминального праздника Рождества входят не только его деятели (то есть люди, занимающиеся всякими различными традициями), но и в целом, общество. Также туда входят, естественно, разнообразные традиции, являющиеся часто транскультурными.

К выводам можно также отнести, что в отношении тем одежды, *joulupukki*, подарков и других видов времяпрепровождения, нами были установлены также такие, свойственные теории Тэрнера о лиминальном пространстве качества, как однозначность, анонимность и равноправность людей, а также обмен статусами членов общества при каких-либо темах (см. раздел 1.2.).

Поскольку в большинстве из случаев рассказчиками являлись женщины, можно прямо сказать, что они являются наиболее важными действующими лицами, желающими кроме воплощения ритуалов также передавать в коллективную память свой вклад через рассказы. Нашими респондентами было более живо рассказано о застольных традициях и ими занимающихся людях. В главном разделе о еде женщины дали помимо себя активную роль мужчинам. В отличие от этого, в других традициях, связанных с едой, выпечкой и напитками, более занятыми лицами оказались сами женщины с детьми или, сообщество в целом, а не мужчины. Однако, топлением бани по рассказам наших информантов заняты в одинаковой степени как мужчины, так и женщины, а в связи с *joulupukki* доминирует мужской пол. В

нарративах о других видах времяпрепровождения чаще всего речь шла о действующих лицах женского пола. В дополнение к этому можно сказать, что остальные занятия и элементы Рождества (=одежда и подарки) создавали более пассивную картину в отношении лиц, занятых данными традициями. Так в этих случаях можно было обнаружить, обобщенный рассказ об обществе в роле агента празднования. Всё же, как было сказано выше, голос различных полов слышен чётко, живо и многообразно только в традициях застолья. Следовательно мы сделали вывод, что мужчины вместе с женщинами активно воссоздают эти святые атрибуты своего священного общества и пространства праздника Рождества. При этом, и те и другие создают вместе чувство общности, объединяют свою группу и обновляют различные культурные качества в пространстве празднования, а также в коллективной памяти. Однако, как нами уже было выяснено, женщины заинтересованы в большей степени в передаче коллективной памяти будущим поколениям в устной форме.

6.1.3. Время после Рождества

Многие *финские* рождественские обычаи соблюдаются в рождественское время – примерно с начала декабря (с адвента 'adventti') до *финских* loppäivät и/или nuutinpäivä. По *финским* традициям рождественские святки 'joulujuhlat' начинаются с joulupäivä (25 декабря) и заканчиваются на loppäivät (6 января). К тому же, по более старой традиции в nuutinpäivä (13 января) заканчивается так называемый рождественский покой 'jouluvaika', и рождественское время. Более того, существуют *финские* традиции относительно Степанова дня 'stapaninpäivä', входящего в *финские* святки. Поэтому, мы проанализируем еще время после Рождества, несмотря на то, что в рассказах наших информантов данная тема не оказалась особо значимой. В этих разделах важным является увидеть, какие ритуалы являются более популярными в период рождественских святок, и соблюдают ли люди *финскую* традицию, по которой рождественское время заканчивается на loppäivät. *Финским* можно считать также отношение к nuutinpäivä, как к концу этого периода. Однако, одновременно эти же дни усложняют нашу задачу, так как, если следы *русских* традиций найдутся, их возможно соблюдать также после *финского* Рождества, поскольку, например, *русское* Рождество проводится 7 января, а на nuutinpäivä отмечается *русский* старый Новый год. Из этого следует, что здесь можно будет обнаружить кроме *финских* так и более многообразные традиции отмечать послерождественское время. Сначала, мы определим, каким образом проводятся *финские* святки. Далее мы рассмотрим ситуацию, связанную с *русским* Рождеством и старым Новым годом. В последнюю очередь, мы разберём память об окончании рождественского праздника

и сделаем общие выводы о темах, поднятых нашими респондентами касательно окончания рождественского времени.

6.1.3.1. Joulunpyhät

После основного праздника Рождества продолжаются выходные дни и начинаются святки 'joulunpyhät', во время которых запрещено ходить в гости 25 декабря. Сверх того, после праздника доедается рождественская еда. К тому же, 26 декабря наступает *финский* Степанов день 'tapaninpäivä', во время которого уже можно ходить в гости более свободно. Еще в этот день могут соблюдаться различные традиции, связанные с данным зимним праздником, примером которых может случить, tapanintanssit. В эти же дни могут, тем не менее, поддерживаться и более *русские* или еще какие-либо традиции, и, поэтому, нам интересно узнать, какой является коллективная память и метанарратив как первого, так и второго поколений.

По *финским* традициям, после рождественского праздника обычно у всех остается еда, которую приходится доедать. В данном исследовании четверо респондентов второго поколения рассказали об этом, но, помимо этого, в одном из случаев называется святым делом доедать именно *русские* салаты (Мюллюоя 2015: P3, P5, P7, P15). В свою очередь, о доедании еды рассказывают трое информантов первого поколения (там же: P8, P10, P12). Из этого следует, что общая коллективная память, а так и метанарратив обоих поколений оказались транскультурными. В одном случае традиция доедать рождественскую еду была принята из национальной культуры Финляндии как ребёнком, так и его родителем (Мюллюоя 2015: пара 4). Всё же, чаще всего, семьи не усваивали данную привычку, а, наоборот, придерживались наиболее *русской* традиции. Иначе говоря, они не доедают рождественскую еду (там же: пары 1, 7 и 9). Исходя из всего этого, тема доедания еды показывается наиболее *русской*, поскольку, в частности, об этой теме не рассказывают респонденты ни одного из поколений. Иной оказалась бы, вероятно, ситуация у более *финских* респондентов.

При этом, 25 декабря два респондента второго поколения просто сидят дома (Мюллюоя 2015: P15, P17). Они идут в гости только заранее договорившись, в то время, как другие ходят по гостям более свободно (там же). Подобным образом, по словам двух информантов первого поколения, день после Рождества они проводят дома, отдыхая и не посещая друзей (там же: P10, P12). Отсюда вытекает, что общая коллективная память и метанарратив обоих поколений оказались транскультурными. Более того, пять семей вовсе не адаптировались к данному *финскому* обычаю (там же: пары 1, 2, 3, 4 и 7). Мы ожидали, что большинство из наших информантов соблюдало бы *финскую* традицию не ходить в гости в этот период времени.

Такого результата мы не получили, но, по крайней мере, почти одна третья часть всех респондентов рассказывает о том, что действуют соответственно параметрам данной традиции. Если они будут рассказывать об этом будущим поколениям, вполне возможно, что традиция станет еще сильнее реализовываться на базе финской мифологии. Всё же, сейчас данная тема, подобно предыдущей, показалась наиболее *русской*, а не *финской*.

В дополнение к этим данным, мы не нашли никаких значимых результатов того, чтобы во время *финского* Степанова дня поддерживались какие-либо традиции вторым поколением. Нами было установлено лишь то, что тогда встречаются со своим коллективом (с семьей) *по финским* традициям, но, поскольку, еда оказалась *русской*, на наш взгляд, обычай является, в целом, смешанным:

Потом 26 декабря мы встречаемся всегда с родителями, с бабушкой, дедушкой. В зависимости. По финским традициям пытаемся встретиться с кем-то, вообще. Обычно это у бабушки собираемся все. Ну это taranipäivä. И просто надо встречаться с кем-то, потому, что ты до этого пару дней был спокойно. (Мюллюоя 2015: P17)

В рассказах первого поколения можно было тоже услышать интересные традиции проводить время на taranipäivä. В качестве примера, один из информантов работает традиционно почти всё послерождественское время в сфере туризма, а другой встречается со своими родителями и детьми (Мюллюоя 2015: P10, P18). Таким образом, нами, опять, не было найдено *финских* обрядов в связи с данным днем. В результате данного анализа нами было выяснено, что в семи семьях на taranipäivä не принято соблюдать *финские* обычаи, и, поэтому, можно сказать, что данные семьи не приспособились к *финским* привычкам (там же: пары 1, 2, 3, 4, 6, 7 и 8). Иначе говоря, поскольку большинство не имеет никаких явно *финских* традиций, то есть, доминирует отсутствие таких обычаев, можно сделать вывод, что день проводится по *«русским»* параметрам. Рассказывая об этом периоде послерождественского времени, респонденты не выделяли отдельных агентов, не говорили о том, мужчины они или женщины, а речь шла, прежде всего, о целом сообществе

Можно подытожить, что, с одной стороны, большинство из наших респондентов как второго, так и первого поколения не соблюдает *финских* традиций, связанных с joulunpyhäät. Иными словами, в послерождественское время не были приняты *финские* традиции, и, поэтому, данная часть показалась даже наиболее *русской*. С другой стороны, нами были найдены также и *финские*, индивидуальные варианты проводить святки. Мы не нашли отдельных агентов в связи с данной частью нашего доклада. При этом, нами было установлено, что во время святок люди являются важными, поскольку о них шла речь довольно часто при разговорах о данном периоде времени. Помимо этого, похоже, что время, следующее после самого рождественского праздника, является, в основном, возможностью встретиться именно

с друзьями и близкими, а иногда и отдохнуть на каникулах, и/или и тем и другим. Самоочевидно, что люди подобрали себе из разных культур более подходящие обычаи и действуют гибко, принятым ими самими образом, через что в коллективной памяти проявляется транскультурность (см. раздел 2.2.). В свою очередь, возможно, что жизненная ситуация или обстоятельства обязывают наших респондентов действовать по определенным правилам, так как, например, в глобальном мире людям необходимо быть постоянно в движении и, при этом, единственный шанс встретиться даже с семьей и друзьями, живущими, к примеру, в другом городе, существует лишь в праздничные дни. Иначе говоря, если есть желание увидеть родных и близких, не стоит терять времени на лишней отдых, на так называемое *joulurauha* и традиции, связанные с ним. Вероятно, это и есть один вид новой, современной транскультурности, навязанной западным обществом. Таким образом могут потеряться более своеобразные, национальные и этнические традиции, но, вместо них, также могут зародиться совсем новые. И наконец, поскольку по наиболее *русским* традициям в праздничное время принято встречаться с друзьями и близкими, возможно, что информанты использовали данную возможность во время самого домашнего Рождественского праздника и после него. В результате ситуация оказалась менее типична для *финской* культуры и более свойственной этнической культуре респондентов первого поколения – то есть *русской*.

6.1.3.2. Русское Рождество и Старый Новый год

Как было уже отмечено, послерождественское время включает в себя кроме *финских*, также и *русские* традиции. Данные обычаи можно установить в отношении русского Рождества и старого Нового года.

В метанарратив второго поколения входит некоторым образом праздник *русского* Рождества. Двое из наших респондентов вспомнили конкретно, что тогда делается: день является поводом для встречи (Мюллюоя 2015: P17) или тогда могут быть *русские* гости, и, при этом, готовится еда. (там же: P15). Двое из респондентов рассказали также, что их матери могут, например, смотреть службу или поздравлять своих родственников с праздником (там же: P5, P13). В добавление к этому, один респондент вспомнил о русскоязычном рождественском празднике детства (в русское Рождество), на котором присутствовал *русский* Дед Мороз (там же: P9). Тем самым в главный сюжет второго поколения входит память о русском Рождестве.

Респонденты первого поколения, в свою очередь, рассказали в множестве случаев о том, что не знают о *русских* традициях, связанных с *русским* Рождеством. Там не менее, у трёх из них существуют свои традиции относительно *русского* Рождества. Один из них очень

подробно рассказал о своем желании воплотить *русские* традиции Рождества в будущем (Мюллюоя 2015: P18). Этот же респондент отметил, что уже нашел хорошие, *русские* рождественские песни. Он также рассказал о детских праздниках, организуемых им, на *русское* Рождество. (там же.) Второй из данных трёх респондентов объявил, что сейчас практически не отмечает этот праздник (поздравляет только друзей), но в подробном рассказе о прошлых событиях вспоминает, насколько ярко праздновался этот день (там же: P2). Между тем, этот же информант проводит *украинское* Рождество с друзьями с 6-го по 7-е января (там же). Третий из рассматриваемых респондентов, помимо этого, поздравляет *русских* в этот день (там же: P4). Кроме этого, один информант рассказал, что его родители отмечают данный праздник (там же: P8). Таким образом, русское Рождество имеет место, кроме метанарратива второго поколения, также и в первом. Однако, удивительным оказалось то, что о *русских* традициях вспоминали, чаще всего, респонденты второго поколения, а не первого.

Исходя из вышеперечисленных данных, половина из всех наших респондентов приспособилась к *финской* культуре – не практикуя *русские* традиции. В качестве примера, в двух семьях, не принято соблюдать данные обычаи (Мюллюоя 2015: пары 4 и 6). Тем не менее, некоторые из наших информантов, всё же, лояльно пытаются продолжить и/или возобновить какие-либо *русские* обычаи, даже если их сложно найти где-либо. К примеру, в одном случае наиболее *русские*, этнические традиции сохранились, их соблюдают и они, вероятно, перешли из первого поколения во второе (там же: пара 9). Общая коллективная память обоих поколений является, как можно видеть, транскультурной.

В отношении старого Нового года, трое из респондентов второго поколения рассказали о некоторых обычаях (Мюллюоя 2015: P3, P13, P17). Сверх того, двое из респондентов первого поколения рассказали о них немного (там же: P2, P4), но, еще в двух случаях, подобные традиции существуют *иногда* (там же: P8, P18). При этом, важными атрибутами в данный день оказались телефон, компьютер, Скайп и телевизор (там же: P2, P3, P4, P8, P13, P17, P18). Заметным стало также, что в двух случаях этнические *русские* традиции, вероятно, перешли от первого поколения во второе (там же: пары 2 и 9). Однако, четыре семьи уже приспособились к *финским* традициям и они не знакомы с традицией провожать старый Новый год (там же: пары 3, 5, 6 и 8). В конечном счете, поскольку в большинстве случаев не соблюдаются никакие традиции связанные со старым Новым годом, он показывается во всех случаях в коллективных памятях смешанным, и, возможно, наиболее *финским*. Между тем, в отличии от русского Рождества, данный праздник упоминается чаще информантами первого поколения, а не второго. К тому же, из Рождества и старого Нового года, первый является более популярным. В дополнение, значительную роль в рассказах многих респондентов играют и в настоящей части данного доклада, кроме женщин также особенно целое сообщество.

В итоге, о русском Рождестве можно сказать, что кое-какие традиции относительно него существуют, так как об этом празднике шла речь в половине из рассказов. Иными словами, он есть в памяти как респондентов первого, так и второго поколения, несмотря на то, что тема не оказалась настолько подчеркнутой, как мы ожидали. Такова ситуация особенно в случае первого поколения. Другими словами, в памяти второго поколения сохранилось больше *русских* обычаев. В случае же первого поколения, память является, наоборот, наиболее *финской*. В противоположность этому, обычаи, связанные со старым Новым годом оказались менее популярными, и, обычно, в данный день не включились *русские* традиции.

Метанарративы обоих поколений, в целом, свидетельствует о том, что в семьях наших информантов и в их памяти существуют разные традиции. Таким образом понятно, что обычаи проводить данные дни являются транскультурными, и в людях можно, поэтому, заметить гибридные культурные качества (см. раздел 2.2.). Но, возможно, что память воплотится позднее в более *русские* традиции, поскольку о *русскости* этих праздников не забывают. Очевидно, что данный праздник важен респондентам. С другой стороны, данные люди имеют время на поиск себе также других телесных ритуалов, вместо *русских*. Однако, данные *русские* традиции все же могут сохраниться в их памяти, и о них можно будет рассказать будущим поколениям. Так, хотя сами респонденты и не исполняли бы часто ритуалы, их могут воплотить позже другие члены их сообщества. Важно отметить, по той причине, что в настоящих рассказах речь часто идет о сообществе и входящих в него близких людях, данные темы можно назвать священными для респондентов. К тому же, в действиях подчеркивалась в основном активность общества, а не женщин.

6.1.3.3. Окончание Рождества

В данной части нашего исследования будет выяснено по каким параметрам можно определить окончание *финского* Рождества. При этом, для нас особенно важно выяснить, заканчивается ли данный праздник по *финским* традициям на *lorriäinen* или *nuutinpäivä* или нет. Так мы сможем окончательно понять, насколько *финские* и *русские* (или еще какие-либо) традиции связаны с периодом послерождественского времени, а также с его окончанием, в памяти наших респондентов.

Заключение Рождеству можно определить временем, когда убирают важнейший атрибут этого праздника, то есть, ёлку. Об этом рассказывают все, кроме одного из наших респондентов второго поколения. По нашему материалу было заметно, что день уборки ёлки является подвижным: некоторые убирают ее в начале января, с 1-ого по 4-ое января, (Мюллюоя 2015: P1, P11), после Нового года (там же: P7, P9) или после 14 января (там же: P3), а у других она

стоит дольше (Мюллюоя 2015: P15), даже до марта (там же: P17). К тому же, по словам некоторых информантов нет специфического времени для уборки рождественской ёлки (там же: P9, P15, P17). Кроме этого, один информант рассказал, что обычно ёлка стоит у них дольше, чем у финнов из-за православного Рождества. Тем самым, эту традицию можно считать *русской* (там же: P13). Данные результаты являются удивительными, поскольку мы надеялись получить на этот вопрос следующего рода ответ: ёлку уносят из дома, в основном, по *финским* традициям в *lorriäinen* или *puutinpäivä*. Очевидно, такого результата мы не получили. Так, обычай уносить елку после Рождества является в коллективной памяти второго поколения *смешанным*, так как нельзя сказать, что ее выносят по более *русским* или *финским* привычкам в какое-либо определенное время, а, напротив, чаще всего, в зависимости от ситуации. Подобные результаты о проявлении каких-либо культурных (или национальных) качеств, зависящих от ситуации, были получены также в исследованиях Элины Кангасахо (2014) и Минны Аалто (2015).

Об уборке елки среди респондентов первого поколения двое отметили, что елка стояла или стоит примерно до *русского* Рождества (Мюллюоя 2015: P6, P14). Более того, в одном случае все украшения снимаются 14 января (там же: P4), и, в другом, елку уносят с 13-ого по 14-ое января (там же: P18). Между тем, нашлась более индивидуальная, но крайне интересная традиция, по которой все украшения вместе с елкой убирают с 20-ое по 21-ое января, поскольку Рождество кончается на Украине в это время (21 января) (там же: P2). В дополнение к этому, так как четверо респондентов не рассказали об этом периоде времени вообще, этот элемент может считаться в их памяти *русским*. Нам уже известно, что на основании нашей части анализа, рассказывающего о подготовке к Рождеству – ёлка связана не только с Рождеством, но и с Новым годом. Вероятно, поэтому в рассказах о Рождестве об уборе ёлки речь не идет. В результате, и здесь заметно транскультурное отношение к елке и ее уборке после рождественского и/или новогоднего праздника.

Наиболее *русское* время уносить елку было усвоено респондентам второго поколения от своих родителей и их этнической культуры в одном случае (там же: пара 7). К тому же, если уборка елки после Нового года, где-то в начале января, (но не в периоды с 6-ого по 7-ое или с 13-ого по 14-ое января), считать *русским* обычаем, то так и в двух других семьях получается, что традиция была передана из первого поколения во второе (там же: пары 1 и 4) Помимо этого, в рассказах еще одной пары елка уносится примерно 14 января, но в настоящем случае нам неизвестно, с какой именно культурой связан данный обычай и, поэтому, мы не можем сказать каким образом данный ритуал был усвоен (Мюллюоя 2015: пара 2). При этом, остальная картина, связанная с усвоением настоящих обычаев, является сложной, непонятной и сложной для объяснения.

По нашим наблюдениям, невозможно определить существование какой-либо одной определённой традиции, связанной с уборкой рождественской ёлки. В силу этого, самым главным результатом является то, что в этом случае *финская* традиция убирать ёлку, либо в *lorriäinen*, либо в *nuutinpäivä* не осуществляется. Между тем, как нам показалось, чаще всего, ёлку выносят из дома по *русским* обычаям, которые, возможно, были усвоены тремя семьям. Однако, лучше всего, заметно, что из традиций, соединенных из разных культур, рождаются полностью новые качества, о чём шла речь также в нашей теоретической части, в главе о культуре и идентичности (см. глава 2). Такой транскультурной традицией мы можем назвать и настоящую часть окончания Рождества в общем метанарративе обоих поколений нашего исследования. Опять же, об агентах в настоящей части работы не шла речь.

На ситуацию можно посмотреть также иначе. Праздник считается законченным в таком случае, когда все разошлись с места празднования. Таким образом Рождество заканчивается 24 декабря у всех из рассказчиков второго поколения за исключением одного, двух или трёх из наших респондентов. Одно из исключений рассказывает о том, что проводит сейчас Рождество у себя. У второго речь идёт о том, что он находится долгое время у своих родителей и считает, что рождественское время заканчивается 1 января, а третий из наших информантов празднует Рождество сначала 24 декабря с семьёй супруга, а на *tapaninpäivä* (26 декабря) уже со своей семьёй и за более *русским* столом (Мюллюоя 2015: P5, P11, P17). Случаи, упомянутые последними, можно считать довольно транскультурными и индивидуальными, так как в них заметен собственный, выбранный образ жизни данных личностей, а также смешение традиций из различных культур. Итак, большинство из данных респондентов проводит Рождество в *финское* время – 24 декабря. Затем заканчивается настоящий основной праздник, поскольку общество расходится. Тем не менее, к данной части относятся, кроме *финских* также смешанные и индивидуальные параметры. Но, во всех рассказах второго поколения праздник кончается в любом случае, как только люди разъезжаются. Мы нашли только одно исключение из этой тенденции. (Мюллюоя 2015: Рождество.)

В свою очередь, в двух случаях в рассказах первого поколения отмечается, что после Рождества или на Рождество все разъезжаются (Мюллюоя 2015: P8, P14). Всё же, нам известно косвенно, что одинаковой является ситуация *обычно* в трех случаях точно, а *иногда* еще в двух других семьях, в одной из которых *своими* людьми, помимо семьи, являются также и друзья (там же: P2, P4, P10; P6, P18). Более того, нами было выяснено, что в одном случае люди не разъезжаются сразу после празднования Рождества (там же: P12). Из этого следует, что многие из респондентов первого поколения тоже проводят Рождество *обычно* в *финское* время, 24 декабря, после чего кончается этот основной праздник, поскольку люди разъезжаются. Между тем, были найдены также отклонения от этой тенденции, свидетельствующие о более

смешанном способе проводить настоящий праздник (Мюллюоя 2015: P18). В случае, при транскulturации празднования Рождества, например, в виде двух (или более) рождественских праздников вместо одного, заметно, что праздник (культура празднования) может показаться более смешанным. Нами было рассказано более подробно о транскulturности в теоретической части данной работы (см. раздел 2.2.). Важно подчеркнуть, что и при этих склонностях в действиях данного сообщества, в общем главном сюжете обоих поколений память оказалась транскulturной.

Всё же, в факте определения окончания Рождеству уходом гостей, в основном, метанарративы различных поколений сходятся. Более подробно, рассматривая данную тему с точки зрения адаптации к наиболее *финским* обычаям, можно сказать, что пятью парами была усвоена национальная традиция в связи с разъездом гостей после данного праздника (Мюллюоя 2015: пары 1, 2, 4, 5, 7). К тому же, в двух семьях традиции смешались и являются более зависимыми от ситуации и собственного желания человека (там же: пары 6 и 9). Необходимо также отметить, что об отдельных агентах в данной части работы не шла речь.

В отношении окончания Рождества нами было выяснено, насколько важным, святым и определяющим торжества элементом, в этот праздник является коллектив. Иными словами, когда нет коллектива, нет и праздника. Одновременно, самым важным и святым атрибутом является ёлка. Резюмируя можно сказать, что окончание Рождества проявилось в настоящем разделе, в основном, более транскulturным образом в связи с уборкой елки, а *финским* в связи с сообществом. Так нами было установлено, что основной праздник отмечается в *финское* время, после чего люди расходятся. Более того, поскольку елку убирают в зависимости от ситуации, и довольно часто по *русским* традициям, данный атрибут может быть связанным как с *финским* Рождеством, так и с *русским* новогодним периодом, и, поэтому, он является транскulturным элементом. Из этого следует, что окончание Рождеству определяется не только *по-фински*, но и соответственно *русским* привычкам новогоднего периода.

6.1.3.4. Краткие результаты данной части работы

Здесь следует обратить особое внимание на то, что темы данной части не оказались явными и, соответственно, особо важными для наших респондентов. Обращает внимание уже то, что, как нами было установлено, в этот период времени, в частности, не входят какие-либо особенно *свои* традиции. Несмотря на это, мы хотели проанализировать данную часть, поскольку надеялись увидеть, в чем и где проявляются *русские*, а в чем и где – *финские* обычаи.

В настоящей части, посвященной периоду времени после Рождества, было выяснено, что при всех темах (кроме уборки елки) в коллективной памяти интервьюируемых лиц самым

священным является само общество с которым проводится это время и в котором воплощаются ритуалы как *финской*, так и *русской* мифологии. Больше всего, в данную часть вошли, на наш взгляд, именно *русские* традиции, такие, как посещение друзей и отмечание русского Рождества и старого Нового года.

Мы доказали, что основной праздник отмечается в *финское* время, после чего люди расходятся, и, следовательно, праздник кончается. Всё же, в рассказах обоих поколений рождественское время продолжается на протяжении *финских* святок по наиболее *русским* (или навязанным западным обществом) привычкам встречаться со своими родными и близкими, как только имеется время. Правдивость данных результатов была обоснована ситуацией, связанной с наследованием данных обычаев. К нашему удивлению, нами была установлена только одна, возможная, более *финская* традиция на *tapanpäivä*. В месте с этим, удивительным оказалось, что, чаще всего, в ближайший период после Рождества не соблюдаются следующие *финские* традиции: доедание рождественской еды, запрет идти в гости и обычаи, связанные с *tapanpäivä*. Говоря иначе, обычно этот период показывается более *русским*, и такая ситуация была принята в большинстве из семей. Так, в данной части наши информанты, в основном, не приняли *финские* традиции, как *свои*.

В свою очередь, рассказы о второй половине *joulunruuhät* нам показались наиболее транскультурными, поскольку, с одной стороны, во время особенно *русского* Рождества, но также иногда и старого Нового года, существуют *русские* обычаи, но, с другой стороны, чаще всего, у респондентов нет никаких традиций, связанных с этими торжествами, отчего создается впечатление о более *финском* стиле проводить данное время (=не по *русским* традициям). Свидетельство о менее *русских* традициях в данный период времени было получено также при обсуждении наследования данных традиций, так как в большинстве из семей *русские* обычаи отсутствуют. Однако, если считать данный образ времяпрепровождения более *финскими*, елку должны были бы убирать по *финским* традициям, либо в *lorriäinen*, либо в *puutinpäivä*, а такие результаты нами не были получены. Наоборот, информанты обоих поколений выносят елки на улицу соответственно различным, транскультурным привычкам. Более часто, как нам показалось, в рассказах особенно первого поколения, елку убирают по *русским* традициям, и, поэтому, данный элемент может быть связанным, кроме *финского* Рождества также и с *русским* новогодним периодом, и, поэтому, он является транскультурным элементом. Таким же образом, вообще, конец рождественского времени можно считать чрезвычайно транскультурным. Самыми удивительными результатами для нас оказались, что: 1) елка не выносится по *финским* традициям на *lorriäinen* или *puutinpäivä* и 2) у респондентов второго поколения о русском Рождестве в памяти остался большой отпечаток.

Конечным выводом является, что заключительные традиции рождественского и/или новогоднего времени являются в общем метанарративе данных поколений максимально транскультурными. Сам праздник, всё же, заканчивается, обычно, *по-фински*, когда люди разъезжаются после Рождества. Однако, в период нескольких дней после *финского* Рождества доминирует более *русский* стиль проводить время, а после него, традиции оказались очень смешанными. Помимо этого, агентами данной части работы можно было считать всё сообщество.

7. Метанарратив и ритуалы Хэллоуина и Дня всех святых

Так как мы хотим рассмотреть наличие не только *финских*, *русских* и/или транскультурных, но и даже *американских* традиций в празднованиях наших информантов, то далее мы перейдем к анализу Хэллоуина. Вместе с Хэллоуином мы проанализируем коллективную память, связанную с Днем всех святых 'pyhäinpäivä'. Данные праздничные дни будут проанализированы ниже в хронологическом порядке. Ход настоящей части анализа построен по тем же принципам, что и предыдущие аналитические части. Более того, касательно настоящих тем мы имеем те же теоретические предположения, о которых было рассказано нами выше, например, в главе о Рождестве. К примеру, одна из наших идей заключается в том, что, по теории Тэрнера, на Хэллоуин и День всех святых можно посмотреть, как на нахождение членов сообщества в лиминальном пространстве (см. раздел 1.2.). Мы выдвигаем гипотезу о том, что относительно Дня всех святых будут видны более *финские* традиции, а с Хэллоуином транскультурные, несмотря на то, что в рассказах первого поколения можно будет обнаружить отрицание подобных традиций. Более того, здесь мы, как и ранее хотим найти главных действующих лиц в организации данных событий.

Далее мы проанализируем ситуацию празднования Хэллоуина, поскольку таким образом станет ясно, соблюдаются ли кроме более *финских*, *русских* или транскультурных свойств, проявляющихся в актах рождественского времени, также более *американские* свойства или элементы, возможные во время Хэллоуина. Таким образом мы сможем убедиться в том, что различные обряды смешались в метанарративах и коллективной памяти наших респондентов, и что каждый из рассказчиков выбрал из обычаев для себя более надежные и подходящие, которые, в итоге, стали гибридными. Однако, возможными станут и иные выводы.

На основании анализа записанных нами рассказов, выяснилось, что респонденты второго поколения воплощают более многообразные традиции в связи с Хэллоуином. Такой является ситуация обычно в трех случаях (Мюллюоя 2015: P5, P7, P13). Кроме того, два респондента

иногда проводят этот праздник со своими друзьями (Мюллюоа 2015: P3, P11). Еще двое, отмеченных нами уже респондентов отмечают этот праздник, в основном, ради своих детей и того, что он нравится им. С другой стороны, один из тех же респондентов может отметить это событие так и со своими друзьями. (там же: P7, P13.) В любом случае респонденты пять, семь и тринадцать, либо очень подробно рассказывают о Хэллоуине, либо отмечают, что любят этот праздник, либо по данным видно и то, и другое (там же: P5, P7, P13). В противоположность этому, один респондент отмечает, что несмотря на то, что знает, что семья родителей устраивает традиционно для младшего брата этот праздник, сам он может «в кого-нибудь одеться в Хэллоуин, если у меня (себя – А.М.) настроение есть, но у меня (себя – А.М.) нету настроения.» (там же: P17). К тому же, еще один наш информант рассказал, что этот праздник не проводит вообще – «Это же день мёртвых.» (Мюллюоа 2015: P15). Таким образом видно, что данный праздник оказывается в нашем материале, либо семейным и/или детским праздником (в двух случаях), либо событием, отмечающимся вечером в компании друзей, либо у себя дома, либо у друзей, в клубе/баре или в нескольких из этих вариантов (в основном, в трех случаях). Во всех пяти случаях респонденты утверждают, что на этот праздник следует одеться по теме, «как на маскарад», «в костюм, грим» и так далее – либо одеть так своего ребенка (там же: P3, P5, P7, P11, P13). Более того, в двух случаях речь идет о традиции тыквенного фонаря – точнее об оформлении такого фонаря, как украшения дома (там же: P5, P13). Еще в двух рассказах отмечено, что на Хэллоуин «можно испечь что-то по теме» или, что в этот день можно есть «всякое вкусное» или накрыть на стол «просто, обычно чипсы и конфеты» (там же: P5, P13), а в двух случаях также отмечено, что с праздником связан алкоголь (там же: P3, P5).

Исходя из этого, касательно этого праздника люди одеваются по теме, украшают квартиру, к примеру, тыквой и/или едят что-то вкусное (возможно тоже по теме Хэллоуина), а также употребляют алкоголь в зависимости от компании и ситуации. Таким образом данные ритуалы входят в метанарратив и коллективную память второго поколения. Всё же, в общем, ситуация является транскультурной, так как, по крайней мере, четверо из респондентов не соблюдают никакие *американские* традиции, связанные с Хэллоуином.

В свою очередь, в рассказах первого поколения доминирует отрицательное отношение к Хэллоуину. Во многих случаях нам было рассказано, что знают, что такое Хэллоуин, но не понимают почему его отмечают или, что это единственный праздник, который не любят, не считают *своим* или говорят, например, что «Россия против этого» (Мюллюоа 2015: P4, P8, P10, P14, P16). Однако один респондент традиционно уже несколько лет подряд проводит этот день со своей семьей – и то в речи заметно насколько у него противоречивое отношение к этому празднику, поскольку, с одной стороны, «раньше этого праздника не одобряли, но, с другой

стороны, сейчас поняв его суть, он отмечается ради сына». Кроме этого отмечено, что праздником это событие является для сына, а для матери он в первую очередь труд. Тем не менее, сама подготовка к торжеству является по словам респондента синонимом семейного праздника. (Мюллюоя 2015: P18.) К тому же, один из наших респондентов первого поколения хотел бы отмечать этот праздник (там же: P6). Поэтому можно сделать вывод, что первое поколение не приняло данный праздник в репертуар *своих*, «святых» торжеств, в противоположность второму поколению. Иными словами, респонденты второго поколения адаптировались к более *финскому/американскому* подходу к Хэллоуину и стали отмечать праздник более транскультурно по сравнению со своими родителями. Более того, следует обратить особое внимание на то, что чаще всего рассказчики первого поколения придерживаются *русских* традиций не отмечать Хэллоуин.

При таких обстоятельствах является очевидным, что более-менее одинаковыми оказались ситуации в рассказах информантов той или иной семьи в том случае, если Хэллоуин не отмечается. Таких семей было найдено три. (Мюллюоя 2015: пары 1, 5, 8.) Иначе говоря, в таких случаях более *русский* подход к делу был перенят, вероятно, информантами второго поколения от своих родителей и их национальной культуры. Однако, в шести семьях можно заметить транскультурность в собственных обычаях (там же: пары 2, 3, 4, 6, 7 и 9). Несмотря на это, в общем метанарративе данных респондентов доминирует, чаще всего, *русский* подход не отмечать Хэллоуин. Такой является ситуация у четырех из респондентов второго поколения и у пяти из первого в то время, как какими-либо ритуалами заняты (иногда) пять рассказчиков из второго поколения и один-два из первого. (Мюллюоя 2015: Хэллоуин и День всех святых.)

В плане агентов, о которых шла речь в рассказах о Хэллоуине, было выяснено, что в равной мере рассказывалось об активных деятелях ссылаясь как на *себя*, так и на *общество* (там же: P7, P10, P11, P13, P16, P17; P3, P5, P13, P15, P18). Более того, настолько же часто, говоря о себе, подчеркивали, например, что данный день *не* понимают (там же: P2, P4, P7, P8, P10, P14, P17). Поэтому, мы сделали вывод о том, что информанты сами (=обычно женщины) определяют, чаще всего, то, проводится ли данный праздник или нет. Лишь на втором месте после деятельности женщин оказалась важность сообщества и его активность в осуществлении и даже определении значимости праздника. Поэтому в связи с данной частью настоящего доклада нами было выяснено, что самым важным деятелем является женщина. Далее мы перейдем к аналитической части о Дне всех святых *ruhäinpäivä*. Изначально мы исходим из того, что респондент, относящий на кладбище свечу и/или вспоминающий об усопших соблюдает *финскую* традицию, если он занят этими действиями именно в *финский* *ruhäinpäivä* (=на следующий день после Хэллоуина).

У двух из девяти респондентов второго поколения в рассказах видно, что День всех святых отмечается – в одном из случаев о традиции относить свечу на могилу рассказано минимально (Мюллюоя 2015: P3), а в другом случае значение этого дня подчеркивается множеством повторений (там же: P9). Исходя из этих воспоминаний, традицию можно считать *финской*. В двух рассказах других информантов заметно, что обычай зажигать свечу в этот день существует *иногда* (там же: P11, P13), даже в случае, когда в Финляндии никто не похоронен. Более того, один респондент помнит об этой традиции и рассказывает нам о том, что может быть, если в Финляндии был бы кто-то, к кому ходить на кладбище, то туда респондент ходил бы в этот день (там же: P7). Исходя из этого, в четырех обсужденных выше случаях можно, на наш взгляд, заметить более *финский* подход к данному дню, поскольку в них видно, что традиция существует в памяти и иногда даже в актах, а еще она считается возможной в будущем. Следовательно, некоторые респонденты относятся к этому дню и обычаю более *финским* образом, а еще почти половина не соблюдает данные обычаи (там же: Хэллоуин и День всех святых). Таким образом можно даже сказать, что эта вторая половина имеет более *русский* подход – не отмечать данный день. Отсюда вытекает, что традиции смешались в коллективной памяти и метанарративе респондентов второго поколения. Но, данное событие не является особо важным, так как его значение не оказалось подчеркнутым.

Ситуация оказалась иной в рассказах первого поколения, поскольку у них особо значимым этот праздник является в семи случаях, свидетельствами чего являются не только использование ими таких слов, как *святой, всегда, конечно*, но и употребление повтора или множество описаний событий в своей речи (Мюллюоя 2015: P2, P4, P6, P10, P12, P14, P16). С другой стороны, эти слова не всегда относятся к тому, что человек сам зажигает свечи, а, например, к тому, что этот день может оказаться внутренне значимым событием, поскольку, к примеру, на кладбище видно, что люди помнят погибших (там же: P6). Более того, некоторые информанты, считающие эту традицию важной, не заняты ею «чисто» *по-фински*, так как дата этому обычаю варьируется (там же: P2, P16), и в некоторых случаях отмечается, что свечку относят на кладбище для усопших в других местах и странах, поскольку «здесь у нас никто не похоронен» (там же: P12, P14). Таким образом видна многообразность и транскультурность этой традиции в коллективной памяти и рассказах наших респондентов первого поколения. К тому же, в данном случае это событие проявляется ярче, чем в рассказах второго поколения.

Сравнивая ситуацию пар по семьям, можно было увидеть, что приблизительно таким же образом научились справлять (или не отмечать) этот день дети через воспитание своих родителей в шести случаях из четырех в которых разницы не было заметно (2 справляют в финское время, 2 не справляют вообще) (там же: Хэллоуин и День всех святых). В свою очередь, в двух других парах респондент второго поколения относится к традиции более

свободно по сравнению со своим родителем, но все же отмечает *иногда* каким-либо образом *финский* День всех святых, хотя, с другой стороны, их же родители заняты в этот день смешанными традициями, вместо «чисто» *финских* (Мюллюоя 2015: пары 6 и 7). Еще в трех парах были обнаружены несходства в рассказах, поскольку респонденты второго поколения не имеют собственного отношения к этим традициям, но у их родителей существуют более своеобразные, менее *финские* традиции касательно обычая относить свечку на кладбище (там же: пары 1, 3 и 8).

В результате, более-менее *финский* стиль справлять этот день и его традиции можно обнаружить в рассказах четырех из пар, хотя в двух из них существуют также транскультурные традиции. В данном случае обычаи можно считать усвоенными детьми от своих родителей через воспитание, либо национальную культуру окружающей среды. Однако, еще у трех из пар, на наш взгляд, существует наиболее транскультурный стиль проводить время в этот день. Также, мы заметили тот факт, что чаще всего какие-либо традиции соблюдают информанты именно первого поколения. (там же: Хэллоуин и День всех святых.) Из всего сказанного следует, что только две пары из всех наших семей адаптировались к более *финским* традициям, связанными с данным днем, а остальные нет. Более того, особо заметной стала транскультурность ритуалов. Поэтому, данный день не оказался настолько *финским*, как мы ожидали.

В трех семьях при соблюдении более *финских* традиций (в *финское* время) действующими лицами являются обычно *мы* в речи наших респондентов (Мюллюоя 2015: пары 5, 6, 7), но также в одном рассказе нашелся страдательный залог и вариант *я* (там же: пара 2). В дополнение нашлись варианты *я* у рассказчиков первого поколения в связи с занятием какой-либо традицией в своем стиле (Мюллюоя 2015: пары 3, 8), но и, либо *я*, либо *мы*, в зависимости от ситуации, в связи с *финским* стилем воплощают традиции (там же: пара 5). На наш взгляд это свидетельствует о том, что при использовании *нас* привычка соединяет членов сообщества, и данное сообщество считается разделяющим одинаковый обычай. Более того, тогда именно целое сообщество является важным деятелем. В свою очередь, при использовании *я*, можно сказать, что информант сам является важнейшим действующим лицом. В результате проведенного нами анализа нами было выяснено, что в большинстве случаев настоящие обычаи являются *своими*, святыми ритуалами, соединяющими индивидов, в данной ситуации, в сообщество лиц, соблюдающих более *финские* традиции, потому что обычно в таких рассказах было использовано именно слово *мы* относительно *финским* обычаям (там же: Хэллоуин и День всех святых). Исходя из этого, целое общество является главным, активным создателем данного события. Но, женщины являются наиболее важными инициаторами при вовлечении в коллективную память новых, своеобразных элементов. Более

того, именно женщины являются главными деятелями, помимо общества. Далее мы переходим к кратким результатам данной части нашего доклада.

7.1. Краткие результаты данной части работы

В результате нами было установлено, во-первых, что в метанарративе данного сообщества существуют традиции Хэллоуина и Дня всех святых. Во-вторых, сравнивая традиции празднования между днями данной части работы, нами было выяснено, что в рассказах первого поколения выделяющимся обычаем оказался ритуал относить свечку на День всех святых, а в случае второго поколения доминируют ритуалы Хэллоуина. Отсюда вытекает, что информанты второго поколения приняли наиболее *американские* привычки в *свои*. В свою очередь, весьма часто при ситуации, связанной с Днем всех святых и первым поколением, обычаи являются наиболее транскультурными, а не *финскими*. Поэтому можно сказать, что, чаще всего, в таком случае в *свои* привычки были приняты традиции, объединенные из различных культур, а также атрибуты, воплощающие мифологию различных культур.

Однако, следует отметить, что память о событиях данных дней является весьма транскультурной в обоих случаях, и, поэтому, мы не получили, например, результата, что в отношении Дня всех святых были бы видны наиболее *финские* традиции. Напротив этому, в центральном рассказе второго поколения можно было найти даже довольно *русский* подход к теме (=не отмечать этот день). Более того, к нашему удивлению в отношении к Хэллоуину несмотря на то, что, в целом, он является весьма транскультурным, принимая во внимание не отмечающих настоящий праздник, оказалось, что в общем метанарративе данных поколений доминирует наиболее *русский* подход. Одновременно с этим выводом мы получили также подтверждение нашей теории о том, что в большинстве из личных нарративов первого поколения отношение к Хэллоуину является отрицательным, то есть наиболее *русским*. Отсюда следует, что большинство респондентов придерживается наиболее *русских* традиций в отношении Хэллоуина. Одинаковым образом относятся к данному торжеству отдельно также первое поколение. Однако, касательно Дня всех святых, именно второе поколение имеет менее *финские* традиции. В результате, в целом, праздничные дни данной части анализа оказались довольно *русскими*.

Кроме этого, касательно Хэллоуина, именно женщины оказались инициаторами данного праздника. Значимость общества и его активности занимают лишь второе место. Более того, женщины оказались наиболее важными агентами при вовлечении в коллективную память новых, своеобразных элементов празднования на ruhäinpäivä.

В конце концов, из данного материала был получен следующий результат: различные обряды являются крайне смешанными в метанарративах и коллективной памяти наших респондентов в связи с тем или иным праздничным днем. Более того, чаще всего, люди выбирали из обычаев самые для себя важные и подходящие, которые, в итоге, стали гибридными и следующими за транскультурными традициями (см. раздел 2.2.). Таким образом была подтверждена наша теория о проявлении обычаев в гибридном, смешанном виде.

8. Выводы

Проанализировав наш исследовательский материал об отмечании Рождества и рождественского времени в целом, а также Хэллоуина и Дня всех святых *pyhäinpäivä*, мы можем утверждать, что коллективная память и метанарратив(ы) нами интервьюированных личностей являются максимально транскультурными. Сказанное позволяет сделать вывод, что не только ритуалы наших респондентов, но также их культурная идентичность, соответственным образом, оказалась транскультурной.

Интересно, что такие частицы культуры, как ритуалы и традиции, являющиеся святыми по значению для деятелей сообществ и оберегающие их же, могут создать ощущение о настолько многообразном и меняющемся во времени пространстве празднования, как в нашем анализе выяснилось. Вопреки первоначальному априорному впечатлению о том, что можно легко представить себе «типичную» ситуацию празднования Рождества, действительность оказывается в значительной степени иной и может даже шокировать своей своеобразностью и разнообразием. Параллельно, рассмотрение нарративов подобных торжеств может привести к выводу о том, что очень сложно, практически невозможно найти свойственные лишь какой-либо одной культуре жесты и/или атрибуты, связанные с отмечанием праздников.

Интересно было также увидеть, что отдельные метанарративы разных поколений могут настолько ярко отличаться друг от друга. Примером этого может служить то, что в общем рассказе первого поколения невозможно было даже определить предрождественское время, относящимся именно к Рождеству: в нем отсутствовала рождественская уборка, а также главнейший атрибут, то есть, елка, не относилась безусловно к Рождеству, а, наоборот, довольно часто к Новому году. Интересно, что, в свою очередь, в коллективной памяти второго поколения время до Рождества, относилось в основном, к модели *финского* предрождественского времени, и в нём присутствовали, как уборка (хотя она представляла в виде обычной уборки), так и украшение квартиры и елки – все это соответствовало *финским* привычкам.

Тем не менее, респондентов различных поколений объединяет то, что они не зажигают свечу/свечи на адвент, не покупают/получают цветок *joulutähti*, и их традиции, связанные с гирляндами, а также открытками и сообщениями, оказались особенно транскультурными. Таким образом выяснилось, что, в основном, данные поколения объединяли транскультурные или *русские* традиции. Между тем, результат о смешанности традиций открыток и сообщений можно было считать особенно интересным и значимым, поскольку данный факт указывает на то, что люди поддерживают контакты, несмотря на национальности и государственные границы.

Что касается самого праздника Рождества (24 декабря) то, вновь, в значительной степени, именно респонденты второго поколения приняли наиболее *финские* обычаи, как *свои*, и, соответственным образом, оказались наиболее аккультурированными в финском обществе. К нашему удивлению, в том числе и информанты первого поколения, довольно часто, воплощают *финские*, культурные традиции. Всё же, в целом, их коллективная память заключалась, либо в *русских*, либо в транскультурных традициях. Данное нас не удивляет, потому что, по нашему мнению, является очевидным, что, чем больше действуешь по определенным параметрам, тем сложнее их становится изменить. Иначе говоря, так как информанты первого поколения не выросли в Финляндии, они, реже всего, перенимали *финские* традиции и делали их *своими*.

В то же время, к нашему удивлению, данное общество одевается более нарядно на Рождество, по сравнению с «типичным», *финским* стилем. Кроме этого, респондентами второго поколения было детализировано, что в Рождество на столе должны присутствовать *русские* салаты. Вместе с этим, в метанарратив наших респондентов не входят традиции в виде рождественских телепередач и необходимости посещать кладбище на Рождество. В заключение, аналогично предыдущей теме (о предрождественском времени), в общий рассказ и тех и других поколений вошли наиболее *русские* и транскультурные занятия. В противоположность этому, чаще всего, данные семьи переняли следующие, *финские* атрибуты в *свои*: запеканки, подарки, *pirarkakku*, *glögi*, окорок, *joulutorttu* и *sauna*. В дополнение, безусловно интересным результатом мы считаем, что в памяти первого поколения рождественский *joulurukki* присутствует часто, несмотря на то, что в их же жизни, вероятно, важнейшую роль занимал *русский* новогодний Дед Мороз. К любопытным наблюдениям можно отнести также тот факт, что в памяти второго поколения разновидность музыки оказалась более яркой по сравнению с нашими ожиданиями.

В отличии от главных тем Рождества, послерождественское время показывалось иначе, потому что, в общих чертах, в данный период времени отсутствуют всякие *финские* обряды, как у респондентов первого поколения, так и второго. Стало быть, в данном коллективе это время проводится скорее по *русским* обычаям, но, возможно, также и по параметрам, навязанным западным обществом, примером чего может служить то, что люди встречаются со своими знакомыми и близкими всегда, когда на это находится время – то есть, особенно во время каникул. Следовательно, у респондентов не остается времени на отдых и на так называемое *joulugauiha*. Вдобавок, они не действуют по таким параметрам, как, к примеру, запрет ходить в гости на день после 24 декабря. Между тем, в их нарративах отсутствуют, в частности, всякие обычаи, относящиеся к *taraninpäivä*, *lorppiainen* и *nuutinpäivä*. Кажется, что в контексте времени после Рождества доминируют безусловно наиболее *русские* обряды, связанные с *русским* Рождеством и старым Новым годом. Интересно также, что в настоящем

материале, в большинстве случаев, примеры обычаев, связанных с *русским* Рождеством были приведены именно респондентами второго, а не первого поколения. Тем не менее, несмотря на то, что, прежде всего, время после Рождества можно было проводить в *русском* стиле, большинство из информантов не рассказали ни о каких обычаях для данного периода времени, создавая, в общем, впечатление о чрезвычайно транскультурном способе проводить это время. Что касается вынесения из квартиры елки, то, к нашему удивлению, такие привычки оказались тоже весьма транскультурными. В результате, можно было сделать вывод, что в способах и привычках празднования Рождества, существует склонность личностей и коллектива в сильной степени к *русским* и смешанным традициям, кроме «привычных» *финских*.

Если переходит к выводам о праздновании Хэллоуина, то нужно отметить, что в основном респонденты относятся к этому празднику «*по-русски*», то есть, довольно отрицательно. В то же время, на *juhänpäivä*, традиции являются весьма транскультурными. По сравнению с рождественским временем, данные даты не оказались настолько важными. Всё же, второе поколение, в отличие от первого, усвоило ритуалы Хэллоуина. В противоположность этому, традиции *juhänpäivä* не включаются в их память. В метанарративе первого поколения, между тем, виден отрицательный подход к Хэллоуину, но, всё же, приверженность к некоторым обычаям, связанным с *juhänpäivä*.

Вышеуказанные замечания говорят также о том, что в финский праздничный период (Рождества) были переняты, кроме *финских*, также наиболее *русские* и транскультурные обряды и привычки, и, сверх того, в данную коллективную память вошли *американские* обычаи, связанные с Хэллоуином. Нельзя также забыть о существовании, не только *финских*, но, и, вместе с тем, транскультурных привычек на День всех святых.

Все это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что, в частности, метанарратив второго поколения относится к наиболее обобщенному, глобальному метанарративу, в котором важную роль играют наиболее *финские* обычаи, такие, как рождественский календарь, свечи, *joulupukki*, окорок, глентвейн, *piparkakku*, *joulutorttu*, *sauna* и так далее. Кроме этого, данное сообщество также относится к более *американскому* метанарративу, в котором существует Хэллоуин. Как видно, несмотря на то, что данные респонденты не жили в Америке, они, все равно, смогли усвоить некоторые *американские* традиции. В отличие от этого, центральный рассказ первого поколения можно было в большей степени отнести к метанарративу более широкого общества, в котором отсутствуют названные выше атрибуты – то есть, к нарративу, в котором воплощаются традиции русской среды, примером чего могут служить следующие привычки: традиции праздничного наряда и отсутствие рождественской уборки, рисовой каши и финских, рождественских песен. Однако, рассказывая о своих ритуалах, информанты

первого поколения обращались и к *финской* тенденции относить свечу на кладбище, хотя они перекодировали эту, связанную с *руhäinpäivä* традицию своим, транскультурным образом.

На наш взгляд, это можно интерпретировать следующим образом: согласно нашей теории, люди, прожившие большую часть своей жизни в той или иной стране, обычно предпочитают традиции именно этого общества. Так, на основании данного исследовательского материала создается впечатление о том, что респонденты второго поколения приняли, прежде всего, *финские* традиции в *свои*, в то время как, их же родители, до сих пор, придерживаются довольно часто *русских* обычаев. Но, с другой стороны, информанты первого поколения, удивительно часто, перенимали также и *финские* обряды, связанные с основной частью Рождества. Поэтому можно сказать, что этнически русские информанты могут поддерживать *финские* традиции, несмотря на свое русское прошлое.

Стоит также отметить, что в нашем материале можно было найти много максимально транскультурных традиций, свидетельствующих о том, что при свободном выборе членов разных обществ различные культурные свойства смешиваются, и, в итоге, создают нечто совсем уникальное. Иными словами, так можно заметить объединённые культурные качества, которые были отмечены в нашей теоретической части. Наряду с этим необходимо заметить, что согласно нашей теории, данное сообщество и его коллективная память вместе с метанарративом(и) оказались довольно гетерогенными.

Исходя из результатов нашего анализа, мы можем подытожить, что многообразие ритуалов свидетельствует о том, что в настоящем коллективе воплощается мифология не только *финской* или *русской* среды, но, также различных других культур, являющихся, в свою очередь тоже лишь смесью разнообразных культурных качеств тех и иных сообществ. Одновременно с этим подтвердилось то предположение, что, как персональная идентичность человека и культура, так и ритуалы меняются во времени. Исходя из всего этого, кажется, что в данном случае лучше говорить не о русско-финском сообществе, а о транскультурном коллективе, проживающим в Финляндии и обладающем на данный момент именно вышеприведенными обычаями и традициями.

Как указывалось в нашей теоретической части, общество является важнейшим элементом при перформативных высказываниях, поскольку оно создает и организует пространство для передачи ритуалов. О значимости общества для празднования в нашем материале было также найдено множество свидетельств, так как второе поколение рассказывало об этом в связи с предрождественским временем, первое поколение при разговорах о Рождестве (24 декабря), а также оба поколения в контексте рождественского времени, отмечая, что уход гостей, то есть распад коллектива оканчивает праздник. Данный показатель можно принять как сигнал о том, что именно сообщество является важнейшим

фактором при праздновании. В свою очередь, что касается Хэллоуина, то по рассказам второго поколения можно было сделать вывод о том, что у них нет обычно общества для проведения названного праздника, и из-за этого настоящий праздничный день не подчеркивается часто, и, к нему нельзя иметь выраженного отношения. Одновременно с этим, их же родители относятся к более обширному, *русскому* обществу, и, по этой причине, они ссылаются, к примеру, на то, что «в России не принято» отмечать такой праздник. В отличие от этого, в контексте *ruhäinpäivä*, сообщество не оказалось явным, и, по нашему мнению, из этого следует, что данное событие не является особо значимым для информантов.

Более того, в настоящем контексте необходимо привести в пример то, что, в общем метанарративе данных поколений была установлена характеристика, свойственная теории лиминального пространства Виктора Тэрнера. Более подробно, однозначность, анонимность и равноправие людей (а также обмен статусами членов сообщества), поднятые нашими информантами особенно в связи с некоторыми темами (например, одежда на Рождество, Дед Мороз, подарки) данного исследования, свидетельствуют о значимости общества, поскольку, при таких обстоятельствах люди чувствуют себя коллективом, а не отдельными личностями. Таким образом, согласно теории Тэрнера, люди оказываются в самой глубине коммунитаса.

К выводам мы хотим отнести и результаты о важнейших инициаторах, которыми оказались в большинстве женщины. Несмотря на то, что, говоря о тех или иных праздниках и их частях, респонденты часто говорили обо всем сообществе, в том случае, если речь шла об отдельных агентах, ими представлялись обычно женщины. К примеру, в связи с темами открыток и сообщений, главной еды на Рождество, и даже топлением бани упоминались как агенты, в основном, по их собственным словам, женщины. К тому же, женщины оказались инициаторами праздника Хэллоуина, и, проявили особую активность в вовлечении в коллективную память новых, своеобразных элементов празднования на *ruhäinpäivä*. Исходя из этого, можно предположить, что именно женщины являются активными при поддержании социальных контактов, а также в поддержании, и обновлении тех или иных ритуалов и коллективной памяти и передачи их из поколения в поколение. Помимо этого, в общем метанарративе наших респондентов женская деятельность не оказалась подчеркнутой в описании послерождественского времени, и, одновременно данная часть Рождества не была представлена особо важной. Кажется, что если женщин нет, исчезает также праздничное время. Другими словами, возможно, что ритуалы и их воплощение является, все же, задачей женщин, и, отсюда следует, что, при отсутствии тех или иных обычаев, агентами которых являются обычно женщины, очевидно отсутствие праздника. Но, с другой стороны, в базовый рассказ данных респондентов вошли также мужчины, как главные действующие лица самой яркой темы – темы рождественского застолья. То есть, как нам показалось, современные

мужчины являются тоже весьма важными лицами, поддерживающими и обновляющими культурные привычки и коллективную память. Такой вывод подтверждается и тем фактом, что нам довольно легко удалось найти двух мужчин в качестве респондентов, и, таким образом, они объявили свое желание поделиться с нами своим культурным и коллективным опытом.

9. Заключение

Задачей нашей работы было, прежде всего, ответить на вопрос, в чем заключается общая коллективная память и метанарратив первого и второго поколения в контексте праздников. Мы акцентировали внимание на таких праздничных днях, как Рождество, *русское* Рождество, старый Новый год и Хэллоуин. Одновременно, во внимание были приняты также дни, связанные каким-либо образом с настоящими праздниками. Такими оказались адвент, *tapaninpäivä*, *lorriainen*, *nuutinpäivä*, *joulunpyhä* и День всех святых. Мы рассмотрели разные этапы празднования этих праздничных дней в связи с проблемой коллективной памяти и метанарративов двух поколений вместе и по отдельности. Кроме того, нам нужно было узнать, с одной стороны, насколько адаптированными наши респонденты являются к *финской* культуре, но, и, с другой стороны, также заметить наличие *русских* или еще каких-либо традиций в данном сообществе и в данном контексте. Сверх того, нам необходимо было обнаружить главных инициаторов коллективных, праздничных событий.

Для решения поставленных задач мы, во-первых, рассмотрели теоретические аспекты проблем ритуалов, лиминального пространства празднования, коллективной памяти, метанарратива, культурной идентичности, а также мультикультурности и транскulturности. Мы считаем удачными выбранные нами теоретические источники, которые помогли нам в нашей исследовательской задаче: понять природу коллективной памяти и входящих в нее ритуалов. Вместе с тем нами была выяснена сущность метанарратива и, благодаря этому, мы смогли использовать этот полезный и важный для нашего исследования теоретический концепт. С помощью нашей теории мы сумели разъяснить, кроме феномена коллективной памяти и метанарратива, также и понятия бикультурности, мультикультурности и транскulturности, с точки зрения как общества, так и персональной идентичности. Также мы в общем виде рассмотрели такое понятие, как агент.

Во-вторых, чтобы ответить на поставленные в исследовании вопросы, нам нужно было определить и представить методы сбора исследовательского материала, и инструменты анализа. Нарративное интервью как метод сбора исследовательского материала, помогло нам в плане получения материала для нашего анализа. Что касается конкретного инструмента анализа, то контент-анализ оказался полезным в том смысле, что через него мы смогли войти в опыт людей. В результате, через нарративы, мы проникли в ритуальную, коллективную память данных, нами исследуемых, респондентов. Далее мы перешли к анализу нашего исследовательского материала, то есть, записей интервью и их дешифрованного варианта.

В общих чертах, коллективная память и метанарратив(ы) данного сообщества оказались весьма транскulturными. Проанализировав праздничное время, связанное с Рождеством и

Хэллоуином, не забывая про *juhänpäivä*, мы были удивлены разнообразием данных событий. Нами было обнаружено интересное соединение многоликих нюансов из разных культур, что, следовательно, породило нечто совершенно своеобразное. Одновременно, мы заметили, что удивительно часто рассказы различных поколений расходились в своих деталях. Но, также сходства можно было установить, особенно во время главной части Рождества, в *финских* традициях. Интересным можно считать кроме этого то, что Хэллоуин и День всех святых не показались, в целом, особенно важными для данного коллектива. При этом, метанарратив второго поколения можно было отнести, прежде всего, к наиболее обобщенному и глобальному *финскому* метанарративу, а, метанарратив первого поколения, в отличии от этого, к *русскому*. В результате, понятной стала, к примеру, аккультурация второго поколения в финское общество. В конечном счете, с нашей точки зрения, в общих чертах, данное сообщество является транскультурным, а не двукультурным. Важно также заметить, что нами были найдены интересные результаты, связанные с главными действующими лицами в изменении тех или иных традиций, а также в передаче коллективной памяти.

Как нам кажется, исследование избранного нами материала можно было бы развивать и дальше. Интересно было бы рассмотреть, каким образом проявляется и передается коллективная память, например, в контексте празднования Нового года, в сопоставлении с ситуацией, связанной с Рождеством. Тогда, возможно, было бы легче ответить, к примеру, на такой вопрос, как, какие традиции всё же доминируют в данном коллективе (в настоящем контексте). Особо интересно было бы также исследовать более индивидуальные и своеобразные праздники. Тогда можно было бы узнать, какие культурные качества в них присутствуют, но, также и отсутствуют – существуют ли в них, чаще всего, *финские*, национальные или *русские*, этнические привычки и действия? Кроме этого, было бы интересно сформировать опрос по теме какого-либо праздника (или праздников), и, использовать наиболее количественный подход при выяснении многообразности традиций, входящих в праздничные церемонии тех или иных респондентов. Выше перечисленные перспективы помогли бы улучшить понимание двукультурности и/или транскультурности, являющиеся важнейшими элементами в современной, общественной жизни.

Исследуя тему транскультурности русско-финских личностей, а также их коллективную память, было бы полезно обратить особое внимание и на виртуальное пространство в сети, предлагающее уникальную среду для коммуникации и разностороннего взаимодействия между людьми. Это помогло бы увидеть различные тенденции развивающейся, современной транскультурности и гибридности, проявляющихся в культурных качествах индивидов, а также выделить и объяснить причины и источники данных явлений.

Для дальнейшего исследования было бы также интересно обратить внимание на коллективную память с точки зрения русско-финских мужчин. Любопытно, насколько активно и каким образом они пытаются передавать, перевоплощать, и изменять коллективную память своего сообщества и что, при этом, они рассказывают о праздниках. Может быть, так нашлись бы изменения во времени в их попытках являться более активными агентами вместе с женщинами. Также было бы плодотворно рассмотреть, как такие события происходят в реальности, в отличие от того, что люди, в частности, рассказывают обо всем этом. Таким образом стало бы яснее, насколько намеренно люди действуют в своей общественной жизни, и, каким образом они строят свои отношения друг с другом, к примеру, по сравнению со своими рассказами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Источники:

- Abu-Lughod, Lila 1991. Writing against culture. *Recapturing Anthropology: Working in the Present*. Ed. by Richard G. Fox. First edition. School of American Research Press: Santa Fe (N.M), pp. 137-162.
- Alapuro, Risto 1993. Suomalaisuuden erityislaadusta. *Suomesta Euro-Suomeen: keitä me olemme ja mihin matkalla*. Rauhan- ja konfliktintutkimuslaitos. Tutkimustiedote. No 53. Tampereen Pikakopio Oy: Tampere, s. 5-12.
- Bakhtin, Mikhail 1984. *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Ed. and transl. by Caryl Emerson. Manchester University Press: Manchester.
- Bakhtin, Mikhail 1987. *Speech Genres & Other Late Essays*. Ed. by Caryl Emerson and Michael Holquist. Transl. by Vern W. McGee. University of Texas Press: Austin.
- Bakhtin, Mikhail 1988. *The Dialogic Imagination: Four Essays*. Ed. by Michael Holquist. Transl. by Caryl Emerson and Michael Holquist. University of Texas Press: Austin.
- Bourhis, Richard, Moïse, Léna, Perreault, Stéphane, Senécal, Sacha 1997. Towards an Interactive Acculturation Model: A Social Psychological Approach. *International Journal of Psychology*. No. 6., pp. 369-386.
- Clarke, Kris 1999. *Breaking the Bounds of Bifurcation: The Challenge of Multiculturalism in Finnish Vocational Social Care Education*. Research Reports. Series A, No. 7. University of Tampere. Department of Social Policy and Social Work. Tampere.
- Connerton, Paul 1989. *How Societies Remember*. Cambridge University Press: Cambridge.
- Eliade, Mircea 2003. *Pyhä ja profaani*. Suom. Teuvo Laitila. Loki-Kirjat (Cosmoprint Oy): Helsinki.
- Garfinkel, Harold 1984. *Studies in Ethnomethodology*. Polity Press: Cambridge.
- Gergen, Kenneth J. 1994. *Toward Transformation in Social Knowledge*. Sage: London.

- Giddens, Anthony 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Polity Press: Cambridge.
- Hall, Stuart 1999. *Identiteetti*. Suom. ja toim. Mikko Lehtonen ja Juha Herkman. Vastapaino Oy: Tampere.
- Hirsijärvi, Sirkka, Hurme, Helena 1982. *Teemahaastattelu*. Gaudeamus: Helsinki.
- Hirsijärvi, Sirkka, Hurme, Helena 2008. *Tutkimushaastattelu: Teemahaastattelun teoria ja käytäntö*. Gaudeamus Helsinki University Press: Helsinki.
- Huttunen, Laura, Löytty, Olli, Rastas, Anna 2005. Suomalainen monikulttuurisuus: paikallisia ja ylijäisiä suhteita. *Suomalainen vieraskirja: kuinka käsitellä monikulttuurisuutta*. Toim. Rastas, Anna, Huttunen, Laura & Löytty, Olli. Vastapaino Oy: Tampere, s. 16-40.
- Hyvärinen, Matti ja Löytty, Olli, Varpunen, Varpunen 2005. Kerronnallinen haastattelu. *Haastattelu, tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. Ruusuvaara, Johanna & Tiittula, Liisa. Vastapaino Oy: Tampere, s. 189-222.
- Iskanus, Sanna 1999. Venäjää äidinkielenään puhuvien maahanmuuttajanuorten kieli-identiteetti ja etninen identiteetti. *Yhdeksän tutkielmaa suomesta toisena ja vieraana kielenä*. Suomen kielen laitoksen julkaisuja 40. Jyväskylän yliopisto: Jyväskylä, s. 38-60.
- Iskanus, Sanna 2006. *Venäjänkielisten maahanmuuttajaopiskelijoiden kieli-identiteetti*. Jyväskylä Studies in Humanities 51. Väitöskirja. Jyväskylän yliopisto. Jyväskylä.
- Jaakkola, Magdalena 1989. *Suomalaisten suhtautuminen ulkomaalaisiin ja ulkomaalaispolitiikkaan*. Siirtolaisuustutkimuksia 21. Työvoimaministeriö. Valtion painatuskeskus: Helsinki.
- Jaakkola, Magdalena 1999. *Maahanmuutto ja etniset asenteet. Suomalaisten suhtautuminen maahanmuuttajiin 1987-1999*. Työministeriö, Työpoliittinen tutkimus 213. Edita: Helsinki.
- Korpiola, Lilly 2014. *Pitkä tie äidiksi*. Kustannusosakeyhtiö Tammi: Helsinki.
- Kupiainen, Jari 2003. Mikä monikulttuurisuus? *Monenkirjassa rasismi*. Toim. Raisa Simola ja Kaija Heikkinen. Joensuu University Press: Joensuu, s. 244-258.
- Lehtonen, Mikko, Löytty, Olli, Ruuska, Petri 2004. *Suomi toisin sanoen*. Vastapaino: Tampere.

- Lepola, Outi 2000. *Ulkomaalaisesta suomenmaalaiseksi: monikulttuurisuus, kansalaisuus ja suomalaisuus 1990-luvun maahanmuuttopoliittisessa keskustelussa*. Hakapaino Oy: Helsinki.
- Liebkind, Karmela 1994. Maahanmuuttajat ja kulttuurien kohtaaminen. *Maahanmuuttajat: kulttuurien kohtaaminen Suomessa*. Toim. Liebkind, Karmela. Gaudeamus: Helsinki, s. 20-32.
- Liebkind, Karmela 2000a. Kun kulttuurit kohtaavat. *Monikulttuurinen Suomi: etniset suhteet tutkimuksen valossa*. Toim. Liebkind, Karmela. Gaudeamus: Helsinki, s. 13-27.
- Liebkind, Karmela 2000b. Monikulttuurisuus on tulevaisuutta. *Monikulttuurinen Suomi: etniset suhteet tutkimuksen valossa*. Toim. Liebkind, Karmela. Gaudeamus: Helsinki, s. 171-182.
- Liebkind, Karmela, Mannila, Simo, Jasinskaja-Lahti, Inga, Jaakkola, Magdalena, Kyntäjä, Eve, Reuter, Anni 2004. *Venäläinen, virolainen, suomalainen. Kolmen maahanmuuttajaryhmän kotoutuminen Suomeen*. Gaudeamus: Helsinki.
- Mason, Jennifer 2002. *Qualitative Researching*. SAGE Publications: London.
- Ortner, Sherry B. 1994. Theory in Anthropology since the Sixties. *Culture / Power / History. A Reader in Contemporary Social Theory*. Ed. by Nicholas B. Dirks, Geoff Eley & Sherry B. Ortner. Princeton University Press: Princeton (N.J.), pp. 372-405.
- Phinney, Jean 1989. Stages of Ethnic Identity Development in Minority Group Adolescents. *The Journal of Early Adolescence*. Vol. 9, pp. 34-49.
- Phinney, Jean 1990. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. *Psychological Bulletin*. No. 3, pp. 499-514.
- Puusaari, Hille 1997. Kulttuurinmuutos koettelee maahanmuuttajaa: psykososiaalinen kohtaaminen. *Näkökulmia monikulttuuriseen Suomeen*. Toim. Pirkko Pitkänen. Edita: Helsinki, s. 21-32.
- Rastas, Anna 2005. Kulttuurit ja erot haastattelutilanteessa. *Haastattelu, tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. Ruusuvuori, Johanna & Tiittula, Liisa. Vastapaino Oy: Tampere, s. 78-102.
- Rosaldo, Renato 1989. *Culture & Truth. The Remaking of Social Analysis*. Beacon Press: Boston.
- Rothenbuhler, Eric W. 1998. *Ritual Communication: From Everyday Conversation to Mediated Ceremony*. Sage Publications, Inc.: Thousand Oaks (Calif.).

- Ruusuvuori, Johanna & Tiittula, Liisa 2005a. Saatteeksi. *Haastattelu, tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. Ruusuvuori, Johanna & Tiittula, Liisa. Vastapaino Oy: Tampere, s. 7-8.
- Ruusuvuori, Johanna & Tiittula, Liisa 2005b. Johdanto. *Haastattelu, tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. Ruusuvuori, Johanna & Tiittula, Liisa. Vastapaino Oy: Tampere, s. 9-21.
- Ruusuvuori, Johanna, Nikander, Pirjo & Hyvärinen, Matti 2010. Haastattelun analyysin vaiheet. *Haastattelun analyysi*. Toim. Ruusuvuori, Johanna, Nikander, Pirjo & Hyvärinen, Matti. Vastapaino Oy: Tampere, s. 28.
- Sacks, Harvey 1992. *Lectures on conversation, Vol. 1 & 2*. Ed. by Gail Jefferson. With an introduction by Emanuel A. Schegloff. Blackwell: Oxford UK.
- Seye, Elina 2014. *Performing a Tradition in Music and Dance: Embodiment and Interaction in Sabar Dance Events*. Global Music Centre Publications 14. Dissertation. University of Tampere. Helsinki.
- Shotter, John and Gergen, Kenneth J. 1989 (1990). *Texts of Identity*. Ed. by John Shotter and Kenneth J. Gergen. Sage: London.
- Skutnabb-Kangas, Tove, Kangas, Ilka, Kangas, Kea 1986. *Minoritet, språk och rasism*. Under medverkan av Ilka Kangas och Kea Kangas. Malmö Liber Tryck AB: Stockholm.
- Talib, Mirja-Tytti, Lipponen, Päivi 2008. *Kuka minä olen? Monikulttuuristen opiskelijoiden identiteettipuhetta*. Painosalama Oy: Turku.
- Tarnas, Richard 1993. *The Passion of the Western Mind: Understanding the Ideas That Have Shaped Our World View*. Ballantine Books: New York.
- Taylor, Charles 1995. *Autenttisuuden etiikka*. Suom. Timo Soukola. Gaudeamus: Helsinki.
- Tienari, Janne, Vaara, Eero, Meriläinen, Susan 2005. Yhteisyyden rakentuminen haastattelussa. *Haastattelu, tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. Ruusuvuori, Johanna & Tiittula, Liisa. Vastapaino Oy: Tampere, s. 103-124.
- Tiittula, Liisa 1997. Kulttuurien välinen viestintä. *Näkökulmia monikulttuuriseen Suomeen*. Toim. Pirkko Pitkänen. Edita: Helsinki, s. 33-51.
- Turner, Victor 2007. *Rituaali: rakenne ja communitas*. Suom. Maarit Forde. Suomen Antropologinen Seura ja Kustannusosakeyhtiö SUMMA: Helsinki.

Энциклопедии:

Ожегов С. И. 2014. *Толковой словарь русского языка*. Гл. ред. Н. В. Валуева. Москва: Мир и Образование.

Материалы, опубликованные в Интернете:

Aalto, Minna 2015. *Suomenkielisenä Brysselissä – varhaisnuorten kielellinen identiteetti*.

<<https://journal.fi/pk/article/view/50824/15496>>.

[Просмотрен 18.03.2019]

Haikkola, Lotta 2012. *Monipaikkainen nuoruus. Toinen sukupolvi, transnationaalisuus ja identiteetit*. Helsinki. Helsingin yliopisto.

<<https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/36449/monipaik.pdf?sequence=1>>.

[Просмотрен 20.03.2019]

Kangasaho, Elisa 2014. ”*Mikä mä oon? Mä en oo Venäjällä venäläinen enkä Suomessa täysin suomalainen*”. – *Kaksikielisten aikuisten ajatuksia kieli-identiteetistään*. Helsinki. Helsingin yliopisto.

<<https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/135519/mikamaoo.pdf?sequence=1>>.

[Просмотрен 26.08.2016]

Ollikainen, Hanne-Miia 2015. *Symbolinen yhteisöllisyys sosiaalisen toiminnan tukena. Etnografinen tutkimus Soka Gakkai International Suomen keskusteluilloista*. Tampere. Tampereen yliopisto.

<<http://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/96914/GRADU-1429277319.pdf?sequence=1&isAllowed=y>>.

[Просмотрен 22.03.2019]

Ortiz, Fernando 1995. *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*. Durham, NC. Duke University Press.

<http://www.personal.psu.edu/users/s/a/sam50/readings521/ORTIZ_Counter-Engl.pdf>.

[Просмотрен 01.05.2018]

Pekkanen, Anna 2014. *Identiteetin rakentuminen ja rituaalisuus merkitysten tuottajina kuluttajaheimossa: Case Reebok CrossFit 33100*. Tampere. Tampereen yliopisto.

<<http://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/95294/GRADU-1400146223.pdf?sequence=1&isAllowed=y>>.

[Просмотрен 20.03.2019]

Phinney, Jean, Romero, Irma, Nava, Monica & Huang, Dang 2001. *The Role of Language, Parents, and Peers in Ethnic Identity Among Adolescents in Immigrant Families*.

<https://www.researchgate.net/publication/226850003_The_Role_of_Language_Parents_and_Peers_in_Ethnic_Identity_Among_Adolescents_in_Immigrant_Families>.

[Просмотрен 17.03.2016]

Puharinen, Roosa Emilia 2016. *Kaksikielisuudelmia – Kaksikielisten pariskuntien näkemyksiä omasta kaksikielisyydestään*. Itä-Suomen yliopisto.

<http://epublications.uef.fi/pub/urn_nbn_fi_uef-20160958/urn_nbn_fi_uef-20160958.pdf>.

[Просмотрен 25.08.2016]

Tilastokeskus. *Ulkomaalaistaustaiset*.

<<https://www.stat.fi/tup/maahanmuutto/maahanmuuttajat-vaestossa/ulkomaalaistaustaiset.html#maittain>>.

[Просмотрен 23.03.2019]

Wright, Helena 2013. *Ylirajainen tila sosiokulttuurisen oppimisen ympäristönä: Fenomenografia venäjänkielisten nuorten elämästä rajan läheisyydessä*. Tampere. Tampereen yliopisto.

<<http://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/95254/LISURI-1399041795.pdf?sequence=1>>.

[Просмотрен 25.08.2016]

Толковой словарь Ожегова.

<<https://gufo.me/dict/ozhegov>>.

[Просмотрен 23.03.2019]

Неопубликованные материалы:

Мюллюоя, Арина 2015. *Записи интервью о праздновании русских и финских праздников.* Дипломная работа. Славянская филология. Университет г. Тампере. Тампере.

Мюллюоя, Арина 2015. Рождество. *Записи интервью о праздновании русских и финских праздников.* Дипломная работа. Славянская филология. Университет г. Тампере. Тампере.

Мюллюоя, Арина 2015. Хэллоуин и День всех святых. *Записи интервью о праздновании русских и финских праздников.* Дипломная работа. Славянская филология. Университет г. Тампере. Тампере.

Список праздников, которые были предметом обсуждения в проведенных автором диплома интервью

с 31 декабря по 1 января *Новый год / uusivuosi*

1.1. *uudenvuodenpäivä*

6.1. *lorriäinen* (ven. Богоявление)

6 января *Рождественский сочельник*

7 января *Рождество Христово*

9 января *Степанов день*

13.1. *piitinpäivä*

с 13 по 14 января *Старый Новый год*

19 января *Крещение Господне / Богоявление*

25 января *Татьянин день / День российского студенчества*

14 февраля *День святого Валентина / День всех влюблённых / ystävänpäivä*

23 февраля *День защитника Отечества*

8 марта *Международный женский день / kansainvälinen naistenpäivä*

от начала февраля, до начала марта (сроки подвижны)

Масленица (suom. maslenitsa), неделя перед Великим Постом, за 8 недель до Пасхи

Прощёное воскресенье (suom. sovintosunnutai), начало Великого поста

helmi- tai maaliskuussa, 7 viikkoa ennen pääsiäistä

laskiaissunnuntai (ven. Прощёное воскресенье), ennen laskiaistiistaita oleva sunnuntai

Великий пост (suom. suuri paasto)

laskiaissunnuntain jälkeinen tiistai (läntisessä kristillisyydessä)

laskiaistiistai (ven. Жирный вторник) (у восточных славян аналог = Прощёное воскресенье)

laskiaistiistain jälkeinen keskiviikko

tuhkakeskiviikko (ven. Пепельная среда), aloittaa 40 päivää kestäväen paastoamisen luterilaisuudessa

15.3.–18.4., viikkoa ennen pääsiäissunnuntaita

palmusunnuntai (ven. Вербное воскресенье)

pääsiäistä edeltävä torstai

kiirastorstai (ven. Великий / Чистый четверг)

20.3.–23.4., pääsiäispäivää edeltävä perjantai

pitkäperjantai (ven. Страстная пятница)

суббота перед Вербовым воскресеньем

Лазарьева суббота (suom. Lasaruksen lauantai)

22.3.–25.4. *pääsiäispäivä, pääsiäissunnuntai* (ven. Пасха)

Вербное воскресенье

Великий / Чистый четверг

Великая пятница / Страстная пятница

с 4 апреля по 8 мая *Пасха*

39. päivä pääsiäisen jälkeen

helatorstai / Jeesuksen taivaaseenastumisen juhla (ven. Вознесение Господне)

на 40-й день после Пасхи, в четверг

Вознесение Господне

7. sunnuntai pääsiäisestä, 10 päivää helatorstain jälkeen

helluntai (ven. Троица)

7-й четверг после Пасхи, за три дня до Троицы

Семик

на 50-й день после Пасхи

День Святой Троицы / Троица

1-ое воскресенье после Дня Святой Троицы, в 8-е воскресенье после Пасхи

Собор всех святых / Неделя всех святых

1 апреля *День смеха / День дураков / aprillipäivä*

1 мая *Первое мая / Праздник Весны и Труда / varri*

9 мая *День Победы*

toukokuun 2. sunnuntai

äitiensäpäivä (ven. День матери)

12 июня *День России*

20.–26.6. välinen lauantai

juhannuspäivä (ven. Иван Купала)

7 июля *Иван Купала*

31.10.–6.11., niin, että pyhäinpäivän aatto olisi pyhäinpäivää edeltävä perjantai

Halloween (ven. Хэллоуин), pyhäinpäivän aatto

31.10.–6.11. välinen lauantai

pyhäinpäivä (ven. День всех святых)

4 ноября *День народного единства*

marraskuun 2. sunnuntai

isänpäivä (ven. День отца / День отцов)

последнее воскресенье ноября

День матери

pikkujoulut (ven. Пиккуйюулут / Корпоративные вечеринки)

27.11.–3.12., 1. adventtisunnuntaista alkava vajaan 4. viikon jakso
adventti (ven. Адвент)

6.12. **Suomen itsenäisyyspäivä** (ven. День независимости Финляндии)

13.12. **Lucian päivä** (ven. День святой Люсии)

24.12. **jouluaatto / joulu** (ven. Рождественский сочельник / Рождество)

25.12. **joulupäivä** (ven. Рождество Христово)

2 viikkoa joulusta, 6.1. asti

joulunpyhät (ven. Святки)

26.12. **tapaninpäivä** (ven. Степанов день)

Бейби шауэр + varpajaiset

Крестины

nimiäiset

День рождения

Именины

Новоселье

Проводы

Конфирмация

Обручение

Мальчишник + Девичник

Свадьба

Годовщины свадьбы

Похороны

Первый звонок + Последний звонок

morojuhlat (7. luokan ja lukion 1. vuoden oppilaisiin kohdistuvat rituaaliset perinteet)

penkkarit (ven. Пенкинпайнаяйсет, Пенккарит)

vanhojenpäivä (ven. Ванхойен пяйвя)

lakkiaiset / ylioppilasjuhlat

Выпускной вечер

akateemiset juhlat (ven. Академические праздники)

Профессиональные праздники

Праздники и памятные дни Вооруженных сил РФ

День города

garujuhlat

Nenäpäivä

- 18.1. *kristittyjen ykseyden rukouspäivä* (1. rukouspäivä)
- 2.–8.2. välinen sunnuntai
kynttilänpäivä
- 5.2. *Runebergin päivä* (ven. День рождения поэта Йохана Людвиг Рунеберга)
15 февраля *Сретение Господне*
- 28.2. *Kalevalan päivä* (ven. День Калевалы / День финской культуры)
- 9.4. *Mikael Agricolan päivä* (ven. День Микаэля Агриколы / День финского языка)
- 23.4. *kirjan ja ruusun päivä* (ven. Всемирный день книг и авторского права)
- 27.4. *kansallinen veteraanipäivä* (ven. Национальный день ветеранов)
- 12.5. *suomalaisuuden päivä / J. V. Snellmanin päivä* (ven. День Снелльмана / День финского самосознания)
- toukokuun 3. sunnuntai
kaatuneiden muistopäivä (ven. День памяти жертв войн)
- 1 июня *Международный день защиты детей*
- 4.6. *puolustusvoimain lippujuhlan päivä* (ven. День знамени Оборонительных сил Финляндии)
- 6.7. *runon ja suven päivä / Eino Leinon päivä* (ven. День рождения поэта Эино Леино)
- 25.7. *Jaakon päivä*
- 27.7. *unikeonpäivä*
- 29.9.–5.10. välinen sunnuntai
mikkelinpäivä
- 10.10. *suomalaisen kirjallisuuden päivä / Aleksis Kiven päivä* (ven. День рождения писателя Алексиса Киви / День финской литературы)
- 24.10. *Yhdistyneiden kansakuntien päivä* (ven. День Организации Объединённых Наций)
- 24.10. *rauhan, ihmisoikeuksien ja kansainvälisen vastuun rukouspäivä* (2. rukouspäivä, YK:n päivänä)
- 6.11. *ruotsalaisuuden päivä / Kustaa Aadolfin päivä* (ven. День шведов)
- 20.11. *lapsen oikeuksien päivä / kansainvälinen lasten päivä* (ven. Всемирный день ребёнка)